

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

АВТОРЫ ДОКЛАДОВ

Хвошчев В.Е. (с. 12, 15, 162, 304)
Малышев М.А. (с. 15)
Манола Сепульведа Гарса (с. 15, 314)
Роберто Андрес Гонсалес Инохоса (с. 40)
Давиде Эухенио Датурси (с. 54)
Мариано Родригес Гонсалес с. 68)
Мигель-Анхель Собрино (с. 79)
Русакова О.Ф. (с. 99)
Русаков В.М. (с. 121)
Гредновская Е.В. ((с. 135)
Дыдров А.А. (с. 135, 275)
Вишев И.В. (с. 144)
Педро Каналес Гуерреро (с. 169)
Хомутова Т.Н. (с. 182)
Рубен Мендоса Вальдес (с. 207)
Рещикова С.П. (с. 234)
Гутенев М.Ю. (с. 243)
Парфентьев Н.П. (с. 253)
Парфентьева Н.В. (с. 264)
Оскар Хуарес Сарагоса (с. 284)
Пеннер Р.В. (с. 297)
Роберт Стингл (с. 326)
Фернандо Диас Ортега (с. 339)
Франсиско Хавьер Дуарте Хове (с. 339)
Эрминио Нуньес Вильявисенсио (с. 353)
Батурин Л.М. (с. 367)
Балакин В.С. (с. 376)
Сяоин Л. (с. 376)
Сибиряков И.В. (с. 386)

AUTHORS OF REPORTS

Khvoshchev V.E.. (с. 12, 15, 162, 304)
Malyshev M.A., (p. 15)
Manola Sepúlveda Garza(p. 15, 314)
Roberto Andrés González Hinojosa (p. 40)
Davide Eugenio Daturi (p. 54)
Mariano Rodríguez González (p. 68)
Miguel Ángel Sobrino Ordóñez (p. 79)
Rusakova O.F. (p. 99)
Rusakov V.M. P. 121)
Grednovskaya E.V. (p.135)
Dydov A.A. (p. 135, 275)
Vishev I.V. (p. 144)
Pedro Canales Guerrero (p. 169)
Khomutova T.N. (p. 182)
Rubén Mendoza Valdés (p. 207)
Reschikova S.P. (с. 234)
Gutenev M.Y. P. 243)
Parfentjev N.P. (p. 253)
Parfentieva N.V. (p. 264)
Óscar Juárez Zaragoza (p. 284)
Penner R.V. (p. 297)
Robert Stingl (p. 326)
Fernando Díaz Ortega (p. 339)
Francisco Javier Duarte Jove (p. 339)
Herminio Nunez Villavicencio (p. 353)
Baturin L.M. (p. 367)
Balakin V.S. (p. 376)
Xiaoying L. (p. 376)
Sibiriyakov I.V. (p.386)

**The international scientific-practical conference
DISCOURSEOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

СОДЕРЖАНИЕ

И. КАНТ И КАНТИАНСТВО

Хвощев В.Е., редактор.....	12
Малышев М.А., Манола Сепульведа Гарса, Хвощев В.Е. Антиномии «всеобщей истории» и гуманитарный прогресс	15
Роберто Андрес Гонсалес Инохоса Религия как продукт «чистого разума»	40
Давиде Эухенио Датурси Энцо Пачи: от феноменологизма И. Канта к трансцендентному мышлению.....	54
Мариано Родригес Гонсалес Чувство возвышенного и человеческое достоинство	68
Мигель-Анхель Собрино Основы образовательного проекта Иммануила Канта	79
Русакова О.Ф. Неокантианский дискурс философии истории: методологические аспекты	99
Русаков В.М. Проблема различения объекта и предмета права: актуальность кантинского дискурса.....	121
Гредновская Е.В., Дыдров А.А. Трансцендентальный идеализм в условиях постсовременности: к проблеме актуальности кантианской философии	135
Вишев И.В. Центральная мировоззренческая проблема смерти и бессмертия человека в контексте философского учения И. Канта	144
Хвощев В.Е. Фрагменты естественно-научного опыта И. Канта.....	162

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

МНОГОЛИКИЙ ДИСКУРС

Педро Каналес Гуерерро
Три измерения гуманитарного дискурса
и его аналитического прочтения:
суждения фактов, аксиологические пропозиции
и логические синтагмы169

Хомутова Т.Н.
Анализ дискурса: интегральный подход.....182

Шереметьева С.О.
Прикладной анализ дискурса как основа повышения
качества профессиональной документации195

Историко-культурологический дискурс

Рубен Мендоса Вальдес
Цивилизация и конфликты в зеркале культурного разнообразия.....207

Баркова В.В., Сидорова У.В.
Современный дискурс о некоторых аспектах
осмысления социальной реальности224

Решникова С.П.
Образ и место архитектуры в немецком классическом
и постклассическом философском дискурсе.....234

Гутенев М.Ю.
Творческий потенциал игры.....243

Парфентьев Н.П.
Текстологический структурно-формульный метод
и его применение при исследовании
авторских произведений древнерусской монодии253

Парфентьева Н.В.
Расшифровка авторских распевов древнерусских мастеров
на основе текстологического структурно-формульного метода
(на примере песнопения «Да молчит всяка плоть»)264

Дыдров А.А.
Российский вуз на распутье:
между обществом дисциплины и обществом контроля.....275

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Политико-философский дискурс

Оскар Хуарес Сарагоса Классическая философия: представление и признание с точки зрения Делёза	284
Пеннер Р.В. Проблема свободы человека в дискурсе средневековой философии.....	297
Хвощев В.Е. Так ли страшен чёрт, как его малюют (нетрадиционно о коррупции).....	304
Манола Сепульведа Гарса Коррупционные процессы в региональной власти.....	314
Роберт Стингл Движущие силы политики	326
Фернандо Диас Ортега, Франсиско Хавьер Дуарте Хове Мексика XIX столетия: симуляция демократии	339
Эрминьо Нуньес Вильявисенсио Современные оттенки власти	353
Батурин Л.М. Экономическая дипломатия в мировой политике: история и современность.....	367
Балакин В.С., Сяоин Л. Советско-китайские отношения 1960-х-1980-х гг. в ракурсе дискурсологии.....	376
Сибиряков И.В. Героическая оборона советского Севастополя: некоторые особенности официального дискурса в условиях войны.....	386
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ КОНФЕРЕНЦИИ	399

Хвощев В.Е.
редактор

И. Кант и кантианство

Идеи Иммануила Канта, востребованные человеческой культурой задолго до рождения мыслителя, как никогда ранее актуальны в современном обществе и, вероятно, останутся незабвенными в обозримом будущем. Секрет неувядаемости этих идей состоит в том, что они охватывают широкий круг вопросов, касающихся природы, общества и человека, над которыми непрестанно трудится человеческая мысль.

Философия Канта может внести своеобразный порядок в распроstrанившийся в науке пёстрый дискурс. Насколько хорош этот порядок для нашего времени, насколько приемлем для общественной практики – вопрос исследовательской работы и жизненного опыта. В любом случае даже далёкая от совершенства система оказывается лучше хаотического нагромождения знаний.

Творчество Канта апеллирует к самым общим понятиям и потому может быть инструментом различного рода манипуляций, служить и добру и злу. По этой причине заслуживает особого внимания развитие кантовского учения его последователями и критиками.

В докладах конференции предпринята попытка с самых разных позиций высказать мнения, суждения, взгляды на творческое наследие Иммануила Канта, оценить его актуальность. И не только.

УДК 1/14

Мальшев М.А.
Манола Сепульведа Гарса
Хвощев В.Е.

Антиномии «всеобщей истории» и гуманитарный прогресс

Цель данного доклада состоит не только в том, чтобы воспроизвести основные идеи Канта о всеобщей истории, но и в том, чтобы сопоставить эти идеи с историцистским подходом его младших современников: Гердера и Гегеля. Авторы анализируют такие ключевые концепции немецкого философа как: «биологическая несамодостаточность человека», «недоброжелательная общительность», «антогонизм», «гражданское общество», «вечный мир» и показывают их взаимодействия. Кант ставит вопрос о взаимной дополнительности между противоречивым развитием человечества и определенными моральными и правовыми успехами, которые могут быть достигнутыми под водительством правового государства и федерацией таких государств. Согласно немецкому мыслителю, только в этих условиях человечество в состоянии развить свои подлинно гуманистические предрасположенности и обеспечить устойчивый мир между народами. Но данная цель – это всего лишь надежда и как всякая надежда не гарантирована, ибо содержит в себе «телеологический риск». И тем не менее идея, предложенная Кантом, сопрягает борьбу за мир с моральным прогрессом и требованиями строгого права.

Ключевые слова: И. Кант, антиномия, история, право

Мальшев Михаил Алексеевич,
Мексика, АУШМ, профессор-исследователь, mijailmalychev@yahoo.com.mx

Манола Сепульведа Гарса,
Мексика, национальная школа антропологии, профессор-исследователь, mijailmalychev@yahoo.com.mx

При поддержке академического корпуса «Современное мышление: бытие, познание, действие» АУ штата Мехико

Хвощев Владимир Ефимович,
Россия, ЮУрГУ, заведующий кафедрой политологии, vek@susu.ac.ru

УДК 128 + 129

Роберто Андрес Гонсалес Инохоса

Религия как продукт «чистого разума»

Настоящее исследование затрагивает некоторые существенные моменты религии с позиции Канта. Принципиальные идеи этой позиции немецкий автор развил в своей книге Религия в пределах одного только разума. Возможность религии предшествует и обуславливает чистая моральная вера. Истинная религия, согласно автору, заключается в том, что во всех наших обязанностях мы должны считать Бога всеобщим законодателем. Чистая религиозная вера возможно потому, что Бог отпечатал в сердце человека моральный закон в форме божественного повеления.

Ключевые слова: человек, причина, бог, религия, мораль

Роберто Андрес Гонсалес Инохоса, Мексика, АУШМ,
профессор-исследователь
rushgonzalez@hotmail.com

При поддержке академического корпуса «Современное мышление: бытие, познание, действие» АУ штата Мехико

УДК 141.13

Давиде Эухенио Датурси

Энцо Пачи: от феноменологизма И. Канта к трансцендентному мышлению

Цель настоящего доклада – очертить возможности более детального исследования присутствия кантовской мысли в экзистенциалистских произведениях Энцо Пачи. Если неокантианство представляет философскую школу весьма далекую от экзистенциалистского мышления, то стоит признать важность Пачи для раскрытия некоторых узловых тем философии Канта, таких как отличие феномена от ноумена, феномена от «трансценденции». Предпринятое нами исследование итальянского автора охватывает конец сороковых и начала пятидесятых годов, для которых характерно определение понятия «трансценденности» как имманентного принципа, присущего самой реальности и как основополагающего критерия для выяснения отношения между экзистенцией и разумом, жизнью и ценностью, причем Пачи частично изменяет первоначальный смысл данных понятий, предложенных немецким философом.

Ключевые слова: Кант, Пачи, Антонио Банфи, трансценденность

Давиде Эухенио Датурси, Мексика,
Автономный университет штата
Мехико, профессор-исследователь,
davide.datursi@ibero.it

При поддержке академического корпуса «Современное мышление: бытие, познание, действие» АУ штата Мехико

УДК 141.13

Мариано Родригес Гонсалес

Чувство возвышенного и человеческое достоинство

В настоящем докладе сделана попытка показать как объединены разум и чувственность при разработке теории чувства возвышенного в работе Канта «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного», эссе, которое вышло в свет в 1764 году, и которое вместе со «Снами духовидца проясненных грезами метафизика» представляет нам философа из Кёнигсберга в амплу литературного стилиста. Он полагает, что человек сам по себе, в силу собственной природы и в универсальном смысле обладает возвышенным характером. И действительно, для Канта главный принцип, направляющий добродетельную жизнь, – это чувства красоты и достоинства человеческой природы.

Ключевые слова: Кант, возвышенное, достоинство, красота, разум

Мариано Родригес Гонсалес, Мексика, Автономный университет штата Мехико, профессор-исследователь, E-mail: arianorodrogonzalez@live.com.mx

При поддержке академического корпуса «Современное мышление: бытие, познание, действие» АУ штата Мехико

УДК 141.13

Мигель-Анхель Собрино

Основы образовательного проекта Иммануила Канта

Этот доклад кратко развивает мысли Канта об образовании. Цель статьи – проанализировать и выявить связь главных педагогических идей, которые составляют стержень образовательного проекта Канта. Метод, практикуемый в данном исследовании, позволяет обнаружить основную идею, заключенную в человеческой природе, так как ее понимает автор, а также показать формы образования, которые соответствуют ее двум главным аспектам (телесному и духовному) а также раскрыть как они, будучи связаны друг с другом, создают единый образовательно-просветительский проект нашего автора.

Ключевые слова: образование, практический разум, мораль, автономия, долг, свобода, природа, максимы.

Мигель-Анхель Собрино,
Мексика, Автономный университет штата Мехико, профессор-исследователь

При поддержке академического корпуса «Современное мышление: бытие, познание, действие» АУ штата Мехико

Неокантианский дискурс философии истории: методологические аспекты

В докладе дается анализ методологических аспектов неокантианского дискурса философии истории, которые получили концептуальную разработку в трудах представителей Баденской школы, в работах М. Вебера, а также – в творчестве ряда русских ученых в конце XIX – начале XX вв. Неокантианство рассматривается как влиятельное направление в исторической эпистемологии, которое стало главным критиком позитивизма и метафизики в философии и методологии истории. Следуя за И. Кантом, неокантианцы соединили онтологию истории не только с исторической эпистемологией, но и с аксиологией, т.е. с учением о ценностях. Доклад раскрывает основные положения неокантианской философии и методологии истории, разработанные В. Виндельбантом, Г. Риккертом, М. Вебером, А.С. Лаппо-Данилевским, В.М. Хвостовым и Д.М. Петрушевским. Главная заслуга неокантианцев Баденской школы – выявления специфики методов исторической эпистемологии, которая заключается в применении идеографического или индивидуализирующего подхода. Данный подход предполагает приоритетное изучение ценностей, составляющих основу человеческой культуры. «Отношение к ценности» для неокантианцев является важнейшим критерием отличия «наук о духе» от «наук о природе». Ценностный подход выступает необходимой методологической процедурой гуманитарного познания. М. Вебер совершил попытку соединения позитивистского и ценностного подхода в методологии философии истории, ввел в научный оборот понятие «идеальный тип». Одной из важных заслуг русских неокантианцев является соединение номотетических и идиографических методов в исследовательской практике. А.С. Лаппо-Данилевский дал новое понимание структуры методологии истории, раскрыл разнообразные способы интерпретации исторических источников, показал роль психологического фактора в эволюции истории. В творчестве В.М. Хвостова с позиции неокантианства был дан заслуживающий внимания критический анализ понятия прогресса. Д.М. Петрушевский показал, что историческая эпистемология имеет собственный логический стиль, который требует дополнительного анализа.

Ключевые слова: неокантианство, Баденская школа, методология истории М.Вебера, русские неокантианцы, философия истории, методология истории, историческая эпистемология, идиографический метод, аксиологический подход

Доклад подготовлен при поддержке гранта РФНФ: № 14-13-66501

Русакова Ольга Фредовна, Институт философии и права УрО РАН, rusakova_mail@mail.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Неокантианская философия истории в начале XX века совершила настоящий методологический переворот в области исторической эпистемологии: разработка аксиологического метода исторического познания, введение в оборот понятия «идеальный тип», соединение номотетических и идиографических методов в исследовательской практике, что в значительной степени обогатило академический дискурс мировой философии истории.

В Европе методологические аспекты дискурса неокантианской философии истории получили обоснование и концептуальную обработку, прежде всего, в творчестве представителей Баденской философской школы (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), а также – в работах М. Вебера. В России неокантианский подход к изучению философии истории был методологически фундаментально разработан академиком Санкт-Петербургской АН А.С. Лаппо-Данилевским, профессором Московского университета В.М. Хвостовым и академиком АН СССР Д.М. Петрушевским.

Неокантианство как влиятельное методологическое направление в исторической эпистемологии в начале прошлого столетия выступило в качестве главного критика позитивистского подхода к изучению истории, а также – метафизического (онтологического) подхода, сторонники которого игнорировали гносеологическую и аксиологическую проблематику при осмыслении предмета философии истории.

Сущность позитивистской методологии истории можно определить как сугубо сциентистскую ориентацию на превращение истории в точную науку путем внедрения в ее исследовательский арсенал методов и процедур, включенных в научный оборот другими дисциплинами, получившими в авторитетных кругах статус науки. При этом, как правило, отрицается методологическая специфика исторического творчества.

Другая характерная черта позитивистской методологии истории – умаление значения философии истории, под которой подразумевается спекулятивное, умозрительное, далекое от науки знание [14, с. 67].

К началу XX века отчетливо проявился кризис метафизического подхода, согласно которому теория истории сводилась к теории объективного исторического процесса. Интерес исследователей направлялся только на объект, без учета роли субъекта в историческом познании. Методология истории рассматривалась как часть онтологии. Эти черты были свойственны целому ряду направлений тогдашней философии истории: марксизму, неогегельянству, неопозитивизму.

Как известно, значительный вклад в преодолении онтологического подхода в свое время предпринял И. Кант, который совершил попытку перевода онтологии на путь гносеологии или «трансцендентной методологии». Кант методологически связал онтологию не только с гносеологией, но и с аксиологи-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ей. Кантовская критика онтологизма и его методология нашла многочисленных последователей, усилиями которых сложилось неокантианское направление в философии и методологии истории [5, с. 218–219].

Представителей неокантианства постоянно интересовали вопросы классификации наук, специфики исторического познания (историческая эпистемология) и проблемы своеобразия методов истории. Вильгельм Виндельбанд (1848–1915) выделил два типа научного познания: номотетическое и идеографическое: «В первом случае мышление стремится перейти от установления частного к пониманию общей связи, во втором – оно останавливается на тщательном выяснении частного» [3, с. 324]. В соответствии с данным делением науки разделились по предмету: «Одни из них суть науки о законах, другие – науки о событиях; первые учат тому, что всегда имеет место, последние – тому, что однажды было» [3, с. 320]. Для первого типа наук господствующим методом познания является номотетический или генерализующий, для второго – идеографический или индивидуализирующий.

Историю Виндельбанд относит ко второму типу, поскольку исторические события уникальны, неповторимы, и их сведение к общим законам огрубляет представления об исторических процессах и явлениях.

Специфичен не только метод, но и объект познания исторических наук. Таким объектом, по Виндельбанду, выступают

ценности культуры. Виндельбанд в связи с этим предлагал даже заменить термин "история" лучшим и более точным термином – «наука о культуре».

Ученик Виндельбанда Генрих Риккерт (1863–1936) считал, что необходимо отличать методологию истории не только от методологии естественных наук, но и от социологического метода познания. Если для социологии главной задачей является отыскание законов общественной жизни, то цель истории «всегда является изображение единичного, более и менее обширного хода развития во всей его единственности и индивидуальности» [13, с.219]. Историк, который занимается поиском законов, по мнению Риккерта, перестает быть историком, а само понятие «исторический закон» есть ничто иное как «*Contradictio in adjecto*» или нарастающие противоречия [13, с. 221].

В неокантианской интерпретации методология истории выступает уже не в роли «подмастерья» у передовых естественнонаучных дисциплин и социологии, а самостоятельным «мастером», обладающим собственным научным инструментарием.

Предмет исторической науки Риккерт трактует как функцию индивидуализирующего исторического метода, применение которого высвечивает собственные объекты исторического исследования. Такими объектами выступают всеобщие человеческие ценности, «которые по отношению к общественным или социальным

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

интересам обладают значением). «Главным объектом исторического исследования является ... человек, как социальное существо, ... поскольку он участвует в реализации социальных ценностей» [13, с.215]. Процесс реализации всеобщих социальных ценностей в течение исторического развития обозначается термином «культура». В итоге «главным предметом истории является изображение частей и целого культурной жизни человека». При этом под культурой Риккерт понимает не какую-то особую область общественной жизни, а систему всеобщих человеческих ценностей, таких, например, как государство, право, религия, экономическая организация, искусство и т.д.

Генерализующий метод, по Риккерту, не в состоянии дать исчерпывающего изображения культурных ценностей. На это способен только индивидуализирующий исторический метод. Вот почему история как носительница данного метода отвечает потребностям культурного человека. «Культурных человек (Kultur Mensch), – подчеркивает Риккерт, – всегда будет относить действительность к всеобщим культурным ценностям, так что необходимо должен возникнуть вопрос, каким образом реализовалась культура в ее единичном развитии, и ответ на этот вопрос может дать одна лишь индивидуализирующая история, а никакая не генерализующая наука» [13, с. 217]. «Отношение к ценности» для Риккерта, таким образом, является важнейшим критерием отличия «наук о духе» от «наук о природе», а также

необходимой методологической процедурой гуманитарного познания.

Философия истории, по Риккерту, призвана установить принципы исторического универсума – всеобщей истории как предельной культурной целостности. Эти принципы по своему характеру не являются законами, поскольку открываются путем не генерализующего, а индивидуализирующего метода. В этой связи проблема исторического закона считается Риккертом очередной натуралистической догмой, от которой должна отказаться научная философия истории: «Для философии истории понятие закона как принципа исторического универсума является ... логически столь же противоречивым, как и понятие исторического закона в качестве цели эмпирической исторической науки. Конечно, философия истории занимается «общим», но лишь постольку, поскольку она имеет дело с историческим универсумом, именно поэтому также и ее объектом всегда является единичный и индивидуальный рад развития, членами которого состоят такие же индивидуумы» [13, с. 227].

Любой, так называемый, исторический закон, по Риккерту, на самом деле является «формулой ценности». Так понятие «исторический процесс» есть не что иное как возрастание ценности, связанное с возникновением нового. «Поэтому, если философия истории как наука о принципах, вообще имеет *raison d'être*, то она должна быть учением о ценностях,

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

сообщающих единство историческому универсуму и вместе с тем расчленяющих его» [13, с. 235].

Другая онтологическая проблема философии истории – проблема смысла исторического бытия, согласно Риккерт, также неразрывно связана с культурно-ценностной установкой исторической науки: «Вся культурная жизнь есть историческая жизнь и культурные люди, к которым принадлежат также и натуралисты, не могут, будучи культурными людьми, не стремиться к тому, чтобы дать себе отчет относительно смысла культуры и тем самым относительно смысла истории» [13, с. 237].

Ценностные установки, лежащие в основе той или иной исторической теории, приводят ее авторов к определенному учению о смысле истории. В качестве примера Риккерт рассматривает марксистскую материалистическую концепцию истории. Ее центральной ценностной установкой является победа пролетариата как класса над буржуазией. В соответствии с этим вся история понимается марксистами как история классовой борьбы, что и сообщает ей ценность и единство. «Таким путем материалистическое понимание истории находит общие принципы исторической жизни, но точно также и всю историю со всеми подробностями вполне определяет абсолютная ценность, ожидаемая победа пролетариата. В настоящей борьбе самым главным моментом, вследствие его решающего значения, представляется борьба за экономические бла-

га. Ввиду этого в истории повсюду самая главная роль отводится экономической жизни, а поэтому также разделение истории на эпохи должно соответствовать различным формам хозяйства. Отсюда и возникает «материалистическое», то есть экономическое понимание истории» [13, с. 237–238].

Говоря в целом о неокантианской концепции методологии истории, необходимо признать ее большой вклад в обоснование специфического предмета и метода исторической науки, а также в разработку особой дисциплины – методологии истории, – занимающейся вопросами специфики исторического познания и исторического типа мышления, и составляющей важную часть современной философии истории. Несомненной заслугой неокантианцев было развитие теории ценностей и разработка аксиологического подхода к изучению исторических явлений.

Вместе с тем, неокантианская трактовка методологии истории несла на себе печать определенной однобокости, поскольку отличалась гипертрофированием идиографического метода; это, в свою очередь, приводило к известному научному сепаратизму исторических исследований, жесткому размежеванию истории с другими научными дисциплинами, в том числе – с социологией.

Большое влияние на формирование дискурса современной философии истории оказали работы выдающегося немецкого мыслителя Макса Вебера (1864–1920).

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Вебер начал свою научную карьеру как неокантианец, однако, увлекшись социологией, разработал собственную методологию, в которой стремился соединить ценные элементы методологии неокантианства и социологического позитивизма. Не случайно некоторые исследователи называют веберовскую методологию позитивистско-неокантианской [16, с. 444–445].

Центральной категорией веберовской методологии истории является понятие идеального типа. Идеально-типическое, по Веберу, есть синтез общего и индивидуального. Идеальными типами называются общие понятия, приложимые не только к повторяющимся явлениям истории, но и к неповторимым историческим индивидуумам. Познание общего, по Веберу, открывает путь к познанию индивидуального и наоборот. Вот что по этому поводу писал исследователь творчества Вебера Ф.И. Неусыхин: «Рукою Вебера стерта резкая грань, проведенная Риккертом между индивидуальным и общим ...Общее дано нам в истории как индивидуальное, ибо оно никогда не выступает изолированно, а всегда входит в состав какого-нибудь индивидуального исторического целого» [11, с. 643–644].

Идеальный тип, по Веберу, является теоретическим конструктом, который выступает определенным масштабом для познания исторической реальности, средством для изображения индивидуального. «По своему значению, – писал Вебер об идеальном типе, – это

чисто идеальное пограничное понятие, с которым действительность сопоставляется, сравнивается, для того, чтобы сделать отчетливым определенные значимые компоненты ее эмпирического содержания. Подобные понятия являют собой конструкции; в них мы строим, используя категорию объективной возможности, связи, которые наша ориентированная на действительность, научно-дисциплинарная фантазия рассматривает в своем суждении как адекватные ... Идеальный тип в данной его функции – это прежде всего попытка охватить исторические индивидуумы или их определенные компоненты генетическими понятиями» [2, с. 584]. Даже если историк отказывается от попыток формулировать идеальный тип, считая его абстрактной конструкцией, неприемлемой для исторического исследования, он все равно, считает М. Вебер, неосознанно пользуется такого рода конструкциями.

Вебер, говоря о конструктивистском, интерпретационном характере идеального типа, предупреждал об опасности отождествления его с реальной исторической действительностью, а также – об искушении «подогнать» под его конструкцию определенные явления. Наглядным примером такого «насилия над действительностью» Вебер считал отношение марксистов к понятиям и законам развития истории, являющимися, по сути, идеально-типическими конструктами [2, с. 593–602].

В веберовской трактовке история и социология принадле-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

жат к наукам о культуре и в этом плане обе дисциплины применяют метод идейно-типического конструирования. Однако между историческими (генетическими) и социологическими идеальными типами, по Веберу, имеются определенные различия: социология, образуя типовые понятия, ищет общие правила (законы) событий, историческая же наука стремится, прежде всего, к анализу индивидуальных, важных в культурном отношении действий, образований личностей. Примером генетических идеальных типов у Вебера выступают такие понятия как «средневековый город», «культура капитализма», «протестантская этика», «кальвинизм» и др.

Генетический идеальный тип применяется исследователем локально в контексте конкретного времени и пространства. Его анализ связан с исследованием различных по своей природе факторов, сочетание которых способствовало появлению на исторической арене нового феномена. Методологию многофакторного анализа Вебер противопоставляет различным видам мировоззренческого монизма, и прежде всего – монизму марксистской теории истории, которая, по его мнению, гипертрофирует значение экономического фактора [2, с. 561]. Для Вебера экономический фактор выступает только одним из возможных факторов, объясняющих тот или иной исторический феномен, и не важно, принадлежит ли он к сфере экономической жизни, искусства или религии.

С позиции многофакторного подхода Вебер выстраивает собственную теоретическую модель капитализма, противопоставляемую им марксистскому монизму. В отличие от Маркса Вебер не считал капитализм технологически необходимым этапом развития человечества. При изучении генезиса капитализма он исходил из постулата: любое явление в истории вначале выступает не как реальность, а как мотивация. Только на основе раскрытия мотивации можно создать идеальный тип любого социального явления, построить его мысленную модель.

Идеальная мыслительная модель капитализма, созданная Вебером, строится на базе ценностного подхода, связанного с синтезирующим понятием «интерес эпохи». В роли такого понятия выступает категория «дух капитализма», которая предполагает раскрытие определенного менталитета, мотиваций, интересов, анализа типовых социальных институтов, права, этических и религиозных норм.

Теоретическое моделирование истории европейского капитализма осуществляется Вебером на основе разработки теории адекватной причинности. Суть данной теории: происхождение исторического события обусловлено множеством факторов, один из которых является решающим для его генезиса. Так, анализируя происхождение европейского капитализма, Вебер установил, решающим системообразующим фактором, воплотившим дух капитализма, явился протестан-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

тизм с его новой хозяйственной этикой [1, с.44–271]. Он отнюдь не отрицал, что протестантизм не был ни единственной, ни даже достаточной причиной возникновения капитализма. Протестантизм – это не столько причина, сколько целостно образующий фактор формирования особой культуры капитализма.

Этот же метод выявления решающего фактора был применен Вебером при анализе происхождения Первой Мировой войны. При анализе истоков данной войны Вебер предлагает применить прием моделирующего вычитания, то есть мысленного построения того, что могло бы произойти, если бы отсутствовал тот или иной фактор. Например, следует предположить, что бы произошло, если бы Пуанкаре не был в 1914 году президентом Франции, если бы царь Николай II не подписал указ о мобилизации за несколько часов до того, как то же самое сделал австрийский император, если бы Сербия не приняла австрийский ультиматум и т.д. Далее следует сопоставить нереальный, мысленный ход событий, построенный на предположении, что один из предшествующих элементов изменен, с реальным их развитием для того, чтобы сделать вывод, что мысленно измененный элемент был одной из причин проявления характерного признака в изучаемом феномене.

Данный прием стал своего рода методологическим вызовом Вебера тем историкам, которые считают, что история не знает сослагательного наклонения и что не возможно знать то-

го, что не произошло. Чтобы труд действительно был аналитическим, необходимо представить, каким было бы событие без определенного акта или элемента, с ним связанного.

Кроме метода реконструкции деталей ирреального (виртуального) течения событий Вебер предлагает метод моделирования иного конечного исторического результата. К примеру, если бы мы смогли счесть правдоподобным завоевание Греции Персией, то мы бы поняли, что победа персов привела бы к удушению пути развития рациональной мысли, которая стала важным вкладом Греции в развитие всего человечества. В этой связи битву при Марафоне следует считать одной из причин, необходимых для развития мировой культуры. Такого рода методология показывает, что историческая причинность носит не необходимый, а вероятностный характер. Степень вероятности зависит от соотношения способствующих и не способствующих определенному событию обстоятельств.

Вероятностный характер, согласно Веберу, имеют и причинные связи, которыми занимается социология. Однако, в отличие от историка, имеющего дело с локальными и временными факторами, определяющими характер идеально-типической модели исторического явления или процесса, социолог оперирует так называемыми «чистыми» идеальными типами, образованными путем абстрагирования от пространственно-временных параметров. Наглядным примером моделирования

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

такого рода идеального типа может служить веберовская типология легитимности власти (рациональная, традиционная, харизматическая).

Таким образом, веберовская концепция идеального типа сужала поставленную неокантианцами Баденской школы методологическую пропасть между историей и социологией. Если по сравнению с неокантианским принципом индивидуализации Вебер усиливает момент генерализации, то, напротив, в социологии он смягчает неокантианский номотетический подход, вводя момент «индивидуализации».

В России неокантианский дискурс философии истории получил наиболее последовательную и глубокую разработку в творчестве выдающегося ученого Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919), автора трехтомной «Методологии истории».

Основное ядро всей методологии истории, по мнению Лаппо-Данилевского, составляет теория исторического знания, поскольку именно она занимается установлением исходных принципов исторического познания, суть которых заключается в рассмотрении следующих вопросов:

с какой теоретико-познавательной точки зрения история изучает данные нашего опыта?

какое значение историк должен придавать принципам причинно-следственности и целесообразности в исторических построениях?

каков критерий исторической оценки, на основании ко-

торого историк производит выбор материала?

в каком смысле историк пользуется понятиями «эволюция», «прогресс», «регресс» и т.п. [7, с. 15]?

Методологии истории, согласно Лаппо-Данилевскому, в качестве составного компонента включает также методологию источниковедения. «Методология источниковедения, – поясняет он, – устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк, пользуясь известными ему источниками, считает себя в праве утверждать, что интересующий его факт действительно существовал (или существует)» [7, с. 16].

Наконец, важным компонентом методологии истории, по мнению ученого, является методология исторического построения, которая «устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк объясняет, каким образом произошло то, что действительно существовало (или существует)» [7, с. 16].

Лаппо-Данилевский считал, что в отличие от философии истории, методология истории не ставит перед собой цели изучения объективного исторического бытия (исторической онтологии). Ее область очерчивается главным образом проблемами получения исторического знания, т.е. исторической эпистемологией. Вот что он писал об особенностях методологии истории: «...Она более определена по своему объему, чем философия истории, так как имеет в виду одно только учение о принципах и методах

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

исторической науки и не входит в рассмотрение реально протекающего процесса развития человечества или его «исторических судеб» [7, с.16].

Лаппо-Данилевский, разделяя неокантианский подход к пониманию философии и методологии истории, дополнил его новыми идеями. В современных исследованиях выделяются три важных момента данной новизны: «Во-первых, не отказываясь от характерного для Виндельбанда и Риккерта дуалистического противопоставления естественно-научного и исторического методов, он относил к наукам идеографическим не только историю общества, но и историю природы, а к наукам номотетическим наряду с естественными науками – психологию и социологию ... Во-вторых, он первый провел различие по предмету и методу между социологией и историей и, таким образом, обосновал специфику исторического метода, показав его отличие от естественнонаучного и социологического методов. В-третьих, он и в самой истории различал номотетическую и идеографическую точки зрения и формулировал задачи номотетического и идеографического построения исторического знания» [5, с. 221–222].

По мнению Лаппо-Данилевского, все метафизические построения теории исторического процесса стремятся объединить данные нашего опыта, при помощи общих понятий, например, таких, как «эволюция», «эволюционный ряд», «цивилизация», «исторические

циклы», «культурно-исторический тип», «закон». Однако, ставя перед собой задачу выявления общего, закономерного, повторяющегося, типического в истории, номотетически ориентированные исследователи, не учитывают главный интерес, лежащий в основе исторической науки – интерес к индивидуальному, конкретному, неповторимому. Дело в том, что один и тот же объект можно рассматривать с номотетической и идеографической точек зрения. Человек ценит не только обобщения, но и конкретное. Научное удовлетворение нашего интереса к конкретному дается особым родом науками – историческими [7, с.225]. Это не значит, что историка должны интересовать исключительно индивидуальные особенности объектов. В своих построениях, отмечает Лаппо-Данилевский, историк широко пользуется обобщениями, к примеру, законами душевной жизни, законами ритма, законами психических мотиваций, психологии толпы. Историк может пользоваться также понятием «тип». Однако пользуется он всеми формами обобщения иначе, чем представители других наук. Для естествоиспытателей, например, обобщения представляют главную научную цель, в то время как для историков они – средства [7, с. 226]. Так, пользуясь понятием о типе французского солдата революционной эпохи, историк обратит внимание, прежде всего, на те или иные отклонения от сконструированной модели, отметив, к примеру, индивидуальные особенности Гоша или Напо-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

леона. Историко-идеографическая точка зрения, утверждает Лаппо-Данилевский, требует объяснений и анализа различных отклонений от типичного [7, с. 229].

Идиографическая точка зрения на теорию исторического знания, согласно Лаппо-Данилевскому, не исключает рассмотрения «коллективных» объектов. Всякий раз, когда историк имеет дело с «коллективным существом» (социальная группа, народ, государство и т.д.) он не выходит за рамки метода, поскольку подходит к нему как к целостности, имеющей свое индивидуальное лицо, характеризующее совокупностью определенных признаков.

Лаппо-Данилевский подчеркивает, что образование индивидуальных понятий в исторической науке связано со следующими необходимыми процедурами:

1. Отбор фактического материала в соответствии с представлением об его историческом значении и ценности;

2. Построение целостного образа исследуемого объекта, основанного на понимании и переживании его ценности.

Указанные процедуры предполагают применение аксиологического подхода к объекту исторического исследования. Путем аксиологического анализа определяется, какие именно объекты подлежат научно-историческому объяснению и построению [7, с. 244].

Историк, занимающийся конкретным исследованием, не производит специального ана-

лиза того, что следует считать ценным, а что нет. Отнесение к ценности в его сознании происходит как бы автоматически, само собой. Если, например, историк признает как само собой разумеющуюся ценность государства, то и поступки людей или отдельные события он будет соотносить с данной ценностью, имея при этом в виду, насколько полезны или вредны они для государства. Точно так же, взяв за основу общезначимое представление о культуре как ценности, историк станет оценивать и отбирать для своего исследования только те объекты, которые соответствуют его понятию о культурных ценностях.

В рамках методологии истории Лаппо-Данилевский выделяет ее особую отрасль – методологию источниковедения, которую характеризует как «специальную методологию», отнюдь, не тождественную со вспомогательными историческими дисциплинами. Методолого-источниковедческая концепция Лаппо-Данилевского в своей основе содержала идею об истории как «науке о духе». В соответствии с данной установкой исторический процесс рассматривается в свете эволюции психической жизни людей, а исторический источник понимается как «реализованный продукт человеческой психики» [8, с. 374]. Согласно ученому, исторический источник, во-первых, призван отразить духовную жизнь прошлого; во-вторых, сам источник является продуктом духовной деятельности; в-третьих, на складывание содержания источника в первую оче-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

редь влияет духовная атмосфера его времени; в-четвертых, методы анализа источников должны базироваться в основном на психологическом подходе к ним.

В широком смысле исторический источник трактовался Лаппо-Данилевским как продукт человеческого творчества, генетически связанный с прошлой человеческой деятельностью. Сама эта связь истолковывалась им как основа для признания возможности отражения в источнике объективно существовавших социальных процессов. Деятельность, породившая источник, рассматривалась Лаппо-Данилевским как связующая нить между историком как субъектом познания и исторической реальностью как объектом исторического изучения. В связи с этим сам источник трактовался как «непосредственный результат той самой деятельности человека, которую историк должен принимать во внимание при построении исторической действительности, включающей и означенный результат» [8, с. 386].

Согласно Лаппо-Данилевскому, в любом источнике запечатлена психическая деятельность, а если это письменный, знаковый источник, – то и мысленные впечатления автора источника о современной ему действительности [8, с. 387]. Отсюда – главная задача историка – обнаружение духовно-психического содержания источника, представляющего собой объективированную форму человеческого творчества.

В зависимости от степени близости познающего субъекта

(историка) к запечатленному в источнике факту (информации) Лаппо-Данилевский давал классификацию источников, где все источники подразделялись на два основных вида: остатки и предания.

К остаткам Лаппо-Данилевский относил такие источники, которые дают историю возможность непосредственно считывать информацию о запечатленных в них фактах прошлого. Например, к источникам-остаткам он относил материальные памятники культуры в их натуральном виде. Источники-предания – это уже иной тип источников, более опосредованный, поскольку заложенная в них информация уже прошла определенную интерпретационную обработку либо в виде изобразительных образов, либо в виде словесных описаний. К примеру, такой источник, как склеп, является остатком, а его изображение (картина склепа) и его описание будут относиться к опосредованным источникам-преданиям.

К разновидностям источников-остатков Лаппо-Данилевский относил также определенную часть письменных источников, например, юридические акты, документы международных договоров, международные трактаты и т.д. Такого рода источники, по его мнению, следует отличать от преданий, т.е. рассказов о совершенных юридических сделках, заключенных договорах и т.д. На основании источника-остатка историк «получает возможность по нему непосредственно заключать о том, что и факт, остаток

которого доступен его исследованию, действительно существовал». Напротив, когда историк имеет дело не с остатком факта, а с его отображением в предании, он не обладает возможностью по одному непосредственному восприятию источника заключить о существовании факта. Поэтому историк должен прежде подвергнуть данный источник специальному анализу на достоверность, так как не исключено, что его содержание может быть вымыслом [8, с. 386].

Основная разница между источником-преданием и источником остатком заключается в том, что в последнем случае «исторический факт как бы сам о себе отчасти свидетельствует перед историком» [8, с. 387], т.е. выступает одновременно и «подсудимым» и «свидетелем». В предании же «подсудимый» (факт) и «свидетель» (изображение, рассказ) разделены. При этом показание «свидетеля» (художника или рассказчика) не обязательно совпадает с показаниями «подсудимого» (изображаемого или обозначаемого).

В основе приведенной классификации источников, по словам самого Лаппо-Данилевского, лежит теоретико-познавательная точка зрения, которая «допускает возможность рассматривать хотя бы один и тот же объективно данный конкретный источник или в качестве остатка культуры, или в качестве исторического предания» [8, с. 385–386]. Все дело в том, с каких позиций данный источник изучается, а не в различие самих источников. Если

историк изучает по данному источнику ту деятельность, продуктом которой этот источник является, то источник рассматривается как остаток, если же историк изучает по тому же источнику другую деятельность, продуктом которой данный источник не является, то по отношению к ней он будет преданием.

Важной методологической проблемой источниковедения Лаппо-Данилевский считал вопрос о способах интерпретации источников. Он выделял следующие методы интерпретации: психологический, технический, типизирующий, индивидуализирующий. Главная роль отводилась психологическому методу. Сущность данного метода Лаппо-Данилевский определял следующим образом: «Психологическое истолкование источников основано... на принципе признания чужой одушевленности: оно исходит из понятия о чужом сознании, обнаруживается в данном продукте...» [8, с. 114].

Основная трудность психологической интерпретации состоит в том, чтобы переживаемое историком представление совпало с чужим, запечатленным в источнике представлением о наблюдаемом материальном образе. Достижение такого совпадения затруднено, во-первых, различиями между психикой историка и психикой автора источника, во-вторых, часто встречающейся неопределенностью значения какого-либо знака, отражающего состояние психики автора источника. Так, например, восклицание «Ах!»

может иметь различные смыслы: горе, радость, удивления, усталость и т.д. [8, с. 422].

Говоря о типизирующем методе интерпретации источников, Лаппо-Данилевский указывал на его собственно исторический характер, поскольку данный метод предполагает понимание источника в контексте той эпохи, в которой он возник, под влиянием которой сложилось его содержание.

Лаппо-Данилевский выделял два вида типизирующей интерпретации: систематическую и эволюционную. Когда речь идет о культуре как определенной системе, то применяется систематический метод, когда же имеется в виду стадия эволюции, то применяется эволюционный подход.

Индивидуализирующий метод интерпретации, по Лаппо-Данилевскому, состоит в том, чтобы раскрыть индивидуальные особенности деятельности, породившей источник. «Вообще, – писал он, – историк исходит из индивидуальных особенностей психики автора для окончательной интерпретации соответствующих особенностей его произведения, взятого в его ценности» [8, с. 495]. При помощи индивидуализирующей интерпретации историк проникает в тайники личного творчества автора, что позволяет лучше понять содержание самого источника.

Понимание индивидуальности автора можно достигнуть двумя путями: аналитическим и синтетическим. «При анализе личности автора историк может исходить или из биографиче-

ских данных о нем, или сосредоточивать свое внимание на его произведение, восходя от него к личности автора» [9, с. 498]. В первом случае историк приходит к пониманию авторского замысла через анализ его жизненного пути, во втором – через целостное восприятие произведенного автором источника. При этом сам источник можно рассматривать как факт биографии его автора. Так, например, мемуары Наполеона связаны с его пребыванием на острове Св. Елены. «Мысли» Бисмарка относятся к периоду расцвета его государственной карьеры, а «Воспоминания» – к периоду жизненного заката [8, с. 501–502].

Наконец, технический метод интерпретации, согласно Лаппо-Данилевскому, сводится к пониманию средств, которыми пользовался автор для представления своих мыслей и которые запечатлялись в форме источника. Иначе говоря, техническая интерпретация есть восхождение от формы к содержанию источника, его замысла и предназначения. Так, например, по почерку в известном смысле можно судить о характере автора.

При изложении способов технической интерпретации исторических источников Лаппо-Данилевский указал на познавательные возможности искусственного воспроизведения или моделирования формальных и содержательных сторон источника. Лаппо-Данилевский приводит пример, когда ученый-металлург Гоулэнд построил

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

первобытную плавильную печь, с помощью которой стремился понять, как в глубокой древности изготавливались бронзовые вещи. Тот же метод моделирования можно применить и для понимания письменных источников: «Надлежащее понимание свойств чужой речи и письма, в случае нужды, легче усвоить путем их искусственного воспроизведения» [6, с. 453].

Все методы интерпретации источников, применяемые в их единстве, рассматривались Лаппо-Данилевским как способы адекватного осознания прошлого. Подводя итог своего методологического анализа исторического знания и способов интерпретации источников, Лаппо-Данилевский отмечал, что историческое понятие имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку позволяет «соучаствовать в культурной жизни человечества» [8, с. 765].

Неокантианскую традицию дискурсного конструирования новой философии и методологии истории вслед за Лаппо-Данилевским в России развивали В.М. Хвостов (1868–1920) и Д.М. Петрушевский (1863–1942).

Основной труд Вениамина Михайловича Хвостова по методологии истории – «Теория исторического процесса: очерки по философии и методологии истории. Курс лекций» – выдержал четыре издания (1910, 1914, 1919 и 2006). Он состоит из трех отделов. В первом отделе «Место истории в системе научного знания» определялся предмет исторического исследования,

выяснялось соотношение истории с другими дисциплинами, определялось ее место в классификации наук, раскрывались задачи исторического познания, а также рассматривались вопросы соотношения мышления и опыта, опыта внутреннего и внешнего субъекта и объекта, имманентной и трансцендентальной реальности. Именно в этом отделе получил свое развитие кантовский философский дискурс. В нем же содержится обзор методологии истории Риккерта, а также основных этапов эволюции мировой исторической науки.

Во втором отделе «Основные принципы исторической науки» Хвостов стремится соединить неокантианскую модель методологии истории с социологической теорией и с социальной психологией, в частности, апеллирует к методу факторного анализа, к учению о психологии масс. Автор подробно рассматривает следующие факторы исторического процесса: человеческий фактор, фактор подражания, факторы внешней природы, факторы устойчивости и изменчивости, фактор эмиграции. В фокусе внимания исследователя – проблемы исторической психологии. Автор обращается к анализу таких понятий как «дух эпохи», «социальная психика», «творческий синтез». Хвостов подчеркивает: «Каждому, кто работает в области истории, никогда не следует забывать, что мы имеем здесь дело не с физической или механической, но с психической причинностью,

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

основным законом которой является известный нам закон творческого синтеза» [17, с. 337]. Согласно автору, закон творческого синтеза в применении к общественно-психической жизни порождает явление, которое называется творчеством культурных ценностей. Культурная часть человечества испытывает постоянный интерес ко всякому шагу, произведенному людьми в направлении культурного творчества. Этим объясняется интерес данной части общества к истории в целом. «История, – отмечает Хвостов, – есть наука о тех шагах, которое совершало культурное человечество на своем пути к созданию всякого рода культурных ценностей, логических, этических и эстетических» [17, с. 86].

В третьем разделе «Пределы исторического познания и метод истории» подвергаются критике онтологические теории исторического прогресса, а также отмечается методологическая противоречивость концепции прогресса И. Канта, в которой отсутствует согласование между внутренними (нравственными) и внешними (правовыми) факторами поступательного развития истории: «...С одной стороны, Кант, как моралист, являясь сторонником свободы воли и видя назначение человека в безусловном исполнении нравственного закона, полагает весь смысл человеческого существования в отдельной личности; с другой стороны, по теории Канта, как философа истории, человечество в своем развитии постоянно прогрессирует,

и конечная цель исторического прогресса состоит во введении правового порядка, свободы личности и международного мира. Такого прогресса требует чистый разум и наличность его доказывается такими историческими фактами, как идеи Французской революции ... Эти две теории не вполне согласованы между собой, так как недостаточно выяснена Кантом связь между чисто моральным самоусовершенствованием на почве свободы умопостижимой воли и бессмертия души и развитием человечества в сторону установления правового порядка, обеспечивающего только внешнюю легальность поведения членов общества» [17, с. 341].

В ходе собственных размышлений об историческом прогрессе Хвостов приходит к следующему выводу: «По моему мнению, понятие «прогресса» не может быть считаемо строго научным. Это вытекает из самого определения этого понятия: прогресс есть развитие, направленное к цели, которой мы придает положительную ценность» [17, с. 343–344]. А поскольку строго научным путем нельзя установить масштаба ценностей, к которым стремятся люди, то нельзя и доказать наличность прогресса или регресса. В этой связи лучше не прибегать к понятию прогресса вообще [17, с. 345].

В заключительной главе раздела «Исторический метод» автор раскрывает важную роль этологии как науки о характере для профессиональной подготовке

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

современного историка, указывает на необходимость использования в исторических исследованиях целого ряда вспомогательных дисциплин.

На близких к Хвостову методологических позициях стоял и другой известный отечественный теоретик истории – Дмитрий Моисеевич Петрушевский. Первоначально разделяя идеи неокантианства, Петрушевский затем перешел на позиции синтеза обобщающего и индивидуализирующего методов исторической эпистемологии. Этот синтез он обосновывал единством логического стиля, присутствующего всем наукам. В своей работе «К вопросу о логическом стиле исторической науки» Петрушевский утверждал, что «историческая наука ничем не отличается по своему логическому существу, по своему логическому стилю от всякой другой науки; она является и наукой об индивидуальном, и наукой об общем, и не может не быть наукой об общем, даже если бы и стремилась ограничить свою сферу исключительно индивидуальным» [12, с. 15].

Петрушевский считал, что логический стиль исторического исследования формируется как путем применения социологических понятий, так и обращением к конкретно-индивидуальным особенностям своего предмета. Исторический интерес сочетается, таким образом, с социологическим. «И историк хозяйства, и историк социальных отношений, и историк политического развития изучают материал или с индивиду-

ализирующей, или с генерализирующей точки зрения, имея в виду или выяснить ту или иную индивидуальную хозяйственную, социальную, политическую и т.п. историческую комбинацию, или же построить общие социологические, по существу, систематические категории, которые бы дали им возможность разрешать и свои индивидуализирующие проблемы в области истории хозяйства, социального строя или политического развития» [12, с. 20].

В качестве центральной проблемы исторической эпистемологии для Петрушевского выступала проблема соотношения исторического познания и современности. Говоря о процессе складывания исторического знания, он отмечал, что именно современность формирует в мышлении историка определенные «предвзятые» представления, с позиций которых он осознает события прошлого.

Неокантианская версия философии и методологии истории после долгого перерыва, связанного с определенными идеологическими установками советской гуманитарной науки, вновь оказалась востребованной российским научным сообществом в конце 1990-х годов – начале XXI вв. Важной вехой в привлечении внимания исследователей к творчеству российских неокантианцев стала научная конференция, посвященная 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского, проведенная в Санкт-Петербурге в 2003 г. [8]. Большая роль в теоретической

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

реконструкции русской неокантианской философии и методологии истории принадлежит целому ряду отечественных исследователей, среди которых, прежде всего, следует назвать Н.М. Дорошенко [4; 5], А.В. Малинова [9], С.Н. Погодина [10], О.В. Сеницына [15]. В работах современных авторов утвержда-

ется важная мысль о том, что одной из бесспорных заслуг русских неокантианцев при разработке философско-методологических проблем истории является признание возможности соединения номотетических и идиографических методов в исследовательской практике.

Библиографический список

1. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. Ред. и послесл. Ю.Н.Давыдова; Предисл. П.П.Гайдено. – М.: Прогресс, 1990.
2. Вебер М. «Объективность» познания в области социальных наук и социальной политики //Культурология 20 век. Антология. – М., 1995.
3. Виндельбанд В. Прелюдии: Философские статьи и речи. – СПб., издание Д.Е. Жуковского, 1904. – 374 с.
4. Дорошенко Н.М. Методология истории: теоретические и философские основания. – СПб.: Изд-во Политехн. Ун-та, 2007. – 375 с.
5. Дорошенко Н.М. А.С. Лаппо-Данилевский — основоположник российской методологии истории // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. Выпуск. I. /Отв. ред. А.В.Малинов. – СПб.: Издательство «Северная Звезда», 2003. – С. 217–225.
6. Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. Выпуск. I. /Отв. ред. А.В. Малинов. – СПб.: Издательство «Северная Звезда», 2003. – 415 с.
7. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Часть 1. Теория исторического знания: Пособие к лекциям, читан. студентам С.-Петербургского университета в 1909/10 уч. году. – СПб., 1910. – 278 с.
8. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. 2. – СПб, 1913. – 796 с.
9. Малинов А.В. Очерки по философии истории в России в 2 т. – Т. 1. – СПб.: Интерсоцис, 2013. – 494 с.
10. Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. Изд-во: Искусство. – СПб., 2001. – 288 с.
11. Неусыхин А.И. Эмпирическая социология Макса Вебера и логика исторической науки. – В кн.: Вебер М. Избранное. – М., 1994.
12. Петрушевский Д.М. К вопросу о логическом стиле исторической науки. Изд-во «Петроград». – Пг., 1915. – 25 с.
13. Риккерт Г. Философия жизни /Генрих Риккерт // Риккерт Г. Философия жизни. – Киев: Ника-Центр, Вист-С, 1998. – 460 с.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

14. Русакова О.Ф. Философия и методология истории в XX веке: школы, проблемы, идеи. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2000. – 354 с.

15. Синицын О.В. Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX–начале XX вв. – Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д. ист. н.: специальность: 07.00.09. Казанский гос. ун-т, Казань, 2000. – 40 с.

16. Трёльч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории. – М., 1994.

17. Хвостов В.М. Теория исторического процесса: Очерки по философии и методологии истории. Курс лекций. Изд. 4-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2006. – 392 с.

References

1. Veber M. Izbrannye proizvedenija [The elected products]. Per. s nem. Sost., obshh. Red. i poslesl. Ju.N.Davydova; Predisl. P.P. Gajdenko. M., Progress, 1990.

2. Veber M. «Obektivnost'» poznaniya v oblasti social'nyh nauk i social'noj politiki ["Objectivity" of knowledge in the field of social sciences and a social policy] Kul'turologija 20 vek. Antologija. M., 1995.

3. Vindel'band V. Preljudii: Filosofskie stat'i i rechi [Preludes, philosophical articles and speeches]. SPb., izdanie D.E. Zhukovskogo, 1904. 374 p.

4. Doroshenko N.M. Metodologija istorii: teoreticheskie i filosofskie osnovanija [Methodology of a history: the theoretical and philosophical bases]. SPb., Izd-vo Politehn. Un-ta, 2007, 375 p.

5. Doroshenko N.M. A.S. Lappo-Danilevskij – osnovopolozhnik rossijskoj metodologii istorii [A.S. Lappo-Danilevsky – the founder of the Russian methodology of a history] Istoricheskaja nauka i metodologija istorii v Rossii HH veka: K 140-letiju so dnja rozhdenija akademika A.S. Lappo-Danilevskogo. Sankt-Peterburgskie chtenija po teorii, metodologii i filosofii istorii. Vypusk. I. Otv. red. A.V.Malinov. SPb., Izdatel'stvo «Severnaja Zvezda», 2003, p. 217–225.

6. Istoricheskaja nauka i metodologija istorii v Rossii XX veka [Historical science and methodology of a history in Russia XX centuries] K 140-letiju so dnja rozhdenija akademika A.S. Lappo-Danilevskogo. Sankt-Peterburgskie chtenija po teorii, metodologii i filosofii istorii. Vypusk. I. Otv. red. A.V. Malinov. SPb., Izdatel'stvo «Severnaja Zvezda», 2003, 415 p.

7. Lappo-Danilevskij A.S. Metodologija istorii [Methodology of a history]. Chast' 1. Teorija istoricheskogo znaniya: Posobie k lekcijam, chitan. studentam S.-Peterburgskogo universiteta v 1909/10 uch. godu. SPb., 1910, 278 p.

8. Lappo-Danilevskij A.S. Metodologija istorii [Methodology of a history]. Vyp. 2. SPb, 1913, 796 p.

9. Malinov A.V. Oчерки по философии истории в России в 2 т. [Sketches on philosophy of a history in Russia] Vol. 1. SPb., Intersocis, 2013, 494 p.

УДК 1/14

Русаков В.М.

Проблема различения объекта и предмета права: актуальность кантинского дискурса

В докладе рассматриваются актуальные аспекты философии Канта, посвященные определению и разграничению предмета права и морали, философской и политической антропологии. В современных условиях капиталистической реставрации в России вновь актуальны рассуждения Канта о моральной автономии личности и правовом государстве, недопустимости подмены права моралью. Новые объекты права (бизнес, авторское право, государственные границы) обостряют интерес к всеобщей парадигме права. Современный либерализм, претендующий на формулирование парадигмы права, утрачивает гуманистический характер. Ряд поднятых Кантом проблем не могли быть решены, потому что отсутствовали необходимые условия и предпосылки (социальное государство, правовое государство) или они являются вечными проблемами (проблема человеческой природы, проблема зла и добра, справедливости).

Ключевые слова: философия права, антропология, политическая философия, либерализм, консерватизм, капитализм, общественный договор, естественное право, право, мораль, категорический императив, справедливость, наказание

Русаков Василий Матвеевич, Россия, Екатеринбург, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Института международных связей

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №14-13-66501 (2014г)

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Давние споры о политической принадлежности государственно-правового учения Канта (консерватизму, либерализму) имеют под собой основательную историю и теоретическую подоплеку. Надо сказать, что и сегодня эти споры остаются весьма и весьма небезынтересными. Чтобы лучше это понять, восстановим некоторые детали исторического контекста, в котором эти идеи рождались.

Начать надо с парадокса гоббсовского решения дилеммы «война всех против всех» – «безопасность и порядок», который заключается в том, что решение индивидов в виде заключаемого «общественного договора» порождает так называемый «естественный закон» («предписание мира и благоразумного следования правилам справедливости, беспристрастия, скромности и милосердия»), но который теперь с неумолимостью (насильственно, неправовым способом, а не по внутреннему желанию индивида) проводится государством и принуждает его исполнять в любом случае. «В жертву этому миру (как гарантированному состоянию) логически рассуждающий благоразумный индивид должен принести не только свои «естественные страсти» (злобу, ненависть, мстительность и т.д.), но и свое свободно выбранное право [8,189]. Т.е. сама государственная власть отнюдь не обязана соотноситься с «естественным законом!» Индивид предпочел «гражданское (подзаконное) состояние» – «естественному»

на основе юридической рациональности (на рационально-эгоистических основаниях), но коль скоро «гражданское состояние» достигнуто, юридическая рациональность излишня и даже вредна: индивид теперь в качестве подданного должен твердо запомнить: что закон делает не юриспруденция, а разум и приказы государства! [1,211]. Понятно, что Гоббс меньше волновали деспотические злоупотребления государственной власти по сравнению с опасностями гражданской войны и междоусобицы. «Хотя люди могут возражать, что ... неограниченная власть должна вести ко многим дурным последствиям, однако последствия отсутствия такой власти значительно хуже» [1,171]. Это и есть концепция права как воли правителя, возведенной в закон.

Понятно, какими историческими обстоятельствами были вызваны к жизни эти идеи, не сразу обнаружившие все следствия этого парадокса. Кант вполне отдает отчет в занимаемой позиции и подтверждает: «Отсюда следует, что всякое неповиновение верховной законодательной власти, всякое подстрекательство к деятельному выражению подданными неувольствия, всякое возмущение, которое переходит в бунт, составляет самое наказуемое преступление в обществе, потому что оно разрушает самые его основы. И такое запрещение абсолютно, так что, если даже эта власть или ее исполнитель, глава государства, нарушит первоначальный договор и

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

тем самым, по мнению подданных, утратит право быть законодателем, так как уполномочивает правительство действовать совершенно насильственно (тиранически), то все же подданному не разрешается никакое сопротивление как ответ насилием на насилие» [2,90]. Более того, он последователен в этом: «Против законодательствующего главы государства нет правомерного сопротивления народа... Малейшая попытка в этом направлении составляет государственную измену (*proditio eminentis*), и такого рода изменник может караться только смертной казнью, как за попытку погубить свое отечество» — говорит он в «Метафизике нравов» [2,242].

Но что получается в итоге? Разум и воля («наиндивидуальное существо») – государства – приобретает сверхразумный смысл: индивид теперь не имеет права своим разумом определять – что есть добро, а что есть зло, что есть норма, а что – патология. Это может делать только верховная власть (только она может признать кого-либо виновным, только она имеет право на вооруженное насилие и различные предписания). Морально-психологические следствия такого состояния не отличаются от состояния войны всех против всех: вечный страх и испуг перед произволом всемогущего государства исключают моральные добродетели. Это хорошо представляли мыслители XVIII в. [6,179] Государственная власть функционирует тем лучше, чем больше утверждена

в гражданах верноподданническая трусость, она не нуждается в «любви к отечеству», благородстве. И, наоборот, стоит только государю опустить свою карающую длань – зашатаются ее коренные устои.

Однако государственно-правовые теории XVIII в. уже опирались и на новые историко-политические реалии и достижения теоретического анализа: они выделили особую *реальность права*, отличную от *реальности административно-бюрократических государственных установлений*. Они ищут «противовесы» со стороны первой – для второй. Утвердить *примат (и соответственно лимитирующее значение) права по отношению к возведенной в закон воле государя (Ж.-Ж. Руссо)* [8,195–196].

В противовес Гоббсу, с точки зрения философии Просвещения естественное состояние не содержит в себе никакого внутреннего напряжения, которое заставляло бы людей искать наиндивидуальной государственной опеки. Руссоистский идеал такого изначального идилического состояния позднее был воспринят анархистами (П. Кропоткин) и др., которые находили естественными отнюдь не «борьбу всех против всех», но человеческую солидарность, сопереживание и сочувствие, взаимопомощь, в том числе – ссылаясь на пример живых существ в природе. Именно неравенство и неравенство собственности, имущества рождает борьбу групп и государственное принуждение,

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

которое лишь для маскировки рядится в форму права. Равенство в бесправии, достигаемое в деспотизме, рождает стремление к равенству в свободе перед лицом закона. Необходимо правовое государство, в котором государственная власть лишь средство установления такового.

Но и в гоббсовом государстве и в руссоистском правовом – индивид лишь – расчетливо выбирает то, что более удобно для него, а не на всеобщих и безусловных моральных основаниях. Но будут ли индивиды следовать закону и праву, если страх, связывающий индивидов и в том и другом случае – исчезнет, или они вновь предпочтут свои «естественные» страсти и стремления? Если у Гоббса – это воля созданной теперь наиндивидуальной верховной власти, то у Руссо – наиндивидуальная воля народного собрания или «народа как собрания» [8,198]. В этом заключается идея «народного суверенитета». Некий народ выступает в роли носителя благоразумия, благоразумной рациональности. Но «воля народа», вознесенная на роль высшей инстанции, неожиданно приобретает черты того самого деспотизма, с которым она должна была бороться. Провозглашался принцип непосредственной единой и неделимой воли (суверенитета) и вытекающий отсюда принцип прямого народоправства, исключающий всякое политическое представительство.

Но еще Платон и Аристотель,

как известно, невысоко отзывались о морально-психологических и иных качествах «народа», а тем более толпы: добродетельных, ответственных и моральных индивидов в нем всегда меньше, чем лодырей и мошенников. Недаром Руссо вынужден был разграничить «народ» как невидимое коллективное существо, носитель коллективного разума и «народ» как наличную совокупность индивидов – главного хранителя политических и иных предрассудков, невежества и пр. Вводится различие: «Общая воля» и «воля совокупная» или «Народ» в сущности и «народ» в явлении. Как же решалось это противоречие? Через «исключительную личность» («Законодатель») – именно она первоначально способна постичь политическую разумность, присущую всему коллективному существу «народ». Вообще, фигура «Законодателя» (не нынешнего властителя, не избранника или представителя народа) весьма одиозна: он, скорее, «вождь», «наставник» народа, «пастырь» его, ибо он вряд ли может понятно объяснить народу – откуда и почему у него такая высшая мудрость, поскольку наличная совокупность народа достаточно невежественна и предрассудочна. А потому «Законодателью» разрешается выдавать свои прозрения за божественные установления и т.п., лишь бы народ воспринял это.

Чем же это отличается от ранее защищаемого Гоббсом ничем не ограниченного Властителя, носителя ничем не ограни-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ченного произвола? Кант, несомненно, продолжатель антигоббсовской трактовки общественного договора: строго правовое ограничение принуждающей государственной власти.

Кант видит порок прежнего воззрения в *антропологических* посылах Просвещения – в понимании человека как разумного эгоиста, расчетливо-осмотрительного искателя счастья и личной выгоды [8,205-206]. Но это гоббсовский человек, с которым просветители полемизируют в философии политики. Это антропология «Левиафана»! На почве такой антропологии утвердить примат права по отношению к возведенной в закон воле верховного правителя – невозможно. Этот «человек» не знает никаких иных побудительных мотивов своего поведения, кроме своих влечений, стремления к личному индивидуальному благополучию.

Кант строит *новую антропологию*: его человек – это существо, принципиально способное стать господином самому себе и потому не нуждается во внешней опеке в своих ценностных и смысложизненных ориентациях. «Человек вообще» сам, независимо от внешнего авторитета знает, что является его долгом, имеет силу бороться за его исполнение и верит, что эта борьба может завершиться победой над всякими иными мотивами [8,207].

Способность человека давать себе закон и без всякого внешнего принуждения бороться за осуществление этого закона Кант называет «моральной

автономией», а потому *правопорядок* есть *социальное пространство* человеческой моральности. Лишь признание за человеком его принципиальной благонамеренности его свободной воли ведет к признанию с его стороны за государством права принуждать и карать его в тех случаях, когда он предал свое морально-политическое значение и на деле в объективно регистрируемом преступном деянии обнаружил, что не является господином самому себе.

Всякому политическому соглашению индивидов, принимаемому в видах их взаимных выгод, должно по логике дела предшествовать их порознь, независимо друг от друга принятое решение жить в соответствии с *категорическим* (моральным) императивом.

Как актуально звучат выводы Канта: индивиды вступают в общественный договор не в качестве разумно-эгоистичных (опасливых стяжателей личной выгоды), а в качестве моральных существ. Справедливо замечает по этому поводу отечественный исследователь: «В определениях права, которые по сей день фигурируют в наших энциклопедиях, словарях, популярных юридических изданиях, примечательным образом отсутствует понятие свободы — самое важное для уяснения смысла правовой нормы. На передний план властно выдвигаются такие выражения, как «регулирование», «управление» и «регламентация» [7, 427].

В то же время, надо хорошо чувствовать, что он толкует: ни

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

одна существующая в обществе инстанция не вправе предписывать человеку, ради чего он должен жить, в чем ему следует видеть свое личное благо и счастье, а тем более угрозами добиваться выполнения подобных предписаний [8,210]. Он снова и снова заклинает: «Правление отеческое, при котором подданные, как несовершеннолетние, не в состоянии различить, что для них действительно полезно или вредно... такое правление есть величайший деспотизм» [2,79]. Он считал, что народ никогда не может рассматриваться государственной властью, правителями как неподготовленный к освободительным акциям государства [3,133]/

Но спросим себя: является ли человек в полном смысле моральным, т.е. «господином» своих страстей и влечений? Нет, говорит Кант. Иначе люди были бы святыми. Моральный индивид находится в состоянии постоянной борьбы с противоречащими моральному императиву влечениями и страстями. Индивид, потерпевший поражение в этой борьбе подвергается правомерному принуждению только за причиненный фактический ущерб другому человеку, свое же поражение он несет в своей совести и никогда не должны наказываться обществом в качестве внутреннего морального акта (греха, раскаяния и искупления).

Право на внутреннюю свободу – нельзя навязывать ему представления о его счастье, судить

его за зло, которое он причиняет себе сам (религиозные суды за преступление против своей бессмертной души). Кант считает, что заботой внешней карающей власти должны быть не пороки, а только преступные деяния индивидов, только зло, причиняемое другому человеку, т.е. конфликты, объективно регистрируемые. И не дело внешней власти каким-либо образом «гармонизировать» их отношения, не в урезонивании, умиротворении, а силой поделить то, что сами индивиды не смогли поделить миром. («Исключить войну, воздав каждому свое»).

Но что «свое»? Только то, «чего он достиг благодаря своему таланту, прилежанию и удаче» [2,81]. Что, однако, противоречиво: привести собственность в согласие с личной заслугой – должно быть первоочередной задачей принуждающей власти. Но ведь это и есть так ненавистная Канту «отеческая забота» государства о благополучии подданных. И это был еще один пункт, с которым послекантовской теоретической мысли пришлось разбираться.

Справедливость – для него центральная категория. Правительственная «мудрость» вовсе не является чьей-то особой привилегией, норма, которой обязан следовать правитель, чиновник, судья – она а priori известна всем. Нам слишком хорошо известна сегодня «приватизация» истины в последней инстанции: всевозможная «высшая» государственная таинственность и «сакральное» знание, на поверку оказывающиеся либо трюиз-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

мами, либо элементарным сокрытием некомпетентности в вопросах государственного управления.

Справедливость может содействовать прогрессу, если она становится выше любых устремлений и отправляется властью как ее первейший моральный долг. Не во власти правителей творить хозяйственный социальный или культурный прогресс. Правовой порядок выгоден обществу, но эта выгода не может быть естественной мерой самого права. Нельзя подчинять справедливость общему или общественному благу. Нельзя сводить правовую справедливость к целесообразности и тем более – «полезности»: ни одна затеваемая правительством реформа не будет иметь успеха, если прежде того не будет реализована правовая справедливость.

Интересно представление Канта о наказании, вытекающее из его концепции прав: не может быть исправительных, воспитывающих наказаний, не может быть и устрашения – т.е. наказывать «чтоб другим неповадно было» – тогда наказание носит превентивный характер, т.к. наказываются другие люди, не совершившие еще никакого преступления.

Преступление должно рассматриваться внешней принуждающей властью как отношение виновника и потерпевшего, отношение конфликтное, возмездное отпущение ущерба. Между преступлением и наказанием не должно быть никакого морального компонента, ре-

флексии (категорическое исключение презумпции виновности, моральных подозрений, превентивной репрессии).

Однако особую трудность для правовой оценки поведения индивидов представляет для Канта феномен убежденно злой свободной воли, когда преступление совершается не по слабости характера, не под давлением спонтанной склонности или неодолимых внешних обстоятельств, а как бы из принципа человеконенавистничества. Пессимизмом веет от его вывода: «Стало быть, основание злого находится не в каком-либо объекте, который определяет произвол через склонность, и не в каком-либо естественном побуждении, а только в правиле, которое произвол устанавливает себе для применения своей свободы, т. е. в некоторой максиме. Итак, если мы говорим: человек по природе добр или он по природе зол, то это значит только то, что он имеет в себе (непостижимое для нас) первое основание признания добрых или признания злых побуждений» [2,31].

Заметим, что и сегодня человечество не слишком приблизилось к ответу на этот вопрос.

Как видно, проблемы, над решением которых билась мысль И.Канта, остаются злободневными: это различие предмета права и морали, поскольку на практике в правовое регулирование вновь затаскиваются моральные предметы – «чувства верующих», «любовь к родине», «уважение к начальству», «политические убежде-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ния» (например, «историческая память»).

Возникновение все новых и новых объектов права, точнее, введение их (предпринимательство; государственные границы в воздухе, космосе, морском шельфе, авторство; детство; половая и гендерная самоидентификация; коррупция, обращение с животными и т.п.) – при расплывчатом представлении о предмете права неизбежно приводят к расшатыванию его системы, к выхолащиванию его сути, к злоупотреблениям и в конце – правовому нигилизму. С каждым новым объектом права при расплывчатости исходных принципов права наиболее часто происходит безосновательное расширение права за счет принципов, не принадлежащих ему (религиозных, моральных, эстетических, эзотерических), обозначая на деле одно: требование исполнительной властью все новых регуляторов от законодателя и послушное бездумное умножение им псевдоноваций под соусом введения в правовое поле все новых объектов.

Учтем, что «Кант хорошо представлял и может быть лишь однажды в истории политической мысли реализовала основные принципы радикального либерализма [8,185], который «почил в Бозе».

На смену ему давно пришел современный либерализм «рыночных фундаменталистов», на деле во всем мире отстаивающий не «моральную автономность личности», а интересы транснационального капитала.

С точки зрения такого либерализма кантовская морально-правовая антропология – сущий нонсенс: человек, его свобода и самоценность выступают каким-то анахронизмом в мире дутого финансового капитала, анонимных биржевых спекуляций, «саморегулирования невидимой рукой рынка». Вопреки тому, что сегодня в мировой экономической науке выстрадано представление о роли «человеческого капитала», «инвестиций в человека», – такой «рыночный фундаментализм» преподносит себя как единственно верное, «вечно живое и всепобеждающее» учение.

Право в руках этих сил превратилось в орудие плохо замаскированного уничтожения человеческого в человеке: «демос» целенаправленно и планомерно при помощи псевдоправовых игрищ с избирательным правом превращают в «охлос»; производится систематическая проповедь ужесточения судебно-карательной системы; создание правового вакуума (или, по крайней мере, – правовых лакун) в отношении носителей государственной власти, которые под различными предложениями, а то и «просто так» выводятся из-под действия права; «приватизация» права в виде наследственного или неподотчетного и несменяемого депутатства.

«Не прошло и года с момента созыва Генеральных штатов, как революция заставила вспомнить тревожные предупреждения Руссо о возможности отчуждения, заключенной в

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

любом представительстве. В конце 1789 года Национальное собрание отменило все «связующие инструкции» (наказы) и право отозвания депутатов избирателями. Депутатский корпус отторг себя от уполномочившей его нации. Началось правление «именем народа, ради народа, но без народа», напоминает нам исторические аналогии Э.Соловьев [7,428]. Российский законодатель проделал тот же путь, убрав право народа на референдум, на ходу меняя избирательный закон (сроки, порог явки, свободу объединений, равное право на свободу использования СМИ, порог прохождения в парламент, порядок выдвижения и регистрации кандидатов и т.п.).

Конечно, кантовское понимание права несет на себе черты исторической ограниченности: многое из того, что казалось ему самоочевидно ясным – увы, как показало дальнейшее развитие политико-правовой реальности, оказалось далеко не таковым: уже отмеченный выше феномен «злой воли». Дело в том, что Кант никак не объясняет ее, в его концепции просветительского юридического гуманизма нет необходимых теоретических средств. Ведь с его точки зрения человек «по природе своей» морально автономен (свободен). Но XX век показал жуткую реальность индустриального культивирования «злой свободной воли», возведения ее в ранг антропологической нормы. И это не обязательно связано с тоталитарными расистскими, националистическими режимами – «рыночный

фундаментализм» вполне дает цветные упаковки различных вариантов вытравливания человеческих смысложизненных ориентаций: «эффективные менеджеры» в науке, медицине, образовании, управлении, экономике, международных отношениях. Сегодня самая «эффективная» предпринимательская деятельность – наркотоорговля, проституция, торговля оружием, убийства (теракты, локальные агрессивные «уроки демократии»). Формальная «свободная воля», сидящая в самой сердцевине современного либерально-охранительского режима не имеет объяснения зла в рамках чисто антропологического подхода (да и что он может сказать: такова «природа» человека?).

Кант категорически разводит мораль и право, необходимость принудительной государственной власти не может и не должна связываться ни с какими заботами об обеспечении счастья индивидов: это всецело является их собственным личным делом, делом их личного свободного выбора и таланта. Понятно, что Кант стремится пресечь тем самым попытки «принудительного осчастливливания» людей государством. Но не зря в конце XIX в. появляются вначале практики, а затем и терии «социального государства», – которое берет на себя бремя не только обеспечения неких минимально необходимых уровней социально-экономического и культурного благосостояния людей, но и самой социальной справедливости. Кант печется, прежде всего,

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

об уничтожении пороков «отеческого правления», реализации «правового государства», но оно должно быть социальным.

Кант порицает юридические привилегии, проистекающие из обладания собственностью, но признает объектом частного права не только вещи и отношения людей, но и самого человека, что приводит к оправданию закреплённой в законе власти мужа над женой, господина над слугой.

Кант непоследователен в толковании суверенитета народа: «Каково бы ни было происхождение верховной власти, предшествовал ли ей договор о подчинении или же власть явилась сначала, а затем уже установился закон, – для народа, который находится под владычеством гражданского закона, все это бесцельные и угрожающие опасностью государству рассуждения» – таким образом, «моральная автономия личности» сильно урезается до границ самосознания – наслаждайся тем, что ты высонравственное автономное существо, с которым никто не имеет права обращаться как с неразумным малолетним дитём. «Гражданин государства и притом с позволения самого государя, должен иметь право открыто высказывать свое мнение о том, какие из распоряжений государя кажутся ему несправедливыми по отношению к обществу» [2,95]. Кант, фактически, оправдывает форму сопротивления индивида неправой власти лишь как «фигу в

кармане»: «Существующей законодательной власти следует повиноваться, каково бы было ее происхождение». Он оспаривает право народа на восстание, право наказывать главу государства, если даже тот нарушает свой долг перед страной [2,255]. Он лишь допускает внешнее повиновение при внутреннем неучастии – отношение к неправовой деспотической власти [2, 317., 95-96, 245, 99. 255].

С этой точки зрения уже европейский анархизм (и особенно – русский, П.А. Кропоткин) глубоко понимал необходимость, но недостаточность «моральной автономии» личности только в свободе. Потому что не только важно понять, с чем мы имеем дело: «свобода от» или «свобода для», но и в чем коренятся причины человеческой свободы/несвободы. И здесь бесценным является опыт марксистского анализа (против которого «ополчились все силы старого мира» – только теперь куда как более мощные в сравнении с меттернихами и бисмарками! Как известно, К. Маркс считал философию Канта «немецкой теорией французской революции» [5,88] и только он оказался способен объяснить необъяснимое для Канта упорство деспотизма в его нежелании ничего реально реформировать, даже перед лицом неминуемой гибели.

Однако вряд ли все дело в том, что нынешней нашей юриспруденции было бы весьма полезно переосмысление парадигмы права и законности

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

с учетом уроков исторического развития правовой мысли: дело, скорее, в «параличе воли» (либерально-охранительная идеология и политика парализовала власть, себя, а также российский демос, который робко сопротивляется превращению его в охлос).

История развития России в конце XX в. продемонстрировала, казалось бы, невероятный кульбит – попытавшись вернуться минимум на сто лет назад к тем давним развилкам исторического процесса в отчаянной надежде то ли понять – куда девалась та «Россия, которую мы потеряли», то ли ответить другому современному вопрошателю – («как это все случилось?»), то ли вовсе утвердительно ответить на жутковатый вопрос нашего великого соотечественника П.Я. Чаадаева [9]. В течение последней четверти века правящий класс предпринял столь решительную попытку капиталистической реставрации, «отпрыгнув» куда-то во времена «дикого» капитализма, попытавшись столь решительно вытравить весь советский период отечественной истории, что только

циничное уродование истории XX века сегодняшним западным истэблшментом и внезапно вдруг вновь заплодоносившее «коричневое чрево» в Украине невольно заставляет отшатнуться и задуматься о смысле подобных исторических кульбитов.

Поэтому социально-политическое развитие современной России способно внезапно актуализировать кантианский дискурс, проблемы, которые совсем недавно – если и не считались окончательно сданными в архив, то все же не рассматривались как злободневные, а, скорее – принадлежащими историко-философскому процессу. Но в этой логике даже, казалось бы, чисто историко-философские проблемы обнаруживают необыкновенную остроту.

Например, кто бы в США от 4 July – Independence Day, а во Франции – от 14 июля отрекся под столь же диким предлогом, под которым попытались вытравить из исторической памяти российского общества день 7 ноября, заменив его «днем изгнания поляков из кремля»? Подобные примеры можно было бы умножать.

Библиографический список

1. Гоббс Т. Левиафан. – М., 1936.
2. Кант И. Метафизика нравов. – Соч. в 6 тт. – Т.4, ч.2.
3. Кант И. Религия в пределах только разума / Трактаты и письма. – М., 1980.
4. Кант И. Об изначально злом в человеческой природе. – Соч. – Т. 4(2).
5. Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – Т. 1.
6. Монтескье Ш. О духе законов. – М. 1954.
7. Соловьев Э.Ю. Личность и право.
8. Философия Канта и современность. – М., 1974.
9. Чаадаев П.Я. Философические письма. Первое письмо. // П.Я. Чаадаев. Полное собрание сочинений и избранных писем. Т.1-2. – М., 1991.

Трансцендентальный идеализм в условиях постсовременности: к проблеме актуальности кантианской философии

В докладе рассматривается трансцендентально-этическая концепция немецкого мыслителя И. Канта и проблема ее понимания современным человеком. Актуальность статьи определяется тем, философия Канта обладает загадочной парадоксальностью. С одной стороны, в рамках программных вузовских курсов по философии она зачастую оказывается не вполне понятна современному молодому поколению, что происходит не только из-за обилия специальных терминов, используемых философом, но и из-за неспособности выразить кантианскую философию («языком современности»). Но с другой стороны, как свидетельствуют современные медийные ресурсы, неподдельный и устойчивый интерес к идеям великого философа продолжает сохраняться на протяжении многих веков на самых разных уровнях культурного пространства и в самых различных формах социальных практик. Исходя из установки прояснения этой парадоксальности, в статье ставится цель выстроить аргументацию взаимосвязи кантианских идей с современностью. Задачами статьи, таким образом, являются последовательное изложение ключевых идей и установок кантианского трансцендентализма, таких как «вещь-в-себе» и «вещь-для-нас» (ноумен и феномен), понятие «гносеологического дуализма», кантианский агностицизм, понимание сущности «априорных структур», а также понятие категорического императива. В докладе выстраивается обоснование обозначенных идей и установок философа в формате их «осовремененного» прочтения, с привлечением иллюстративного материала, характеризующего резонанс кантианской философии в современном культурном пространстве. На основе осуществленного анализа делается ряд последовательных выводов о некоем образующемся новом когитальном поле кантианских идей и установок в «системе координат» современных реалий. В заключении на основе осуществленного развернутого обоснования в докладе делается вывод о том, что в пространстве (пост-)современности, ключевыми характеристиками которой являются «смерть Бога», «смерть Автора» и «смерть субъекта», когда человек вынужден искать способы и возможности обретения/восстановления глубинных экзистенциальных оснований, философия И. Канта не может утратить своей актуальности.

Ключевые слова: этика, феномен, ноумен, категорический императив, трансцендентальный субъект, смерть субъекта, телоцентризм

Гредновская Елена Васильевна,
Россия, Южно-Уральский государственный университет, заведующая кафедрой философии,
E-mail: nebytiya_net@mail.ru

Дыдров Артур Александрович,
Россия, Южно-Уральский государственный университет, доцент,
E-mail: zenonstolk@mail.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Философия И. Канта является образцом строгости и наукообразности мысли Просвещения. «Трансцендентальный идеализм» – именно так маркируется кантианская философия – понятен далеко не всякому человеку, знакомящемуся с трудами кенигсбергского философа, а тем более современному человеку, знающему о философии И. Канта из преподавательских лекций. И. Кант ввел в оборот понятия трансцендентального субъекта, гипотетического и категорического императивов, антиномий чистого разума, априорного и апостериорного знания и многие другие, малопонятные современному клиенту образовательного учреждения. Однако Кант как знаковая фигура философии XVIII-XIX столетий не забыт до сих пор.

Многие помнят, вышедший в начале 80-х в советской России культовый шедевр «Москва слезам не верит», где герой некогда известный, но спившийся хоккеист, предстает перед зрителем в питейном заведении, пропитанном запахом «Жигулевского» пива, дымом дешевого табака, гулом пьяных голосов. И в этом контексте вязкой фактуры звучит полупьяный голос: «Категорический императив Канта гласит: "поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать законом всеобщего законодательства"». В данной ситуации – очевидная ирония авторов фильмов над «философическим» безграничным ресурсом опьяненного сознания. Но это верно лишь отчасти, ведь в этом контексте

не звучат имена и цитаты Аристотеля, Макиавелли, Ницше.

В продолжение темы кинематографа, раздвигающей географические границы влияния Канта на современность, следует привести еще один пример – французскую ленту «Последние дни Иммануила Канта» (реж. Ф. Коллин, 1994). Фильм снят в черно-белом формате и квазидокументалистской манере. В данный контекст органично вписывается высказывание М.К. Мамардашвили: «Если жив Кант, если мысленно я держу Канта живым, то жив и я...» [7]. Главный герой фильма ведет обычную жизнь. В мире своей повседневности он пьет кофе, общается с друзьями, идет по тропе со своей всем известной пунктуальностью кенигсбергского мыслителя. И в завершении он уходит («навсегда»), совпадая лишь на короткое время с собственным памятником, совершив переход из мира феноменов в ноуменальное измерение. Почему же опять Кант, а, например, не Декарт, не Беркли и не Руссо?

Двухтысячные годы также не остались в стороне от «кантовской загадки». В сентябре 2013 года в интернете появилась новость, оставшаяся не прокомментированной официальными лицами: в Ростове-на-Дону двое молодых людей устроили в баре перестрелку из травматического оружия, где причиной размолвки приятелей оказалось, по их признанию, расхождение в понимании идей Канта...

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Исходя из многолетнего опыта преподавания курса философии, в рамках которого обсуждение идей Иммануила Канта является соответствующим программой министерства образования РФ, можно выразить некоторые предположения, проливающие свет на причину популярности немецкого мыслителя.

Онтология Канта тесно связана с гносеологической проблематикой. Бытие «разворачивается» по направлению к мыслящему и познающему разуму, к трансцендентальному субъекту, двумя планами – как «вещь-в-себе» и как «вещь-для-нас», как ноумен и как феномен. По выражению Т. Маккенны, учение И. Канта призвано было решить «феноменально-ноуменальную» проблематику [10, с. 183]. Это традиционно именуют «гносеологическим дуализмом» (А. В. Гулыга [3], Л. А. Калинин [4], К. Н. Любутин [6] и др.). М. Фридман маркировал философию И. Канта как «проект трансцендентальной философии» [11, с. 72].

При первом знакомстве с курсом философии терминология, разумеется, вызывает определенные трудности у студентов нефилософских специальностей. Понятие «гносеологического дуализма» могло бы быть совершенно неясным, если бы не аргументация самого Канта, отпечатывающаяся в сознании современного студента.

«Вещь-в-себе» (или: «вещь-сама-по-себе», ноумен), – это то, утверждал философ, к чему ты еще не прикоснулся чувствами, ощущениями, что нахо-

дится за пределами нашего чувственного и осознаваемого восприятия (апперцепции). «Вещь-для-нас» – уже то, что предстало в нашем мышлении (в виде образа, представления, понятия). Но обе эти «вещи» двигаясь к познающему субъекту казалось бы из одного источника, тем не менее есть расходящиеся лучи «гносеологического дуализма», в оптический обман которого и попадает всякий, добровольно, или принудительно начинающий познавать и окружающий мир, и себя самого.

Приведем еще один пример, использование которого может принципиально изменить ситуацию непонимания, кризиса коммуникации. Современным студентам, как и многим жителям XXI в., знаком бесценный опыт первого виртуального «знакомства с собой»: достаточно включить видео или аудиозапись, где субъект видит или слышит «другого себя» – чуждого и чужого. То, что оказалось схваченным объективом – это и есть «вещь-для нас», это то, что явилось, предстало, сконструировалось. Но в тайниках непознаваемой сущности, остается неприкосновенной человеческая подлинность, непостижимость «вещи-в-себе». Кантианский агностицизм – одна из установок, с которой приходится мириться. Современному человеку больше не нужны специальные комментарии, он это знает на своем опыте. Субъект хочет познавать мир, хочет познавать себя, но обязательно попадает в ловушку «двойного стандарта», в котором ему до-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ступен лишь отблеск «вещи-в-себе», в то время как «вещь-для-нас», явление, поверхность – то, чем человеку приходится довольствоваться.

Согласно постструктуралистскому дискурсу, мир можно уподобить «пестрому лоскутному одеялу», а человека («умершего» субъекта, по выражению М. Фуко) своего рода бриколажу. Человек, по выражению В.Ю. Сухачева, «заперт» в зеркала [8, с. 21] Органы чувств «собирают» этот мир и вещи этого мира по кусочкам, по фрагментам в гигантскую мозаику, размещенную в нашем сознании. И уже никто сейчас не сомневается, что и наши органы чувств также «собирают» мир и вещи, стягивая их по кусочкам в виртуальное пространство нашего мышления: глаза «поставляют» цвет и форму, слух – звуки и т.д. И если субъект попытается отобразить в сознании «вещь-в-себе», пребывающую за пределами юрисдикции разума, то он сможет это сделать, лишь «разобрав» ее на части. Вещь ускользает и не дается сразу целиком. Однако вещь, согласно Канту, собирается в сознании, при активном участии и посредством априорных структур.

И понимание сущности «априорных структур» современному студенту было бы не доступно, если бы не уже состоявшееся овнешнение пространства виртуальной реальности человеческого сознания, если бы не «манифестация мысли», визуализировавшаяся в «новой парадигме чувствительности», по выражению Ж. Бод-

рийяра, «человека виртуального» [1, с. 76], в инструментально-аппаратных средствах, гиперреальных изображениях. Ведь все это теперь очевидно свидетельствует об одном: мир может быть сконструирован, смоделирован, виртуализирован, воспроизведен в своей симулятивности «третьего порядка» [2, с. 9–10], где априорные структуры, точно пауки, неутомимо и непрестанно ткут полотно «реальности» вещей, представляющих «исключительно для нас». Но при этом согласно Канту, нет никакой гарантии, что априорные структуры наверняка позволяют человеку новую «целостность вещи», «собранную» в мышлении в точном соответствии с действительностью. Нет инструкции по сборке. Нет списка комплектующих. Нет описания комплектации. Нет гарантии доставки.

В таком случае, если критериев «подлинной сборки» вещи не существует, если нет никакого плана и инструкции, а воссоздающаяся в нашем мышлении вещь лишь «одна из», то не является ли это условием свободы конструирования множества реальностей? По крайней мере, на это указывает постмодернистская парадигма. Но, кроме того, ведь и сам Кант полагал, что не нужно искать того, что эмпирически принципиально не подтверждаемо. Не вполне ли достаточно для нас в таком случае только лишь идеи целостности вещи, как, например, идеи Бога, для того, чтобы понять мир и себя, без необходимости подтверждать его существование?

Этика Канта фундирована мыслью о том, что человеку еще только нужно стать человеком, что без некоторых специальных усилий в этом направлении животная природа человека не сможет быть преодолена. Но помимо априорных структур в глубинах разума человека есть еще одна неутомимость и непрерывность – категорический императив. И согласно Канту, принципиально важно преодоление животного начала в человеке, важна даже попытка преодоления. Ярым противником категорического императива Канта был мыслитель-иррационалист Ф. Ницше. «Разве не чувствуется категорический императив Канта, как опасный для жизни!» – писал Ницше в «Антихристе» [8]. И еще: «Что действует разрушительнее того, если заставить человека работать, думать, чувствовать без внутренней необходимости, без глубокого личного выбора, без удовольствия? Как автомат "долга"? Это как раз рецепт *decadence*, даже идиотизма... Кант сделался идиотом...» [8]. Грубость Ницше, выраженная оскорблением, очевидно, сразу приковывает к себе внимание. Однако автор «Антихриста» «заковал» кантовское понятие о долге в кавычки, указывая, по крайней мере, на бессосновность этого понятия. Ното *moralis* в ницшеанском дискурсе уподобляется механизму, машине, скованной алгоритмом, а человек здесь – тюремщик, лишивший свободы самого себя.

Идея о преодолении животного начала в человеке, возможно, оказалась бы еще дальше от ценностного мира современной молодежи, чем это могло бы показаться на первый взгляд, если бы не вездесущий «телоцентризм» эпохи постмодерна. С одной стороны, культура сама «позволяет» человеку репрезентировать себя, прежде всего, через тело, заманивая возможностью свободы и освобождения именно через обретение власти над ним, игрой с ним. С другой стороны, уже очевиден и на деле понятен экзистенциальный тупик, порожденный этим приглашением, ибо в телесно-природном обрести свободу невозможно, «свобода» – категория внеприродная, а, стало быть, и внетелесная.

В работе «Метафизика нравов» И. Кант писал об этике долга, «которая одновременно есть цель» [5, с. 122–123], что, собственно говоря, и дает определяет возможность, этический ресурс и личностную автономию для преобразования своей «животной природы» в природу человеческую. В общее поле аргументации Кант включает тему самоубийства. Несмотря на определенную терминологическую, а в некоторых аспектах и содержательную, архаичность разворачиваемого обоснования (например, в отношении, так называемого «частичного самоубийства» и т.п.), логика запрета на «лишение себя жизни» неожиданным образом оказывается удивительно свежей, животрепещуще-современной и безоговорочно ясной.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Кант говорит: недопустимо «накладывать на себя руки» из эгоистических побуждений, где под эгоизмом он, понятное дело, понимает, игнорирование «интересов всего человечества» в своем поступке, в «максиме своей воли», ведь это не может стать всеобщим законодательством! Ведь это не может быть примером для всего человечества!

И, кроме того, если недопустимо относиться «к человеку как к средству», но можно и нужно относиться к нему «только как к цели», а человек, убивающий себя, тем самым желает прекратить свои страдания, следовательно в этом акте он относится к «человеческому существу в своем лице» как средству – средству устранения имеющихся страданий. А цель, зарезервированная в нем ресурсом всего Человечества, которая одновременно еще и есть долг, «твой собственный долг перед самим собой», оказывается нереализованной. «Стремление к самосовершенствованию и счастье другого», – вот что находится по ту сторону отношения к человеку как средству, как к вещи, как к чему-то, чем субъект якобы имеет право распоряжаться [5, с. 318–319].

Парадоксально, но именно потребительское отношение к реальности, и делает, на наш взгляд, понятной современному человеку эту непростую кантовскую мысль. Именно готовность выгодно продать свое тело, образ, интеллект на современном рынке труда и в состязании амбиций, делают абсолютно про-

зрачной кантовскую идею об «отношении к себе как средству». Но если современный человек проглотит ее, то он проглотит и кантовскую пилюлю внутри: не относись к себе так! Ты не имеешь права, ведь в тебе – все человечество.

В завершении следует обратить внимание и на самое современное положение дел. В Интернете в 2015 году вновь появились фотографии и сообщения, связанные с именем Канта. Так, очередное медийное сообщение гласит: «В Калининградской области, на стене дома, где Кант проживал, работая домашним учителем, появилась оскорбительная надпись "Кант – лох"». Ну и далее – серия публикаций, широкий резонанс возмущений, поисков вандалов, раскаянье найденной виновницы... Однако в этой истории любопытно то, что широко озвученный «вандализм» в отношении великого философа по сути своей оказался не оскорблением, а бессознательным объяснением в любви (возможно, самой абстрактной и самой что ни на есть общечеловеческой), ну или, как минимум, выражением сострадания, ибо разговорно-сниженное понятие «лох», обозначает всего лишь «наивный, доверчивый человек», а надпись на стене дома сопровождается сердечком с цветком, что на языке граффити вообще является знаками любви и толерантности.

В философских кругах, как уже было отмечено ранее, хорошо известно об отрицательном отношении Ф. Ницше к

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

сформулированному Кантом нравственному закону. Философ-иррационалист протестовал против сковывания человечества узами морали, уравнивающей людей в правах и возможностях. Однако, судя по всему, именно в XXI в., в эпоху «смерти Бога», «смерти Автора» и «смерти субъекта», в эпоху

«отмены» всех оснований и крушения логоцентризма, когда человек постсовременности мучительно ищет способы и возможности реставрировать свой фундамент, восстановить основания и структуры, философия И. Канта не утратит своей актуальности.

Библиографический список

1. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.
2. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
3. Гулыга, А.В. Немецкая классическая философия / А.В. Гулыга. – М.: Рольф, 2001. – 416 с.
4. Калинин, Л.А. На краю романтизма или за его пределами? Э.Т.А. Гофман и природа искусства в эстетике Канта // Кантовский сборник. 2011. – № 2. – С. 38–51.
5. Кант И. Метафизика нравов // Сочинения в 6 тт. Т.4 / И. Кант. – М.: Мысль, 1965. – С. 107–438.
6. Любутин, К.Н. Философия Канта: проблема трансцендентального субъекта / URL.: <http://kant-online.ru/>.
7. Мамардашвили М.К. Идея преемственности и философская традиция / URL.: <http://www.mamardashvili.com/archive/interviews/continuity.html>.
8. Ницше, Ф. Антихрист. Проклятие христианству / URL.: <http://nietzsche.ru/works/main-works/antihrist/>.
9. Сухачев, В.Ю. Страсти по Декарту: между метафизикой cogito и телесной практикой // Вестник Псковского вольного университета. – Т.2. – №4. – С.18-29.
10. McKenna, T. Kantianism and the judgement of beauty in light of the problem of true totality and its basis in the forms and structures of social existence // Critique. – 2014. – №42(2). – pp. 183–195.
11. Friedman, M. Philosophy of natural science in idealism and neo-Kantianism // The Impact of Idealism: The Legacy of Post-Kantian German Thought. – 2011. – pp. 72–104.

References

1. Bodrijjar Zh. Prozrachnost' zla [Transparency of evil], M., Dobrosvet, 2000, 258 p.
2. Bodrijjar Zh. Simvolicheskij obmen i smert' [Symbolic exchange and death], M., Dobrosvet, 2000, 387 p.

УДК 128 + 129

Вишев И.В.

Центральная мировоззренческая проблема смерти и бессмертия человека в контексте философского учения И. Канта

Проблема смерти и бессмертия человека — центральная в любом мировоззрении, в том числе и прежде всего в философском. Её решение предложил и Иммануил Кант под углом зрения таких особенностей своей философии, кратко рассмотренных в начале статьи, как агностицизм в специфической форме учения о «вещах в себе», о которых мы можем только знать, что они существуют и аффицируют органы чувств; априоризм, учение об антиномиях разума, трансцендентальном и трансцендентном познании, категорическом императиве, признании дуализма души и тела, понимание философии как здоровья души и др., сложившихся и проявившихся в докритический и критический периоды его творческой эволюции. В статье рассмотрен также довод Канта, направленный против теологических доказательств бессмертия души, согласно которому никому из людей смерть не может быть известна, поскольку для этого необходима жизнь, реальный опыт. Проведено сравнение кантовского восприятия и оценки смерти как возможно мягкого ощущения освобождения от страданий и аналогичных взглядов Ламетри и Циолковского, призванных освободить людей от страха смерти и облегчить им утрату жизни. Особое внимание обращено на то, что Кант, в итоге, тоже признает вечную жизнь человека после смерти, но только с моральной точки зрения и стремления к высшему благу, т.е. заменяет теологические доказательства постулатами о бессмертии души, свободе воли и бытии бога.

Ключевые слова: центральная мировоззренческая проблема, агностицизм, априоризм, антиномии, трансцендентальность, трансцендентность, философия как здоровье души, старение, смерть, бессмертие, теология, моральный закон, постулат, свобода воли, бессмертие души, бытие бога, практическое бессмертие человека, будущая цивилизация бессмертных.

Вишев Игорь Владимирович,
Россия, Южно-Уральский государственный университет, профессор, E-mail: iv-vishev@mail.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Иммануил Кант (1724–1804), явился одним из крупнейших мыслителей не только эпохи Просвещения, но и всей истории философской мысли. Он стал основоположником классической немецкой философии, с которого и началась философская революция. До него познающий субъект рассматривался как нечто пассивное, подобное зеркалу, отражающему внешний мир, а содержание сознания этого субъекта, определяемым внешними предметами к которым только и приписывалась активность. Кант в корне перевернул это представление. Согласно кантовскому философскому учению, субъект, познающий эти предметы, дает им законы их бытия. Поэтому каковы вещи «в себе», т.е. вне сознания, существующие вне нас, мы не знаем и знать не можем. Вещи же, какими мы их представляем, есть наше собственное создание, продукт познающего субъекта. В этом, в частности, и проявился агностицизм философии Канта, который и стал одной из главных ее особенностей [1, с. 40–41]. Подобная разновидность агностицизма, однако, не была столь последовательна, как, например, в философии Д. Юма, поскольку все-таки допускала существование вещей вне нас, о которых мы можем знать лишь то, что они существуют и оформляются нашими органами чувств. Поэтому впоследствии это учение критиковали слева и справа, т.е. одни за непоследовательность такого материалистического допущения, а другие именно за это допущение.

Другой принципиально значимой особенностью Канта является априоризм (от лат. *a priori* – из предшествующего). Под ним понимается философское учение, согласно которому существует знание, полученное человеком до опыта и независимо от него, причем эта первичность по отношению к опыту и независимость от него представляется преимуществом такого знания, обеспечивая его несомненную достоверность по сравнению с обусловленным опытом знанием. Основу безусловной всеобщности и необходимости теоретических истин (т.е. положений математики и математического естествознания) рационалистский априоризм усматривал в их несомненности и самоочевидности. Согласно Канту, априорным является только форма, способ организации знания [1, с. 41–43].

Так, с его точки зрения равенство углов треугольника двум прямым (впрочем, как практически вся евклидова геометрия) не зависит от опыта и оставалось истиной даже в случае исчезновения всего материального мира. Иными словами, человек, по Канту, обладает как бы изначальными, в определенном смысле, врожденными знаниями. В итоге он разрывал явление и сущность. Однако при этом нельзя не заметить, что вскоре появились различные модели неевклидовых геометрий (Н.И. Лобачевского, и др.). Это лишний раз подтвердило, что знание человека является результатом отражения свойств объективной реальности. Сам же Кант объективным считал то, что обладает логическими признаками всеобщности и необхо-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

димости, т.е. опять-таки как некая конструкция разума.

Заметное место в философии Канта занимает его учение об антиномиях, под которыми понималось сопоставление обоюдно противоречащих высказываний о предмете, допускающих одинаково убедительное логическое обоснование. Он, например, считал, что с одинаковой убедительностью можно обосновать и конечность и бесконечность мира, т.е. опять все сводилось к логическим построениям ума [1, с. 323–342].

К числу ключевых философских понятий в учении Канта относятся и такие, как трансцендентальность и трансцендентность. Под первым понимается всякое познание, занимающееся не сколько предметами, сколько видами нашего познания предметов, поскольку это познание должно быть возможным *a priori*. Под вторым – такое знание, которое переступает за границы человеческого разума и является в этом смысле недоступным теоретическому познанию, становясь исключительно предметом веры. Трансцендентное – это все то, что выходит за пределы возможного опыта, например, Бог, бессмертие души и т.п.) [2, с. 113].

Наконец, в связи с рассматриваемой темой необходимо упомянуть учения Канта о категорическом императиве от (лат. *imperativus* – повелительный) – безусловном нравственном велении, будто бы изначально присутствующим разуму вечному и неизменному лежащему в основе морали. Согласно категорическому императиву, человек дол-

жен поступать так, чтобы нормы его поведения могли стать принципом всеобщего законодательства, по Канту, существует основной закон чистого практического разума, согласно которому надо поступать так, чтобы максима твоей воли всегда могла быть вместе с тем и принципом всеобщего законодательства. В итоге оказывалось, что этика Канта говорит не о действительной моральной оценке поступков человека, а о том, каковы чисто формальные повеления «практического разума». Скажем, с точки зрения такого учения, спасение или какая-то другая помощь другу не является истинно нравственным поступком, поскольку эта норма данного поступка не может стать принципом всеобщего законодательства [3, с. 187–189].

Оригинально понимание Кантом места и значения философии в жизни человека. Кант высказал в этой связи исключительно важную и ценную мысль, чёткую как формула: «Философия есть здоровье разума. В этом ее воздействие» [4, с. 247]. И далее он завершает ее следующим размышлением и выводом: «Но так как человеческое здоровье... является нескончаемым заболеванием и новым выздоровлением, то одной только диетой практического разума (например, его гимнастикой) нельзя добиться того, чтобы поддержать равновесие, которое называется здоровьем и висит на волоске; однако философия должна (терапевтически) воздействовать как лекарство; для ее применения

требуется фармакопия и врачи (только эти последние вправе предписывать лечение); причем полиция должна бдеть о том, чтобы только профессиональные врачи, а не простые любители советовали, какую философию следует изучать и чтобы эти последние не превратили в шарлатанство искусства, основ которого они не знают» [4, с. 247]. Можно только сожалеть, что об этом суждении Канта упоминают более чем редко.

Все приведенные и другие особенности философского учения Канта не могли не сказаться на его решении проблемы смерти и бессмертия человека, которую он не мог обойти как центральную проблему любого мировоззрения, в том числе и особенно - философского. Наложила свою печать на понимание им этой проблемы творческая эволюция Канта, в которой вполне определенно различаются два периода – докритический, когда он занимался преимущественно натурфилософской проблематикой, и критический, ознаменованный его переходом на агностические позиции.

На первом этапе он выдвинул гипотезу о происхождении солнечной системы, которая впоследствии стала называться гипотезой Канта-Лапласа, когда последний придал ей математическое выражение. Им была высказана также исключительно ценная идея о замедлении вращения Земли вследствие приливного и отливного трения. Эти и другие представления Канта вносили историчность и развитие в картину мира, пробивая

первые бреши в ее механистическую версию. Иными словами, шаг за шагом выяснялось, что и наша солнечная система, и Земля, да и мир в целом имеют свою историю, изменяются во времени. Вместе с тем общий уровень развития и философской мысли, и естествознания не мог не сказаться на представлениях и понимании изучаемых явлений. Данное обстоятельство наглядно проявилось и в отношении кантовского решения проблемы смерти и бессмертия человека.

Свидетельством тому может служить взгляд Канта на природу смерти. В сочинении под примечательным названием «Стареет ли Земля с физической точки зрения» Кант утверждал: «Все предметы природы подчинены следующему закону: тот же механизм, который вначале работал над их совершенствованием, продолжая менять вещь и после того, как она достигла своего совершенства, постепенно лишает ее благоприятных условий и в конце концов незаметно доводит ее до полной гибели. Этот образ действия природы ясно обнаруживается в устройстве растительного и животного царств» [5, с. 95]. Так что ему приходилось оперировать такими общими и неопределенными понятиями, как «механизм», «сила», «устройство» и т.п. Он считал: «Та самая сила, которая побуждает деревья к росту, приносит смерть, после того как они завершают свой рост» [5, с. 95]. И это естественно, поскольку в то время, еще не было известным ни клеточное строение расте-

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

ний и животных, ни генетика, ни многое другое.

Поэтому и сам этот «механизм» представлялся Канту очень абстрактно. Он так описывал его: «Когда волокна и сосуды уже не способны расширяться, питательный сок, продолжая проникать в различные части растения, начинает закупоривать и уплотнять внутренность каналов, и из-за того, что движение соков затруднено, растение в конце концов засыхает и умирает» [5, с. 95]. Действие этого закона Кант распространяет на онтогенез животных и людей. «Тот же механизм,— продолжал он, — благодаря которому животное или человек живут и растут, приносит им в конце концов смерть, когда рост их заканчивается. Ибо, в то время как питательные соки, поддерживающие жизнь животного, отлагаясь на каналах, перестают их расширять и увеличивать в объеме, внутренние полости этих каналов сужаются, кругообращение соков затрудняется, и животное съживается, стареет и умирает» [5, с. 95]. Естественно, рисуемая Кантом картина происходящего очень упрощена, но в то же время тут присутствует и показательный момент предвидения, в связи с чем нельзя не вспомнить, например, о возможных холестериновых бляшках, забивающих кровеносные сосуды, затрудняющих тем самым ток крови, а в итоге грозящих серьезными нарушениями здоровья и даже летальным исходом.

Действие того же кантовского «закона» он распространяет, но вряд ли правомерно, и на историю нашей планеты. Кант полагал: «Точно также и постепенное ухудшение состояния Земли до такой степени вплетено в цепь перемен, которые вначале способствовали ее совершенствованию, что оно может стать заметным лишь через длительный промежуток времени» [5, с. 95]. Однако подобного рода экстраполяция, превращающая, по сути дела, Землю в живое существо, не соответствует современным представлениям науки. В то же время понимание Кантом и природы смерти, и ее причин носит вполне естественно научный, и даже можно сказать – материалистический, характер.

Но этот немецкий философ придерживался и принципиально иной точки зрения, с позиций которой, по сути дела, он отводил все традиционно теологические доказательства бессмертия души, хотя, в конечном счете, от признания ее подобного свойства (впрочем, некоторые философы исходят из такой точки зрения и сегодня). «Смерть, – утверждал Кант, – никому из людей не может быть известна по собственному опыту (ибо для опыта нужна жизнь), ее наблюдают только на других. По хрипам и судорогам умирающего нельзя судить, причиняет ли она боль; скорее это чисто механическая реакция жизненной силы и, может быть, мягкое ощущение постепенного освобождения от страдания» [6, с. 187]. И в этой связи Кант вполне логично обращается к вопросу

всегда животрепещущему и актуальному, - о страхе смерти. Он особо подчеркивает: «Свойственный всем людям, как самым несчастным, так и самым мудрым, естественный страх смерти есть, следовательно, как правильно говорит Монтень, не ужас перед смертью, а ужас при мысли о том, что ты умер (т.е. мертв); кандидат в мертвецы полагает, что мыслит труп, который уже не есть он, все-таки как самого себя в темной могиле или еще где-нибудь» [6, с. 187]. При этом Кант отмечает: «Это заблуждение устранить невозможно, ибо оно коренится в самой природе мышления, как разговор с самим собой и о самом себе. Мысль: *меня нет* вообще не может существовать, ибо, если *меня нет*, то я не могу и осознать, что *меня нет*» [6, с. 187]. Однако подобного рода мысли и образы тревожили и тревожат людей во все времена, и потому они не устают заниматься поиском различных приемов утешения и самоутешения перед лицом смерти.

Кантовские суждения о «боли», «мягких ощущениях» при встрече человека со смертью напоминают высказывания французского материалиста и врача того же XVIII века Ж.О. Ламетри, правда, как материалист, причем представитель именно смертнического материализма, который исходит из непреложности и неустранимости смерти, т.е. подчинение законам природы, он более последовательно и жестко стремится освободить людей от страха смерти, не останавлива-

ясь даже перед ее приукрашиванием и, наоборот, умалением радости и ценности жизни. И все это ради призыва Ламетри: «Будем спокойно жить для того, чтобы спокойно умереть» [7, с. 373].

И несколько ниже он продолжает, не уставая преукрашивать смерть: «Смерть вооружена вовсе не острым оружием. Скорее – насколько я мог судить о ней по ее приближениям – можно сказать, что она затягивает на шее умирающих мягкую петлю, которая не столько давит, сколько действует как приятный наркотик, это – своего рода смертельный опий: вся кровь пьянеет, чувства притупляются; кажется, что умираешь, подобно тому как испытываешь ощущение, что засыпаешь или падаешь в обморок, ощущая при этом своего рода наслаждение» [7, с. 373–374]. Понятно, очень трудно дискутировать с чужим восприятием «приближающейся» смерти, но похоже, что оно в данном случае весьма преувеличено.

И далее Ламетри настойчиво продолжает в том же духе: «И действительно, как спокойна и приятна смерть, наступающая постепенно, не застающая врасплох и не поражающая внезапно, – смерть, которую предвидишь и которая дает именно то ощущение, которое необходимо, чтобы наслаждаться ею. Я несколько не удивляюсь, что подобная смерть может ввести в соблазн своей обольстительной прелестью. Никакие страдания и насилия не сопровождают ее. Сосуды закупориваются один за другим, жизнь

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

уходит понемногу, с какой-то небрежной вялостью; что-то так нежно притягивает к себе, что с трудом решаешься обернуться в другую сторону» [7, с. 374].

И он заключает: «Стоит больших противоестественных усилий не впасть в искушение умереть тогда, когда пресыщение жизнью заставляет видеть в смерти лишь удовольствие». Этот дифирамб привлекательности смерти заканчивается такой аналогией: «Смерть и любовь завершаются одинаково – испусканием духа. Вместе с любовным замиранием происходит зачатие, вместе с умиранием от ножиц Атропы происходит уничтожение. Возблагодарим природу, которая, посвятив самые острые наслаждения воспроизведению нашей породы, сохранила нам достаточно приятные наслаждения для тех моментов, когда она уже не может сохранить нас в живых».

И, наконец, Ламетри так завершает свой неумеренный панегирик трагического финала человеческой жизни: «Наиболее общий тип смерти – смерть неощутимая. Люди уходят из этого мира, так же как приходят в него, – незаметно для себя» [7, с. 374].

А затем он излагает и свой взгляд на жизнь. «Чем рискуем мы, умирая?» - вопрошает Ламетри. «И сколько риска, напротив, представляет собою жизнь!» - восклицает он. Подобного рода увещевания делаются для того, чтобы людям было легче покинуть – её.

Кстати сказать, похожие убеждения во многом разделял материалист и панпсихист К.Э.

Циолковский, правда, уже в контексте своей космической философии, одной из важнейших особенностей которой стало утверждение, что субъективно смерти нет «а есть только непрерывное, сознательное и блаженное существование» [8, с. 140]. Тем самым он стремился придать оптимистичность материалистическому мировоззрению. Вместе с тем Циолковский не остановился перед категоричным умалением ценностей и прелестей реальной земной жизни человека. «Ведь эти радости и огорчения, – полагал он, – так ничтожны, так мелочны, что не худо и разорвать с ними навеки. Стоит ли поправлять дрянный, полусгнивший, полуразвалившийся дом? Не лучше ли снести его до основания, употребить на дрова, раз приготовлен для нас великолепный дворец, никогда даже нам не снившийся» [9, с. 17]. Однако Циолковский неправоммерно отождествлял материю и вселенную, поскольку последнее, в отличие от первой ограничено во времени и потому не было тех «дециллионов в дециллионной степени лет», из которых он исходил, так что, скорее всего, подобных дворцов нам все-таки никто не приготовил, и потому как нашу родную планету и космическое пространство нам придется благоустроить самим.

В отличие от Циолковского, которого вполне обоснованно можно отнести к представителям бессмертного материализма, Ламетри, свои размышления на эту тему, завершает следующим утверждением

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ем: «Смерть есть конец всего. После нее, повторяю, пропасть, вечное небытие; все сказано, все сделано; сумма добра и сумма зла равны; нет больше забот, затруднений; нет больше нужды разыгрывать роль: «фарс окончен» [7, с. 374–375]. И действительно, с материалистической точки зрения, человека после смерти не ожидают ни страдания, связанные с самим приходом смерти, ни райские блаженства, удивительно однообразные в христианстве и несравненно более красочные в исламе, ни, что более вероятно, вечные адские мучения, одинаково ужасно расписываемые и в той, и в другой религии. Так, например, преподобная Феодора, повествует: «Но вот пришла смерть. Она была как бы подобие человеческого, но состоящее из костей. Она носила различные орудия мучений: мечи, стрелы, копья, косы, серпы, пилы, топоры и многие другие, мне неизвестные. Увидела все это я – и душа моя затрепетала. Но ангел сказал ей: – Не медли! Освободи душу от уз плоти. Скоро и тихо освободи ее, на ней нет больше тяжести грехов. Смерть подошла ко мне и маленьким топором сначала отсекла ноги, потом руки, потом другими орудиями ослабила все члены мои, отделяя их от суставов. Потом отсекла мне голову. Потом смерть сделала питье и насильно напоила меня. Я не могла вынести горечи, содрогнулась и выскочила душа из тела» [10, с.26–27]. Возникает закономерный вопрос, а какова, с позиции такого рода верования, будет участь заурядных

грешников? Так что верующим, действительно, есть чего страшиться.

Возвращаясь к воззрениям самого Канта, необходимо, по логике вещей, рассмотреть его интерпретацию проблемы дуализма души и тела, при этом нельзя не подчеркнуть особо, что он ясно осознавал несоместимость позиций идеализма и материализма. Кант считал, что «человек сознает себя также как предмет своих внешних чувств, т.е. он имеет тело; связанный с телом предмет внутреннего чувства называется душой человека. Что человек состоит не из одного только тела, это можно строго доказать, если рассматривать это явление как вещь саму по себе» [6, с. 438].

И он так продолжал обосновывать свой взгляд на эту проблему: «В самом деле, во всяком познании (стало быть и в самопознании) необходимо должно быть единство сознания, и это единство не допускает, чтобы представления, распределенные между многими субъектами, составляли единство мысли. Поэтому материализм никогда нельзя применить в качестве принципа, объясняющего природу нашей души» [6, с. 438]. Действительно, принцип материализма не объясняет природу нашей души, поскольку он, по существу, отрицает само ее существование как особую субстанцию божественного происхождения. Материализм рассматривает человеческий организм как целостную систему, в которой органично взаимодействует телесное и

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

психическое, не существуя одно без другого, как работа машины не может существовать отдельно от машины, разумеется, отнюдь не в механическом значении этого понятия.

А Кант продолжал: «Если же мы станем рассматривать и тело, и душу лишь как явления, то вполне возможно, так как и то и другое – предметы чувств, и если мы примем в соображение, что ноумен (понятие идеалистической философии, обозначающее умопостигаемую сущность, предмет интеллектуального созерцания, в отличие от феномена как объекта чувственного созерцания. – И.В.), лежащий в основе указанного явления, т.е. внешний предмет как вещь сама по себе, быть может, представляет собой простую сущность... Не говоря уже об этом затруднении, т.е. о том случае, когда душа и тело принимаются за две специфически различные субстанции, взаимодействие которых составляет человека, никакая философия, тем более метафизика, не может решить, что и какую долю вносят в представления внутреннего чувства душа и тело в отдельности и не лишилась ли бы душа всякого рода представлений (созерцания, ощущения и мышления), если одну из этих субстанций отделить от другой» [6, с. 438].

И далее он делает вывод принципиальной значимости: «Следовательно, никак нельзя узнать, может ли душа после смерти человека, когда его материя рассеяна, продолжать жить, т.е. мыслить и желать, даже если субстанция ее остав-

ся; другими словами, [нельзя узнать], дух ли она (ведь под этим словом подразумевают сущность, которая и без тела может сознавать себя и свои представления) или нет» [6, с. 438]. Поэтому Кант не приемлет теоретически-догматического доказательства лейбницевско-вольфовской метафизики о бессмертии души. «Скорее, – считает он, – а priori можно усмотреть, что такое доказательство совершенно невозможно, потому что мы познаем себя единственно посредством внутреннего опыта, а всякий опыт может быть осуществлен только при жизни, т.е. когда душа и тело связаны между собой; стало быть, мы вовсе не знаем, чем мы станем и к чему будем способны после смерти, мы никак не можем познать отдельно природу души; ведь для этого нужно было бы попытаться отделить душу от тела еще при жизни» [6, с. 439].

При этом Кант прибегает к интересному сравнению. Он полагал, что: «такая попытка была бы похожа на то, как если бы кто-то стал перед зеркалом с закрытыми глазами и на вопрос, чего он хочет этим достигнуть, ответил: я хочу узнать, какой у меня вид, когда я сплю» [6, с. 439]. И приведенные рассуждения Канта, и подобного рода его образные сравнения призваны, как мне представляется, показать невозможность рациональными средствами, доказать и бытие бога, и бессмертие души. Поэтому, на мой взгляд, трудно согласиться со следующим выводом Л.М.Григорьевой. «Таким образом, - заключает

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

она, - Кант не опровергает существование Бога. Кантовская теория познания имеет дело лишь с кругом человеческого опыта и его переработкой с помощью чистых форм разума. Он лишь показал, что существование вещи нельзя усмотреть в содержании ее понятия. Посредством своих понятий рассудок может мыслить любой предмет лишь в его возможности. Он показал, что ни доказать, ни опровергнуть существование Бога невозможно»[11, с. 24]. Поэтому Кант всё-таки занял, по моему мнению, однозначную позицию (иначе он не выдвигал бы соответствующие постулаты), но другое дело, можно ли считать имеющими доказательную силу самих кантовских рассуждений или нет.

Как бы там ни было, Кант отнюдь не собирался отказываться ни от признания бытия бога, ни от признания бессмертия души. Он лишь переводит решение этих вопросов в иную, моральную, плоскость. В этой связи Кант заявляет, что «с моральной точки зрения мы имеем достаточное основание допускать даже вечную жизнь человека после смерти (после конца ее земной жизни), следовательно, допускать бессмертия души. Это учение есть практически-догматический переход к сверхчувственному, т.е. к тому, что составляет только идею и не может быть предметом опыта, хотя и имеет объективную реальность, действительную, однако лишь в практическом отношении»[6, с. 439].

И он заключает: «Стремление к высшему благу как конечной цели побуждает признать продолжительность [жизни], соответствующую ее бесконечности; оно незаметно восполняет отсутствие теоретических доказательств, так что метафизик не чувствует недостаточности своей теории, потому что действие морального чувства втайне не дает ему заметить недостатки познания, якобы выведенного им из природы вещей и в данном случае невозможно» [6, с. 439]. Так что Кант, будучи сыном своего времени, не сумел проявить, казалось бы, напрашивающуюся последовательность, оставшись на религиозно-идеалистических позициях, хотя в то же время жили такие материалисты и атеисты, как Ж. Ламетри, Д. Дидро, П. Гольбах и др.

Однако ни материалистические, ни, тем более, атеистические воззрения для него не были приемлемы ни в мировоззренческом, ни в методологическом, ни в социокультурном отношениях. В значительной, если не в решающей степени, это было обусловлено тем, что Кант исходил из представлений телеологии. Так, он утверждал: «Есть физическая телеология, которая дает нашей теоретически рефлектирующей способности суждения достаточный довод для того, чтобы признать существование разумной причины мира»[12, с. 290]. И продолжал: «Но мы обнаруживаем в нас самих, и еще более в понятии разумного, обладающего вообще свободой (своей каузальности) существа и мораль-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ную телеологию, которая, поскольку целевая связь вместе со своим законом может быть априорно определен в нас самих, следовательно, познана как необходимая, не нуждается для этой внутренней закономерности в разумной причине вне нас, так же как, находя целесообразное в свойствах геометрических фигур (для всевозможного искусного построения), мы не считаем нужным искать наделивший их этой целесообразностью высший рассудок).

А далее Кант заключал: «Однако эта моральная телеология касается нас как существ мира и, следовательно, как существ, связанных с другими вещами в мире, судить о которых как о целях или как о предметах – для них мы сами суть конечная цель – и предписывают нам эти моральные законы» [12, с. 290]. Здесь нет необходимости подробно останавливаться на традиции телеологических воззрений, уходящих своими истоками, прежде всего к учению Аристотеля о причинах, среди которых особое место заняла как раз целевая причина, не существующая, согласно взглядам философского материализма и атеизма, поскольку иначе она устраняет все препоны для безудержной игры воображения относительно самых различных сверхъестественных сил.

Однако в то же время нельзя не привести следующее пространное рассуждение Канта, которое, как я понимаю, представляет собой, с одной стороны, пример проявления его личного страха перед смертью,

попытку самоутешения – с другой, и вообще, в конечном счете, оправдание апелляции к религии. «Исполнение долга, – считал он, – заключается в форме серьезной воли, а не в причинах, служащих средством к успеху. Следовательно, если допустить, что какой-либо человек, побуждаемый отчасти слабостью всех столь восхваляемых спекулятивных аргументов, отчасти обнаруженными им в природе и в нравственном мире несообразностями, принял положение: Бога нет, то он оказался бы в своих собственных глазах недостойным, если бы счел вследствие этого закона долга лишь воображаемыми, незначимыми, необязательными и решился бы преступить их» [12, с. 294].

И он продолжал: «Если впоследствии такой человек уверится в том, в чем он сначала сомневался, он тем не менее останется при таком образе мыслей недостойным, пусть он даже из страха или из надежды на награду, но без внутреннего уважения к долгу, выполнял бы свой долг с такой точностью, с какой это только и можно требовать. Наоборот, если он как верующий искренне и бескорыстно исполняет свой долг, следуя своему сознанию, но при мысли, что его можно убедить в том, что Бога нет, сразу же считает себя свободным от всех нравственных обязательств, то с его внутренними моральными убеждениями дело обстоит плохо» [12, с. 294–295]. Так что и верующий, по Канту, должен быть «особого сорта».

И затем Кант обращается для иллюстрации к известному философскому авторитету. «Мы можем, следовательно, – делает он вывод, – представить себе добропорядочного человека (например, Спинозу), который твердо уверился в том, что Бога нет и (поскольку в отношении объекта моральности это ведет к одинаковым следствиям) нет и будущей жизни; как он будет судить о внутреннем определении своей цели, заданной моральным законом, который он в своих поступках уважает? Он не ждет от исполнения этого закона выгоды ни в этом, ни в ином мире; он лишь стремится бескорыстно делать добро, к которому тот священный закон направляет все его силы» [12, с. 295]. Но этим Кант не хочет и не может удовлетвориться.

И поэтому, говоря о таком человеке, Кант продолжает: «Однако его стремлению поставлен предел; он может иногда ждать от природы случайного содействия, но никогда не может надеяться на закономерное и совершаемое по постоянным правилам (такими, каковы суть и должны быть внутренне его максимы) согласие с той целью, содействие в осуществлении которой он все же считает своей обязанностью и стимулом» [12, с. 295]. И далее прямотаки в теологическом духе Кант предостерегает: «Обман, насилие и зависть всегда будут преследовать его, хотя сам он честен, миролюбив и благожелателен; и добропорядочные люди, которых он еще встретит, будут, несмотря на то, что они

достойны счастья, постоянно подвергаться природой, которая не обращает на это внимания, всем бедствиям – лишениям, болезням и безвременной смерти, подобно остальным животным Земли, пока всех их (честных и нечестных, здесь это значения не имеет) не поглотит глубокая могила и не отбросит тех, кто мог считать себя конечной целью творения, в бездну лишенной цели хаоса материи, из которого они были извлечены» [12, с. 295]. Так что без подобных угроз не может обойтись и религиозно-идеалистически мыслящий философ.

Разумеется, события реального опыта далеко не всегда могут быть подвергнуты однозначной проверке (например, определить возможный и действительный срок жизни того или иного человека), тем более посмертного, не подлежащего подобной проверке в принципе, даже согласно воззрениям самого Канта. Поэтому, с одной стороны, не принимая религии в её, так сказать, «чистом виде», в частности теологические доказательства бытия бога, он в то же время, по сути дела, компенсирует их соответствующими постулатами собственного изобретения: о свободе человеческой воли, бессмертии души и бытии Бога.

Сущность свободы человеческой воли Кант разъясняет, как всегда пространно, следующим образом. «Воля, – считает он, – есть вид причинности живых существ, поскольку они разумны, а свобода была бы таким свойством этой причинно-

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

сти, когда она может действовать независимо от посторонних определяющих ее причин, подобно тому как естественная необходимость была бы свойством причинности всех лишенных разума существ – определяться к деятельности влиянием посторонних причин» [13, с. 225]. И продолжает: «Проведенная дефиниция свободы негативная, и поэтому она ничего не дает для проникновения в ее сущность; однако из этой дефиниции вытекает положительное понятие свободы, которое более богато содержанием и плодотворно». И далее Кант дает следующие разъяснения: «Так как понятие причинности заключает в себе понятие законов, по которым в силу чего-то, что мы называем причиной, должно быть дано нечто другое, а именно следствие, то хотя свобода и не есть свойство воли по законам природы, тем не менее нельзя утверждать, что она совсем свободна от закона; скорее она должна быть причинностью по неизменным законам, но только особого рода; ведь в противном случае свободная воля была бы бессмысленной» [13, с. 225].

А затем Кант заключал: «Естественная необходимость была гетерономией действующих причин, так как каждый результат был возможен только по тому закону, что нечто другое определяло действующую причину к причинности; а чем же другим может быть свобода воли, как не автономией, т.е. свойством воли быть самой для себя законом? Но положение

воля есть во всех поступках сама для себя закон означает лишь принцип поступать только согласно такой максиме, которая может иметь предметом саму себя также в качестве всеобщего закона. Но это есть как раз та формула категорического императива и принцип нравственности; следовательно, свободная воля и воля, подчиненная нравственным законам, – это одно и то же» [13, с. 225–226].

Допущение свободы воли человека (дискуссионного вопроса в теологии) было необходимо Канту для обоснования положения, что если бы человек не был свободен следовать «голосу» нравственного закона, то последний будто бы лишился всякого основания и смысла. Действительно, по Канту, человек не может рассчитывать на то, чтобы в течение своей реальной жизни он смог достигнуть нравственного идеала и блаженства.

Поэтому Кант оказывается перед необходимостью допустить бессмертие души. Его, и снова весьма пространно, он обосновывает так: «Осуществление высшего блага в мире есть необходимый объект воли, определяемый моральным законом. А в этой воле полное соответствие убеждений с моральным законом есть первое условие высшего блага. Оно, следовательно, должно быть также возможным, как и его объект, так как содержится в этой же заповеди – содействовать этому благу» [14, с. 519]. И такое допущение потребовалось Канту для того, чтобы обосновать

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

возможность посмертных наград и наказаний.

А затем он утверждал: «Полное же соответствие воли с моральным законом есть святость – совершенство, недоступное ни одному разумному существу в чувственно воспринимаемом мире ни в какой момент его существования. А так как оно тем не менее требуется как практически необходимое, то оно может иметь место только в *прогрессе*, идущем в бесконечность к этому полному соответствию и согласно принципам чистого практического разума необходимо признавать такое практическое движение вперед как реальный объект нашей воли. Но этот бесконечный прогресс возможен, только если допустить продолжающееся до бесконечности существование и личность разумного существа (такое существование и называют бессмертием души)» [14, с. 519].

И Кант делает такой вывод: «Следовательно, высшее благо практически возможно только при допущении бессмертия души, стало быть, это бессмертие как неразрывно связанное с моральным законом есть постулат чистого практического разума (под ним я понимаю теоретическое, но как таковое, недоказуемое положение, поскольку оно неотъемлемо присуще практическому закону, имеющему а priori безусловную силу)» [14, с. 519–520]. Таким образом, Кант, признавая возможность бесконечного прогресса, связывает его не с реальной человеческой историей, а с по-

смертной участью людей, считая ее, как уже отмечалось, в то же время непроверяемой человеческим опытом.

Логика религиозно-идеалистического мировоззрения, в случае признания им бессмертия души, с необходимостью требует признания существования «гаранта» справедливого посмертного воздаяния. Она сжато и наглядно выражена самим Кантом. «Моральный закон в предыдущем анализе, – подчеркивал он, – вел к практической задаче, которая предписывается только чистым разумом без всякой примеси чувственных мотивов, а именно к необходимой полноте первой и самой главной части высшего блага – нравственности и, так как эта задача может быть полностью разрешена лишь в вечности, моральный закон вел к постулату бессмертия» [15, с. 521]. И Кант делает следующий принципиально важный вывод: «Этот же закон должен вести и к возможности второго элемента высшего блага – к соразмерному с этой нравственностью счастью – так же бескорыстно, как и прежде, из одного лишь беспристрастного разума, а именно к допущению существования причины, адекватной этому действию, т.е. постулировать бытие Бога как необходимо относящееся к возможности высшего блага (а этот объект нашей воли необходимо связан с моральным законодательством чистого разума)» [15, с. 521–522]. Как говорится, «что и требовалось доказать».

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Впрочем, доказательством эти рассуждения не считает и сам Кант, а лишь желаемым допущением. Однако «доказательство» и «допущение» имеют принципиально разный статус. Первое, будучи теологически утвержденным, требует неукоснительного исполнения, а второе можно принять или не принимать.

Правда, дальше Кант пытается «убедительным образом» обосновать свои представления, но на деле это оказывается лишь повторением или некоторой детализацией прежних утверждений. Так, он еще раз, в частности, подчеркивает, что блаженство, по его словам, «нельзя достигнуть в этом мире под именем счастья (поскольку это зависит от наших сил), и потому оно делается лишь предметом надежды» [15, с. 527]. И далее в том же духе, вплоть до признания религии. Кант в этой связи особо подчеркивает, что «после того как порождено основывающееся на законе моральное желание содействовать высшему благу (привести нас к царству божьему), которое прежде не могло появиться ни в одной своекорыстной душе, и ради этого желания сделан шаг к религии, – только тогда это учение о нравственности можно назвать и учением о счастье, так как надежда на счастье начинается только с

религии» [15, с. 528–529]. Так круг замыкается.

Между тем, спустя два с лишним столетия, открылись вполне реальные перспективы бесконечного прогресса человеческого общества и каждой отдельной личности. Эти идеи уже несколько десятков лет разрабатываются в контексте концепции практического бессмертия человека и его реального воскрешения, представляющей собой действенную альтернативу религиозно-идеалистическим верованиям и учением. Прочной основой этой концепции являются успехи развития естественных и социально-гуманитарных наук. Среди них можно напомнить такие открытия последнего времени, как реальная возможность клонирования человека, расшифровка его генома, использование регенерации стволовых и индуцируемых плюропатентных клеток, достижения крионики, нанотехнологии, синбиологии, «компьютерного бессмертия», и многие другие. Но и они отнюдь не являются последним словом науки, социальный и научно-технический прогресс продолжают открывать реальные пути и средства возникновения цивилизации практически бессмертных людей, сохраняющих оптимальные параметры их телесной и духовной жизнедеятельности [16, с.66–74].

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Библиографический список

1. Кант И. Критика чистого разума // И. Кант. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 3. – М.: ЧОРО, 1994.
2. Кант И. Пролегомены // И. Кант. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 4. – М.: ЧОРО, 1994.
3. Кант И. Критика практического разума // И. Кант. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 4. – М.: ЧОРО, 1994.
4. Кант И. Благая весть о близком заключении договора о вечном мире в философии // И. Кант. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 8. – М.: ЧОРО, 1994.
5. Кант И. Старее ли Земля с физической точки зрения // И. Кант. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 1. – М.: ЧОРО, 1994.
6. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // И. Кант. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 7. – М.: ЧОРО, 1994.
7. Ламетри Ж.О. Система Эпикура // Ж.О. Ламетри. Сочинения. – 2-е изд. – М.: Мысль, 1983.
8. Циолковский К.Э. Научная этика // К.Э. Циолковский. Очерки Вселенной. – М.: ПАИМС, 1992.
9. Циолковский К.Э. Причина космоса. – Калуга: Издание автора, 1925.
10. Денисов Л. Как проводит душа первые сорок дней по исходе из тела? – М.: 1900.
11. Григорьева Л.М. Опроверг ли И. Кант онтологическое доказательство бытия Бога? // Теология и науки о религии: монография / под общей редакцией М.А. Малышева и В.Е. Хвощева; Россия–Мексика. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ; Изд-во Научно-образовательного центра «Комплексные проблемы общественных наук». – 2011.
12. Кант И. О моральном доказательстве бытия Бога // И. Кант. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 5. – М.: ЧОРО, 1994.
13. Кант И. Основоположения метафизики нравов // И. Кант. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 4. – М.: ЧОРО, 1994.
14. Кант И. Бессмертие души как постулат чистого практического разума // И. Кант. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 4. – М.: ЧОРО, 1994.
15. Кант И. Бытие Божье как постулат чистого практического разума // И. Кант. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 4. – М.: ЧОРО, 1994.
16. Вишев И.В. Цивилизация будущего – социум практически бессмертных людей // Горизонты цивилизации. – Челябинск: «Энциклопедия», 2010.

References

1. Kant I. Kritik chistogo razuma [Criticism of clean reason]. I. Kant. Sobranie sochinenij v 8 tomah. Vol. 3, M., ChORO, 1994.
2. Kant I. Prolegomeny. Kant. Sobranie sochinenij v 8 tomah. Vol. 4, M., ChORO, 1994.
3. Kant I. Kritik prakticheskogo razuma [Criticism of practical reason]. I. Kant. Sobranie sochinenij v 8 tomah. Vol. 4, M., ChORO, 1994.

УДК 141.411

Хвощев В.Е.

ФРАГМЕНТЫ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО ОПЫТА И. КАНТА

Сила – едва ли не центральное понятие в разных науках – мало отличается в естественно-научных трактовках картезианства, кантианства, современных исследователей. Все они ориентированы на проявления некоторой сущностной основы, безуспешно познать которую пытаются философы и теологи. Распространённое в настоящее время в литературе обращение к понятию силы представителей социально-гуманитарных наук (к soft, hard, smart формам силы) во многом лишь укрепляют мифический статус этого понятия. Однако некоторые догадки Р. Декарта и И. Канта в этом направлении, пусть не подхваченные их последователями, заслуживают особого внимания.

Ключевые слова: И. Кант, кантианство, Р. Декарт, картезианство, тело, сила, активность

Хвощев Владимир Ефимович,
Россия, ЮУрГУ, заведующий
кафедрой политологии,
vek@susu.ac.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Человек не часто наделяет вещи точными именами, ещё реже даёт вразумительные определения своим понятиям. Удивительно, но тысячелетия философствования не выявили основного, главного свойства человека, общества, природы, которое бы указывало на их общую сущность и объясняло движение материи и сознания. Нельзя сказать, что есть недостаток такого рода попыток. Все они теряются во второстепенных потоках мысли и могут извлекаться из этих потоков как отдельные догадки, побочные продукты строительства мировоззренческих конструкций без фундамента. Между тем основа для разработки методологии науки и практики была рядом. Требовалось всего лишь соединить грани триады «материя–движение–сознание» в единую смысловую фигуру, обозначив присущее им общее свойство.

Одним из первых, кто сделал заметный шаг в этом направлении, был Аристотель с учением об энтелехии, явно недооценённым ни его, ни нашими современниками. Впрочем, недооценка приобретённого человечеством знания для индивида вполне естественна: отдельный человек может либо не обладать этим знанием, либо это знание не подтверждается его ограниченным опытом, а, значит, не включено в систему личного мировоззрения.

Во многом соизмеримым с Аристотелем мыслителем не столь далёкого прошлого является И. Кант, обогативший наши представления о природе, о

человеке и, что особенно важно, об их общей сущности.

Было бы несправедливым не отметить большие заслуги предшественников и преемников того и другого в деле осмысления свойств и качеств природы и человека, материи и сознания. Их догадки заложили возможности для расширения устоявшихся понятий и придания им новых смысловых значений. Вряд ли возникли у И. Канта столь глубокие представления, к примеру, об активности природы без его знакомства с идеями Г.В. Лейбница (1646–1716), К. Вольфа (1679–1754), Д. Бернулли (1700–1782), Г.Б. Бюльфингера (1693–1750).

Это их усилиями укрепились в науке такие понятия как «сущностная сила», «действующая сила», «движущая сила», «живая сила», посредством которых безуспешно детерминировалась универсальная каузальность материи, движения, сознания. Понятиям этим присущ был общий недостаток – внешняя расположенность источника силы, обманчиво подсказанная человеческими ощущениями. «Когда не видят дальше того, чему учат нас чувства, то эту силу считают чем-то таким, что всецело сообщено телу извне и чем тело ни в какой мере не обладает, когда оно находится в покое» – отмечал в своё время И. Кант [1, т.1, с. 62]. Но «...мы точно не знаем, что делает тело, когда оно действует в состоянии покоя» [1, т.1, с. 65]. Если допустить, что тело, действует каким-то образом и в состоянии покоя, то из этого пря-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

мо следует обладание им некоторой скрытой внутренней силой. Тогда «...силу тела следовало бы вообще скорее назвать *vis activa* (активная сила), чем *vis motrix* (движущая сила)» [1, т.1, с. 63]. А чтобы не запутаться в смысловых оттенках понятия силы, ещё лучше было бы использовать для обозначения свойства тела, способного привести его в самодвижение, особое название – активность. Иначе говоря, здесь и ниже под активностью будет пониматься потенциальная сила тела, определяющая его способность двигаться за счёт внутренней предрасположенности к движению, без учёта внешнего воздействия.

Такое свойство тела может быть осмыслено только в соединении эмпирического знания с логикой мышления. «...мы точно не знаем, что делает тело, когда оно действует в состоянии покоя» [1, т.1, с. 65] и кое-что узнаём, наблюдая его движение. Движение в «состоянии покоя» является в кантовской логике формой существования «чистой» силы и представляет собой суть «вещи в себе». «Тело должно заключать в себе основание для сохранения равномерного, свободного и непрерывного движения в не оказывающем ему сопротивления пространстве» [1, т.1, с. 80].

Таким образом, «чистая» сила является имманентно присутствующим любому материальному телу свойством. Однако в реальном мире нет места автономным процессам. В нём всё проникнуто взаимодействием и, кажется, нет «чистых» сил, а есть

только некоторые их результирующие.

Впрочем, И. Кант рисует несколько иную картину взаимодействия: «...тело приобретает свою силу не от внешней причины, которая привела его в движение, после внешнего побуждения эта сила возникает из природной силы самого тела» [1, т.1, с. 80]. Другими словами, тело при взаимодействии с другим телом вовсе не обменивается с ним энергиями, импульсами, другими параметрами движения, не ограничивается приобретением совместной результирующей силы, а мобилизует внутреннюю свою силу, которая реализуется во внешней среде в мере, соответствующей «побуждению» другой стороны, другого тела. В таком представлении тела по отношению друг к другу играют роль своего рода регуляторов высвобождения внутренней силы другого. Как видно, И. Кант усматривает в реакции каждого из взаимодействующих тел процесс качественный, отличающийся от механистического обмена или простой передачи параметров движения. «Естественное тело обладает способностью самостоятельно увеличивать в себе силу, возбуждённую в нём извне причиной его движения, так что в нём могут оказаться степени силы, которые не были вызваны внешней причиной движений, и при том большие, чем эта причина, не поддающиеся, стало быть, измерению той мерой, которой измеряется картезианская сила, и требующие иной оценки» [1, т.1, с. 79].

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Кантианская модель взаимодействия не отменяет привычных картезианских представлений. Она лишь оставляет за ними узкую сферу механики, предлагая конструкцию, объясняющую характер процессов, протекающих в более широком диапазоне взаимодействий. Модель силы И. Канта позволяет интерпретировать многие процессы макро- и микро-уровней, преодолевать энергетические дисбалансы взаимодействующих тел. Закон сохранения энергии в такой трансляции силы теряет прежний смысл и значение: энергия может неожиданно появляться при взаимодействии тел или также не предсказуемо исчезать.

Этот тезис еще более наглядно демонстрируется в социальных формах движения – в проявлениях сил материальной и духовной природы, а особенно – в их взаимодействии. Возникают вопросы – «...каким образом материя в состоянии порождать в душе человека представления...» [1, т.1, с. 65] и «...как это возможно, чтобы сила, вызывающая только движение, могла порождать представления и идеи? Ведь это столь различные роды вещей, что нельзя понять, каким образом один из них мог бы стать источником другого?» Не говоря уже «...о том, в состоянии ли также и душа приводить в движение материю» [1, т.1, с. 65] и «...в состоянии ли душа вызывать движение...может ли присущая ей сила быть предназначена к действию вовне, т.е. способна ли она во вне себя воздействовать

на другие существа и вызывать изменения?» [1, т.1, с. 66]. В этом случае появляется «...трудность, когда речь идёт о действии души на тело, и каким образом эта трудность может быть вообще устранена благодаря названию *vis active*» [1, т.1, с. 65]. Однако вопреки всем этим трудностям у И. Канта есть ответы на поставленные им вопросы: «...материя может вызывать в душе представления» [1, т.1, с. 67], а «...душа должна быть в состоянии действовать вовне...» [1, т.1, с. 66].

Любое свойство тела остаётся за пределами понимания пока не получит количественной интерпретации. Подобная возможность появляется, когда сущность тела обретает его конкретную форму. В этом процессе виртуальная «чистая» сила становится силой реальной, представляющей собой некоторую результирующую силу, поскольку переход от сущности к явлению означает переход от автономного бытия тела в мир взаимодействия его с другими объектами.

Такая особенность явления «чистой» силы вносит дополнительную ясность в современные концепции «мягкой», «жесткой», «умной» силы. Все они характеризуют взаимодействие объектов, все они относительны, субъективны, эмоциональны, метафоричны. «Чистая» сила не может быть ни «мягкой», ни «жесткой», ни «умной». Она есть главное свойство, определяющее сущность тела, объекта, вещи. Но и являясь миру в конкретных формах, «чистая» сила должна отображаться в строгих

научных категориях без сопровождения прилагательными, заимствованными из бытовых ассоциаций.

Для этих целей лучшим образом подходит понятие «*vis active*»), предложенное самим И. Кантом, правда, не без некоторых сомнений [1, т.1, с. 65]. К сожалению, его последователи не обратили должного внимания на отмеченное И. Кантом различие между «*vis active*» (активная сила) и «*vis motrix*» (движущая сила). По этой причине, к примеру, у Г. Когена «естественные законы объективируются в силы, а в силах объективируются предметы природы». Иначе говоря, сила в такой интерпретации становится посредником между «естественными законами» и «предметами природы». Она изначально механистична и привязана к массе тела. «Механический закон – утверждает Г. Коген, – в любом случае, можно объективировать в силе и массе» [2,]. Но как быть с другими законами – «естественными», но не «механическими»? Или они не могут реализоваться в силе?

В этих вопросах «механицист» Декарт намного диалектичнее кантианцев и близок к самому И. Канту. Для него сила – не когеновский посредник, не продукт реализации «естественного закона» или объективации сущности материального объекта, а сам закон, сама сущность в виде способности тела к самодвижению [3, с. 184]. Эта глубокая мысль, тем не менее, получила характерное в целом для Декарта механисти-

ческое развитие – «сила, или способность самодвижения, встречающаяся в теле, может перейти полностью или частично в другое тело и, таким образом, не быть уже в первом, но не может совершенно исчезнуть из мира» [3, с. 184–185]. Кажется бы, «сохранение» сил в природе не должно вызывать сомнений, но механика этого действия не выдерживает критики. Соглашаясь с таким посылом, трудно представить тело, полностью лишённое способности к самодвижению, если не вкладывать в понятие самодвижения особого смысла. Несомненно, что самодвижение – атрибут материи и неотъемлемое свойство любого материального объекта. И попытки избавить тело от самодвижения, представив его косной массой, ведут из науки прямо в религию. Такой переход не смущает Декарта, настаивающего на этой позиции. «Впрочем, – пишет он – вы можете, если захотите, представить себе, подобно большинству ученых, что существует некий перводвигатель, с неизвестной скоростью вращающийся вокруг мира и являющийся первоначалом и источником всех других встречающихся в мире движений» [3, с. 185] – как будто такое представление движения и сил существенно отличается от декартовского.

Мало отличаются от него и многие современные понятия силы. Так, П. Дэвис полагает наличие в мире «суперсилы», которая определяет движение всех материальных объектов [4, с. 159]. Эта «первосила» и обес-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

печивает движение пассивных тел. Но даже современная аргументация в пользу «суперсилы» не может скрыть очевидную механистичность её концепции.

Сила – одно из важнейших понятий наук – естественных, социальных, гуманитарных. Наряду с силой в науке и практике можно встретить с десяток подобных понятий (масса, скорость, мощность, энергия, импульс...), отражающих те или иные стороны бытия. Все они имеют точное определение в естественно-научной области знаний и неопределённое, многозначное, субъективное, мифическое в социально-гуманитарной области. В последней количественные представления о

вещественной стороне бытия абстрагируются в терминах материя, движение, активность. Между конкретным естествознанием и абстрактным мировоззрением продолжает сохраняться разрыв, тормозящий развитие фундаментальной науки и обедняющий технологический прогресс производства. И Декарт, и Кант внесли свою лепту в преодоление разрыва общего и частного, по крайней мере, в обращении к категории силы. Однако укрепление связи фундаментального и прикладного знания, абстрактного и конкретного мышления, понимания сущности и её проявлений продолжает оставаться актуальной проблемой современной науки.

Библиографический список

1. Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 1. – М.: ЧОРО, 1994. – 544 с.
2. Коген Г. Теория опыта Канта. – М.: – Изд-во: Академический проект. – 2012. – 618 с.
3. Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и франц. Т. I / Сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. – М.: Мысль, 1989. – 654 с.
4. Дэвис П. Суперсила: пер. с англ. / под ред. и с предисл. Е.М. Лейкина. – М.: Мир, 1989.
5. Хвощев В.Е. Теория активности: от истоков к началам: монография / В.Е. Хвощев – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ; Изд-во ЮВИГ, 2008. – 168 с.

References

1. Kant I. Sochinenija v 8 tt. Vol. 1, M., ChORO, 1994, 544 p.
2. Kogen G. Teorija opyta Kanta [The theory of experience of the Kant], M., Izd-vo Akademicheskij proekt, 2012, 618 p.
3. Dekart R. Sochinenija v 2 t., per. s lat. i franc. Vol. I, sost., red., vstup. st. V.V. Sokolova, M., Mysl', 1989, 654 p.
4. Djevis P. Supersila [Superforce], per. s angl., pod red. i s predisl. E.M. Lejkina, M., Mir, 1989.
5. Hvoshhev V.E. Teorija aktivnosti, ot istokov k nachalam [The theory of activity from sources to the beginnings], monografija, Cheljabinsk, Izd-vo JuUrGU, Izd-vo JuVIG, 2008, 168 p.

Три измерения гуманитарного дискурса и его аналитического прочтения: суждения фактов, аксиологические пропозиции и логические синтагмы

Макс Вебер предложил различать между суждениями фактами и оценочными суждениями при осуществлении академической работы в общественных науках. Данный текст развивает импликации, которые вытекают из предложения Вебера, применительно к аналитическому чтению и историческим упражнениям. Оценочные суждения или аксиологические пропозиции содержат: 1) не доказуемые аксиомы и 2) недоказуемые факты, то есть: 1а) эксплицируемые или неэксплицируемые ценности, определения, иерархия, принятие которых не являются ни непреложными, ни всеобщими, 2б) философские постулаты, которые подразумеваются в научном дискурсе вообще и общественно-историческом дискурсе, в частности, 2а) некоторые научные постулаты, которые лежат в основании категорий теоретического тела наук, 2а) недоказуемые, хотя и вполне вероятные факты и 2б) предвидимые, ожидаемые и обещанные факты, о которых неизвестно претворятся ли они в действительность. Постулат Вебера и различие, которое автор доклада предлагает читателю принять во внимание, поможет ему научиться аналитическому постижению смысла академического общественно-исторического дискурса. Наконец, автор предлагает распознать логические синтагмы аргументации с целью облегчить аналитическое чтение.

Ключевые слова: Макс Вебер, оценочные суждения, суждения фактов, аргументативная синтагма.

Педро Каналес Герреро, Мексика, Автономный университет штата Мехико, профессор-исследователь

При поддержке академического корпуса «Современное мышление: бытие, познание, действие» АУ штата Мехико

УДК 81.42

Хомутова Т.Н.

Анализ дискурса: интегральный подход

В докладе исследуется проблема интерпретации дискурса в различных научных парадигмах. Рассматриваются вопросы определения дискурса, его структуры и основных единиц, соотношения понятий «дискурс», «текст» и «коммуникация». Приводятся различные подходы к анализу дискурса, особое внимание уделяется интегральному подходу. Предлагается интегральная модель текста и дискурса с учетом когнитивного, социального, культурного, языкового и коммуникативного аспектов. С позиций интегрального подхода текст как продукт дискурса представляет собой интегральный рассредоточенный объект, единство четырех фрагментов: фрагмента знания, фрагмента национальной культуры, фрагмента языка и фрагмента социального пространства в их глобальном единстве и взаимообусловленности. Коммуникативная деятельность как ролевое исполнение речевой деятельности является стержнем, который объединяет указанные фрагменты в единое целое. Исходя из этого, дискурс можно интерпретировать как интегральный рассредоточенный процесс сопряжения коммуникативных деятельностей участников коммуникации, в ходе которого вербализуются фрагменты знания, национальной культуры, языка и социального пространства в их глобальном единстве и взаимообусловленности и происходит управление неречевой деятельностью коммуникантов. Намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: дискурс; текст; коммуникация; интегральный подход; интегральная модель

Хомутова Т.Н., доктор филологических наук, заведующая кафедрой ЮУрГУ. E-mail: khomutovatn@susu.ru.

УДК 821.161.1 + 81'322.4

Шереметьева С.О.

Прикладной анализ дискурса как основа повышения качества профессиональной документации

В докладе рассматривается вопрос использования прикладного анализа дискурса для повышения качества профессиональной документации. Выявляются проблемы, возникающие у людей при понимании или переводе текстов, в том числе и машинном переводе. Показывается как результаты анализа дискурса использованы при разработке инструментария, поддерживающего авторскую деятельность и обеспечивающего создание документов с высоким уровнем понимаемости и переводимости. Поддержка авторской деятельности понимается как интерактивная процедура, которая информирует автора о проблематичных фрагментах текста и контролирует лингвистические параметры создаваемого документа. Методика, описанная в статье универсальна и дает хорошие результаты. Подход иллюстрируется на примере компьютерного инструмента поддержки авторской деятельности в области машиностроения.

Ключевые слова: профессиональная документация, компьютерная поддержка авторской деятельности, удобочитаемость, переводимость

Шереметьева Светлана Олеговна,
доктор филологических наук, профессор
Южно-Уральского государственного университета, e-mail:
linklana@yahoo.com

УДК 1.14

Рубен Мендоса Вальдес

Цивилизация и конфликты в зеркале культурного разнообразия

Если говорить о социальных конфликтах, то проблема нашего времени - это результат развития экономики и технoнауки. Современная война является продуктом экономического фактора. Человеческая жизнь в наше время находится в подчинении у мировой власти. Эта тенденция к единообразию ведет к маргинализации форм жизни и мышления народов. Проблема состоит не в борьбе культур, ибо их встреча позволяет вступить в диалог мыслям, и не ведет к отказу от их самобытных форм бытия. Диалог мыслей на мировом уровне предполагает мирное сожительство народов. В этом смысле культурное разнообразие создает условия для сравнения различных возможностей мысли, не для создания иерархий, а для выявления изначального потенциала их смысла. Познание означает понимание причин отношения одного собеседника к другому. Философия диалога культур ведет к взаимодействию цивилизаций, дает каждому пространство для речения, что позволяет подготовить условия для ненасильственного решения конфликтов.

Ключевые слова: Мир, конфликт, цивилизация, культурное разнообразие

Рубен Мендоса Вальдес, Мексика, Автономный университет штата Мехико, профессор-исследователь

При поддержке академического корпуса «Современное мышление: бытие, познание, действие» АУ штата Мехико

УДК 140.201

Баркова В.В., Сидорова У.В.

Современный дискурс о некоторых аспектах осмысления социальной реальности

В докладе рассматривается социальная реальность как важнейшее условие и результат человеческой жизнедеятельности, а также обозначены возможности изучения последней посредством социально-философского дискурса. Актуальность темы статьи обусловлена, с одной стороны, принципиальными сдвигами, затрагивающими все структуры социального бытия, а также появлением новых сил и форм, конфигурирующих эти сдвиги, с другой – особенностями развития социально-философского знания на современном этапе. Нарботанные методологические и мировоззренческие когнитивные технологии уже не способны системно выразить динамику социальных изменений, о чём свидетельствует нарастающая фрагментарность суждений о социальной реальности, а также неотрелфлексированность собственно философской и социально-гуманитарной позиции, не способных в связи с этим услышать и увидеть в условиях социальной неопределённости и неустойчивости механизмы, консолидирующие социальное развитие в целостность. Отсюда цель статьи – осмысление и интерпретация реалий современного социального бытия и доминантных компонентов социальной реальности, влияющих на целостное бытие человека в мире. Ключевой аспект в позиции авторов при изучении социальной реальности можно сформулировать следующим образом: не отторгая ни традиций философского дискурса, ни новаций, рассмотреть сущность социальной реальности через призму мыследеятельного интереса к ней познающего её субъекта. Авторы приходят к выводу, что философское осмысление социального возможно преимущественно сквозь призму индивидуального, когда духовный мир личности становится своеобразным «эпицентром» философских исканий, в которых неповторимое, экзистенциональное философствование по поводу осмысления социальной реальности «поднимается» на уровень всеобщего и вневременного, обретая онтологический статус.

Ключевые слова: социально-философский дискурс, реальность, социальная реальность, философская мыследеятельность, социальные процессы, онтологические и логические связи.

Баркова Валентина Васильевна,
профессор Челябинского государственного педагогического университета, e-mail: barkovavv@cspu.ru

Сидорова Ульяна Владимировна,
старший преподаватель Южно-Уральского государственного университета, e-mail: suvlad_11@mail.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Осмысление феномена социальной реальности находится сегодня в поле напряженного метафизического интереса. Мировое сообщество, с тревогой всматриваясь в тектонические процессы, происходящие во всех сферах существования человеческого сообщества: экономику, политику, культуру, духовность, язык, жизнедеятельность народов, констатирует, что глобализационные процессы, втягивая в зону своего влияния различные сообщества, размывают и деформируют конструкты их социальной реальности, ментальные матричные скрепы самосознания целых народов, ставя под вопрос сам факт сохранения и существования человеческой бытийности. Именно поэтому, в современном социально-философском дискурсе нет более употребляемых понятий, чем понятия реальность, реальный и т.п., но нет и более трудно эксплицируемых концептов, чем вышеназванные. Дело в том, что содержание этих понятий формировалось одновременно и в формате научно-теоретической мысли, и в мире обыденного здравого смысла. Поэтому они несут на себе следы, как философской интуиции, научного анализа, так и повседневных практических коннотаций. Теоретическое и практическое, интуитивное и дискурсивное, философское и обыденное предполагают совершенно различные контексты понимания смысла для рассматриваемых понятий. Однако эти гетерогенные содержания, воз-

никающие в различных проблемных вопросах, в исследовательской практике не существуют независимо. Именно здесь они постоянно смешиваются друг с другом, подвергаются деформации и нарушают первоначальное единство смысла и замысла. Одним из возможных объяснений такой ситуации является то, что понятие реальность, по сути, есть «ничья земля». Хотя здесь встречаются друг с другом не только «чистые представители» разных наук, но и адепты религиозного миропонимания, а также те, кто обитает в пространстве научно-популярной и просветительской литературы. Тем не менее, единство смысла и замысла в исследовании, например, социальной реальности, способны обеспечить как общепhilософские принципы и методы анализа, так и методы, присущие собственно социально-научному знанию. Именно оно формирует наиболее общие представления о социальной реальности и выступает в роли общетеоретического основания изучения различных её состояний и элементов. Ракурсы социальной реальности неоднократно, с большим или меньшим успехом, становились объектом рассмотрения философской мысли XX-XXI столетия. Деятельностный аспект построения социальной реальности в современной отечественной литературе разрабатывали К.Х. Момджян, В.Е. Кемеров, проблеме соотнесенности социального бытия и социальной реальности – В.А. Горшков, В.С. Барулин,

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

В.В. Макаров, В.И. Пржиленский. В чем же сохраняется ощущение проблемы? За всеми поворотами и кризисами современной эпохи скрываются глубинные изменения знания об обществе. Это обусловлено принципиальными сдвигами во всех структурах социального бытия, а также появлением новых сил и форм, определяющих эти структуры. Нарботанные методологические и мировоззренческие когнитивные технологии уже не способны системно выразить динамику этих изменений, о чём свидетельствует нарастающая фрагментарность суждений о социальной реальности, а также неотрerefлектированность собственно философской и социально-гуманитарной позиции. Наш аспект изучения социальной реальности можно сформулировать следующим образом: не оторгая ни традиций философского дискурса, ни новаций, рассмотреть сущность последней через призму мыследеятельного интереса к ней, познающего её субъекта, который пытается уловить и понять смыслообраз социальной реальности в контексте онтологической, гносеологической и аксиологической значимости её в сохранении целостности человеческого бытия.

В общем виде социальную реальность рассматривают как целостную совокупность динамично изменяющихся социальных явлений, включенных в живую плоть социальных отношений людей. При этом не надо забывать, что социальная реаль-

ность – это во многом невидимый, мысленно вычлeняемый мир, но который реально пронизывает действительность социального бытия и межчеловеческие коммуникации. По своей сути социальная реальность – не только онтологически, но и с точки зрения гносеологических аспектов обладает собственной логикой неодолимых тенденций развития. Социальная реальность парадоксальным образом набрасывает, если так можно выразиться, «калибровочную матрицу» на социальное бытие, наделяя его символическими измерениями, социальными критериями, которые объективируются в пространстве социальной жизнедеятельности каждого человека. Логические мостики, которые она при этом «прокладывает» между элементами социального, свидетельствуют не только о наличии в ней собственных законов бытования, неодолимость, повторяемость которых объясняется особыми функциональными механизмами существования последней, но и о том, что они обусловлены самой природой социальности. В частности тем, что основной способ реализации социальности – символически-культурная коммуникация. И тогда, логикой развития социального будет логика развития кооперации, обеспечения регулярности взаимодействий, изменения социальных субъектов, а не просто индивидов как биологических существ. Бытие социальной реальности образует некую надматериальную оболочку, которая в существенной

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

степени независима от внешних условий развития общества, хотя постоянно в них погружена, «отягощена» материально. Это особая реальность, которая своей символически-духовной первоматерией, и своей логикой бытийности качественно отлична от всех других форм реальностей, и отсюда законы социальной жизни – это особые законы кооперации живых индивидов на основе символически-культурной коммуникации. Они координируют кооперацию людей, обеспечение порядка и изменение сетей социальных взаимодействий. Её внутренняя логика стремится развитие случайных контактов между людьми перевести в систематические, регулярные взаимодействия, ситуативные ориентации – в устойчивые ценностные выборы. Эти законы напрямую не выводятся из материальной составляющей социальных взаимодействий, их логика не есть продолжение логики материально-физических объектов. Это может быть и есть главное и самое сложное в понимании социальной реальности, что, в свою очередь, порождает существенную сложность и нетривиальность философского анализа, суть которого – изучение этих невидимых, развивающихся по своей особой логике, сцеплений. Ведь оперирование осуществляется не самими осязаемыми социальными фактами, а аналитически вычленяемыми связями и зависимостями, которым присуща во многом не имеющая аналогов логика бытийности. Таким образом, предме-

том анализа в социальной реальности становятся трансформации в системе социальных сцепок, социальных связей в играх и правилах, в соответствии с которыми организуются социальные взаимодействия, в нормах, принципах, которыми руководствуются люди. Конечно, социальная реальность является не просто схемой социальной интеграции, некой паутиной, сетью. Она выступает способом понимания людьми социальных фактов своей бытийности. Что позволяет им вычленять в многослойных, мозаичных структурах и конструкциях социальной реальности, собственный смысл бытия, который они воспринимают в качестве оснований к действию. Изменение социальной реальности, с этой точки зрения, влечёт за собой изменение содержания смыслообразующих понятий человеческой жизнедеятельности. Успешность процессов самоосуществления человеком самого себя в пространстве той или иной социальной реальности, зависит от того, насколько эффективно он преодолевает возникающие преграды, созданные как открытым характером бытия вообще, так и всем ходом его же собственной деятельности.

Философия, как форма общественного сознания, исторически рассматривается в качестве универсального инструмента обнаружения неких смыслов в изменчивых феноменах социальной реальности. Погружая мышление субъекта в таинства состояний социального, она «обнажает» возможно-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

сти осмысления его глубин до самого основания, фокусируя в целостность онтологические и гносеологические вопрошания, познающего социальный мир и «самого себя в нем», сознания. Стягивает ответы и их знаки в тексты духовно-интеллектуальных культур, стилей философствования, конфигурации экзистенциальных состояний бытия. Конечно, философская мыследеятельность не дает конкретных ответов на вопросы, «как надо жить», поскольку философствование по самой своей природе принципиально метафизично: «в-не-и-над-природно». Но она дает возможность каждому субъекту не просто с определенной точки зрения, позиции, смысла, войти в мир социальной реальности, но и сделать философское осмысление и понимание последней способом индивидуального выхода к свободе, самопознанию, самообъяснению и самооправданию собственных мнений, теорий, действий. Утверждением себя в качестве человека, способного максимально приблизиться к собственной завершенности через реализацию своих потенциальных возможностей в условиях конкретной социальной реальности. Платон полагал, что умение ухватить, понять нечто, «здесь и сейчас», «вписать» его в палитру своих мировоззренческих исканий, свидетельствует о том, что в человеке «просыпается» способность не только видеть типичное, но замечать и понимать в явлениях особенное и индивидуальное. Смысл по-

стижения своего местопребывания в социуме, самопознание «себя в себе самом», виделся древним не в том, чтобы сформулировать или отыскать вечные «для всех времен и народов» истины. По мысли Платона, смысл философского осмысления реальности бытия состоит в том, чтобы указать человеку путь, следуя по которому, он смог бы, «соизмеряя свой жизненный опыт с мнением и опытом других» (Сенека), «обрести себя» и найти собственные ответы на вопросы понимания конкретной социальной реальности полиса. Способность к самопознанию, с его точки зрения, присуща каждому человеку, но часто интуитивное самопознание бродит в потемках души. Человек, считал Сократ, должен научиться видеть мир внутренним зрением, побуждая тем самым самого себя к постоянному размышлению о себе и об окружающей его действительности. Он полагал, что не стоит жить, если ее не осознавать, не выясняя своего личного отношения к миру. Мастера софистического обучения – Протагор, Горгий, Эмпедокл, Гиппий, Продик в публичных лекциях выдавали образцы анализа современной им реальности, обозначали способы получения знаний о ней и осмысления их. Учили управлять философской рефлексией, тонко улавливать при этом исторические тенденции развития социума, определять стези своего возможного развития в рамках конкретной социальной реальности. При этом философский способ

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

осмысления социальной реальности делал возможной критику повседневности, как сложившегося стереотипа привычного бытия. Превращался в средство, способное указать выход за рамки принятых норм мышления и традиций. Будучи изначально дан с этим миром, человек, поначалу, не выделяет себя от условий, в которые он, по словам Ж.П. Сартра, оказался «заброшен» по воле судьбы, и взаимодействие с которыми для него неотвратимо. Однако, осваивая петлистые ландшафты социальной реальности, он вынужден включаться в процесс оценивания и ориентирования в разнообразных данностях бытия. Что вызывает у него необходимость «выворотить самого себя» из омута мучительно невнятной нерerefлексивной иллюзорной объективности. Подвести к осмысленному восприятию реальности и «возможиванию» в ней собственного бытия в бытие других. Таким образом, самоосознание человеком «самого себя» в социальной реальности является тем фундаментом, на котором индивидуум начинает осознанно воспринимать и выстраивать свои ценностно-смысловые, деятельные отношения с миром других, собственный способ жизни. При этом, «промысливая» свои шаги в развивающейся социальной реальности, он открывает в себе потребность «практики себя»: чувственной, интеллектуальной, духовной и т.д.

Осознание актуальности объективных знаний о социальной реальности, подвигают че-

ловека к осмыслению и освоению базовых конструктов этого феномена. Постигая матричные основы социального, философствующий субъект автоматически включается в темпоральные ритмы её исторических форм явления. Улавливая факт того, что социальная реальность фокусирует и «распредмечивает» в своей бытийности онтологические и гносеологические основания своей историчности. Позволяет в приоткрывающихся зазорах бытийности увидеть дистанцию между тем, что данная социальная реальность представляет собой в антропосоциокультурном измерении сейчас, и тем, чем она может стать в будущем. Таким образом «социальная реальность» открывается философствующему субъекту как обобщённое обозначение той системы объектов, с которой он взаимодействует, среда его жизнедеятельности, объективное условие его деятельности, непосредственный предмет его социального творчества. Являя себя как данность, социальная реальность предстаёт одновременно и как результат деятельности социального субъекта, посредством чего снимается размежевание объективного и субъективного, их противопоставление. Благодаря этому, возникает особое пространство деятельности социального субъекта, которое может быть описано и как присутствие при этом, и как «забота», и как «освоение» и «присвоение» социального мира.

На пути реализации человеком намерений осмыслить со-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

циальную реальность и самого себя в ней, должно стать обнаружение им в самом себе способности нечто понять, помыслить, как это делали и делают другие, научиться обосновать и аргументировать свои суждения. Осознанный выбор критико-рефлексивного пути в восприятии и осмыслении социальной реальности с целью «разыскания собственных смыслов жизни» вовсе не предполагает готовность и способность человека к осмыслению социальной реальности в форме проблемы. Для этого ему необходимо пропустить через собственное сознание исторический опыт философских размышлений о природе этого феномена с тем, чтобы он, «проецируясь» на его личный жизненный потенциал, стал для него детерминантой духовного роста и самостоятельного развития. Однако для осознания себя в качестве субъекта, имеющего внутреннюю потребность заниматься философским осмыслением социальной реальности, мало иметь даже собственный «жизненный проект социального бытия». Надо иметь определенный уровень личностного развития, который, по мысли Канта, задается приобретенным опытом разумности, и который репрезентирует себя как степень осознания меры и глубины ответственности человека за себя и других, его «не-алиби-в-бытие» – по словам М. Бахтина. Ведь можно жить ответственно и осознавать все происходящее вокруг, но бытом в малом времени, а можно – бытием – во времени – боль-

шом. Личность, избравшая философский способ осмысления социальной реальности и нашедшая «особое измерение» в опыте ее бытийствования, открыта миру, познанию, одержима жаждой знаний о том, что есть, как по ту, так и в посюстороннем мире. Личность, определяющая свое философское мышление, должна выстроить внутренне согласованную систему собственных взглядов, выражающих осознанную мотивацию её мыследеятельности и действий. Умение находить в «предметных полях» социальной реальности «не озвученные» аспекты философских вопрошаний, наличие которых только «предчувствует-ся» на «разрывах» разных областей социального, конструировать их, вскрывает фундаментальный гештальт, семантико-аксиологический стержень философской ментальности в обосновывающем себя мышлении субъекта. Философский способ осмысления социальной реальности, вместивший в себе разноликие, многовеерные представления о ней, через призму знаний, накопленных различными эпохами, переплетённого временем калейдоскопа философских идей и парадигм, различных смыслов употребления понятия «социальная реальность», даёт философствующему разуму возможность понять, что только через «парадокс общения», диалогов взаимообоснования, взаимопереходов различных логик и различных форм всеобщности, индивидуум осуществляет про-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

цесс сознательного выбора собственной тропы в мир «возделывания» философской мыследеятельности [1, 95]. В принципе, это и составляет средоточие философских размышлений, выявляет суть философствования и составляет смысл самого феномена мысли. В. Библер писал в связи с этим, что «философствование имеет смысл только в одновременности и во взаимоположении философских систем, идей, откровений» [2, 284]. Таким образом, философское постижение различных форм бесконечно-возможных состояний социальной реальности и их понимание способно сложиться в мыследеятельных структурах только посредством овладения личностью философской культурой слова и мышления. Мысль «обретает» своё онтологическое бытие только в понятии, в слове, акте «вживания» мысли в понятие. Только в этом случае становится реальным понятийное воспроизведение её вне логического ощущения «живого опыта бытия», т.е. «вписывание» «живого опыта бытия» в универсальный язык философских катахрез. Это позволяет «узнавать» опыт принципиально схожих экзистенций, осмыслять его, использовать для выстраивания онтологических и эпистемологических ликов социальной реальности. А.Я. Гуревич писал, чтобы попасть в ощущение ритма пульсирования социальной

реальности человек должен учиться мыслить, приводить свой образ действия в соответствие с тем, что обращено к нему в данный момент в своей сущности. «Пропуская» через мышление проблемные точки бытия социальной реальности, философствующий разум выводит собственное отношение к возникающим в ней процессам, прочтению уникальных узоров связей и отношений, сплетаемых людьми и обстоятельствами их бытия в пространственно-временных континуумах социумов, обеспечивая тем самым «пульсацию» общественного организма.

Исторически, став гранью жизни человека, его духовными скрижалями, философский способ осмысления социальной реальности превращается для него никем и ничем не заменимый способ анализа и развития познавательного опыта сознания. Желая быть услышанным и дополненным другими, он выводит собственную мыследеятельность за пределы субъективного самоистолкования, превращая свой духовно-интеллектуальный мир в «эпицентр» философских размышлений. Где неповторимое, экзистенциальное философствование по поводу осмысления социальной реальности, действительно обретает возможность «подняться» на уровень всеобщего и вневременного.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Библиографический список

1. Баркова, В.В., Липский, В.И., Никанорова, Т.В. Стили философского мыслетворчества и поиск субъектом своей философской стези «поверх их размежевания». / В.В. Баркова, В.И. Липский, Т.В. Никанорова // Социум и власть. – №3. – 20012. – С.94-96.
2. Библер, В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в XXI. / В.С. Библер. – М.: Политиздат, 1990.
3. Бороноев, А.О. О понятиях «общество» и «социальное». / А.О. Бороноев. // Социологические исследования. – 2008. – № 8. – С. 7.
4. Кликушина, Н.Ю. Виртуализация действительности в сознании субъекта как элемент социальной реальности: дисс. канд. филос. наук. – Омск, 2007. – 154 с.
5. Колмыкова, М.А., Бурзайкина, М.И. Общество как социальная реальность, его признаки и уровни организации. / М.А. Колмыкова, М.И. Бурзайкина. // – «Экономика и социум». – №2(7). – 2013.
6. Мусиец, П.В. Социальная реальность: основные теоретические подходы. / П.В. Мусиец. // – <http://scientific-notes.ru/pdf/022-036.pdf>.
7. Сайко, Э. В. Субъект: созидатель и носитель социального. / Э.В. Сайко. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», – 2006. – 424 с.
8. Сериков, А.Е. Социология: курс лекций. / А.Е. Сериков. – Самара: Гуманит. Академия. – 2003.– 147 с.

References

1. Barkova V.V. Stili filosofskogo mysletvorchestva i poisk sub"ektom svoej filosofskoj stezi «poverh ih razmezhevanija» [Styles philosophical mysletvorchestva and search the subject of his philosophical paths «on top of their disengagement»], Society and power, № 3, 2012, p 94–96.
2. Bibler V.S. Ot naukoucheniya k logike kul'tury. Dva filosofskih vvedeniya v XXI. [Naukoucheniya from the logic of culture. Two philosophical introduction to the XXI.], M., Politizdat, 1990.
3. Boronoev A.O. O ponjatijah «obshhestvo» i «social'noe». [The concepts of «society» and «social».], Sociological studies, 2008, № 8, p. 7.
4. Klikushina N.Ju. Virtualizacija dejstvitel'nosti v soznanii sub"ekta kak jelement social'noj real'nosti: diss. kand. filos. nauk. [Virtualization of reality in the mind of the subject as an element of social reality: diss. cand. Philosophy. Sciences.], Omsk, 2007, 154 p.
5. Kolmykova M.A. Obshhestvo kak social'naja real'nost', ego priznaki i urovni organizacii. [Society as a social reality, its symptoms and levels of the organization.], "Economy and Society», № 2 (7), 2013.
6. Musiec P.V. Social'naja real'nost', osnovnye teoreticheskie podhody. [Social reality: the main theoretical approaches], URL <http://scientific-notes.ru/pdf/022-036.pdf> (accessed 15.10.2015).
7. Sajko Je.V. Sub"ekt, sozidatel' i nositel' social'nogo. [Subject, creator and social media], M., Publishing House of Moscow psycho-social institution, Voronezh: Publishing House of the NGO "MODEK", 2006, 424 p.
8. Serikov A.E. Sociologija: kurs lekcij [Sociology: a course of lectures], Samara, Humanity Academy, 2003, 147 p.

УДК 130.2 + 72

Решикова С.П.

Образ и место архитектуры в немецкой классической и постклассической философии

Целью доклада является исследование эволюции взглядов выдающихся немецких философов на архитектуру как вид искусства. В классической философии архитектура часто стояла на самой низкой ступени среди других видов искусства. Эта традиция идет ещё от Платона, который согласно античной традиции понятием «искусство», объединял многие виды деятельности и ремесел. Архитектура была для Платона строительным искусством, в котором нужно большее всего ценить точность расчетов. Автор статьи ставит своей задачей показать, как идеи утилитарного предназначения архитектуры продолжают существовать не только в немецкой классической, но и в иррациональной философии. В немецкой классической философии они получили яркое выражение в работах Иммануила Канта, Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Эту же традицию продолжает один из самых ярких представителей иррационализма Артур Шопенгауэр. Таким образом, в понимании архитектуры как вида искусства иррационалистическая философия оказывается под влиянием идей немецкой классической философии. И те, и другие философы объясняли свое видение архитектуры тем, что строительство зданий имеет практическое предназначение, поэтому архитектура не всегда соответствует идеям чистого искусства. Во второй части статьи автор обращает внимание на то, что в XX столетии возникает новая эстетическая концепция. Формирование новых архитектурных стилей, вызванных появлением такого явления, как авангард, приводит к тому, что инженерные конструкции воспринимаются как художественные образы. Архитектура становится выражением времени, его культуры и ценностей, она становится значимой для понимания человека. Через архитектуру, которая является образом времени, происходит восприятие человеком прошлого и настоящего, восприятие самого себя. Таким образом, философская мысль эволюционирует от понимания архитектуры как эстетической ценности до её понимания как самостоятельного языка эпохи.

Ключевые слова: архитектура, философия искусства, эстетическое, практическое, классическая философия, постмодернизм.

Решикова Светлана Петровна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Южно-Уральского государственного университета. E-mail: pos0909@rambler.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Архитектура как вид искусства всегда привлекала внимание философов различных эпох. Но в классической философии по своей значимости она занимала более низкое место по сравнению с другими видами искусства: живописью, скульптурой и особенно музыкой. Это связано, прежде всего, с её практическим предназначением в жизни людей, поскольку любое здание должно было соответствовать предназначаемой функции. Поэтому со времен Платона в философской традиции преобладала мысль о том, что архитектура занимает некое посредническое место между художественной и практической, ремесленной деятельностью людей и поэтому не может соответствовать идеалам чистого искусства. Традиция подобного понимания архитектуры в философии искусства существовала в течение многих столетий, и только XX век изменил философский взгляд на понимание её места в искусстве.

Традиционное восприятие архитектуры наблюдается в рассуждениях родоначальника немецкой классической философии Иммануила Канта. В работе «Критика способности суждения» в качестве важнейшего условия красоты он выделяет «целесообразность без понятия»: «Каждый согласится, что суждение о красоте, к которому примешивается малейший интерес, пристрастно и не есть чистое суждение вкуса. Для того чтобы выступать судьей в вопросах вкуса, надо быть совершенно незаинтересованным в существовании вещи, о которой идет речь, и

испытывать к этому полное безразличие» [1, с.24].

В связи с этим Кант разделяет понятие красоты на два вида: «свободная красота и лишь сопутствующая». Свободная красота – это красота сама по себе, она не связана ни с какой целью. Он приводит пример цветов как свободной красоты природы, потому что в понимании этой красоты отсутствует принцип целесообразности. Суждение о свободной красоте, по Канту, это чистое суждение вкуса, которое не предполагает какой-либо цели. Что касается видов искусства, то здесь философ следует сложившейся традиции классической философии и в качестве примера свободной красоты приводит музыку, точнее, музыкальную импровизацию, которая не следует заданным ранее правилам. Архитектура же в идею свободной красоты у Канта не вписывается. Красота (здания (церкви, дворца, арсенала или беседки) предполагает понятие цели, определяющей, какой должна быть вещь, т.е. предполагает понятие её совершенства и, следовательно, есть сопутствующая красота» [1, с.43]. Таким образом, архитектура – это всего лишь сопутствующая красота, а такая красота наносит ущерб чистоте суждения вкуса, поскольку в ней доминирует, прежде всего цель. «Многое из того, что непосредственно нравится в созерцании, можно было бы добавить к зданию, если бы только ему не надлежало быть церковью; образ можно было бы украсить разного рода завитушками и легкими, правильными штрихами, подобными татуировке жите-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

лей Новой Зеландии, если бы только это не был человек; а человек мог бы иметь значительно более тонкие черты и более приятный, мягкий овал лица, если бы он не должен был представлять мужчину, и к тому же воинственного» [1, с. 43]. Цель, которая задает определенные рамки пониманию красоты, не способствует, говоря словами Канта, благорасположению к красоте в виде свободного и чистого суждения вкуса. В данном случае эстетическое соединяется с интеллектуальным, а из этого следует, что прекрасное существует уже не само по себе, а используется в качестве орудия для достижения другой цели – цели доброго. В данном случае, по Канту, «доброе – то, что ценят, одобряют, то есть то, в чем видят объективную ценность» [1, с. 28]. «Комната, стены которой образуют косые углы, сад такого же типа, вообще всякое нарушение симметрии, будь то в животных (если они, например, одноглазы), в зданиях или клумбах, нам не нравится потому, что это нецелесообразно, не только практически для определенного использования этих вещей, но и для суждений о них, исходя из самых различных намерений; подобное не происходит в суждении вкуса, которое, если оно чисто, непосредственно связывает предмет благорасположения или его отсутствия с созерцанием предмета, не руководствуясь возможностью использовать его или какой-либо целью» [1, с.51]. Таким образом, следуя логике Канта, архитектура могла бы быть свободной красотой в том случае,

если бы тот, кто высказывает суждение вкуса о ней, не знал бы цели предназначения зданий. Кант отводит архитектуре большей частью утилитарное предназначение: «Если кто-нибудь спросит меня, нахожу ли я дворец, который находится передо мной, прекрасным, то я могу, конечно, сказать, что не люблю вещи, созданные только для того, чтобы на них глазели; могу ответить, как ирокезский сахем, которому в Париже больше всего понравились харчевни; могу сверх того высказать вполне в духе Руссо свое порицание тщеславию аристократов, не жалеющих пота народа для создания вещей, без которых легко можно обойтись; могу, наконец, с легкостью убедить себя в том, что, находясь на необитаемом острове без всякой надежды вернуться когда-либо к людям и обладая способностью только силою желания, как бы волшебством, воздвигнуть такое великолепное здание, я не приложил бы для этого даже такого усилия, будь у меня достаточно удобная хижина» [1, с. 24].

Не более высокое место как вид искусства архитектура занимает и в философии Гегеля. Несмотря на то, в лекциях об эстетике Гегель уделяет значительное внимание архитектуре как виду искусства, но она предстает у него в качестве наиболее «неразвитого» вида искусства. По Гегелю, искусство – это победа духа над материей. Но архитектура – это материальное, это только начальная ступень искусства. Но не уделяя в данной работе внимания взглядам Гегеля на архитектуру, кото-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

рые достаточно широко освещены в научной литературе, хотелось бы обратиться к пониманию места и образа архитектуры в творчестве другого немецкого философа – Артура Шопенгауэра.

В философии А. Шопенгауэра искусство несравненно выше науки, поскольку оно – высшая ступень познания идеи. Наука, изучающая внешний мир, его связи и взаимоотношения, подчинена Воле. Искусство возникает, благодаря гению, только оно может подняться над властью Воли и познать идею. Поэтому, считает Шопенгауэр, искусство освобождает душу человека от вызываемых Волей страданий. Выше искусства может быть только моральное самосовершенствование. Именно благодаря искусству человек вырывается из-под власти Воли и может познать идею. Эстетическое наслаждение, по Шопенгауэру, возникает тогда, когда происходит «освобождение познания от служения воле, забвение самого себя, как индивидуума, и возвышение сознания до чистого, безвольного, безвременного, от всяческих отношений независимого субъекта познания» [2, с. 429].

Как и его предшественники (от Платона до Канта), Шопенгауэр по-разному оценивает место и роль всех видов искусства в этом процессе. Высшее место отводится драме, которая приводит к познанию наиболее значительных идей. Затем следуют скульптура и живопись, которые тоже играют большую роль в познании идеи. А вот архитектура, на его взгляд, является

нижайшей ступенью объективации воли, отсюда «объективная значительность того, что зодчество нам открывает, сравнительно не велика» [2, с. 447]

У философа к архитектуре двойственное отношение: с одной стороны, это изящное искусство, а с другой – она предназначена для утилитарных целей и поэтому «служит воле, а не чистому познанию и, следовательно, уже не есть искусство» [2, с. 444]. Шопенгауэр считает, что цель архитектора при создании своих произведений заключается в максимальном достижении эстетических целей, при том, что они подчинены чуждым, полезным целям. Но проблема заключается в том, что возможность прекрасного в этом виде искусства находится в обратной зависимости от его полезности. Чем больше требований необходимости: климат, предназначение здания и т.д., тем меньше возможностей для прекрасного. «Борьба между тяжестью и косностью составляет единственное эстетическое содержание изящной архитектуры: разнообразными способами заставить её совершенно ясно высказаться – её задача» [2 с. 445]. Если бы строение было предназначено только полезным целям, его масса была бы просто грудой камня, как можно крепче соединенной с земным шаром. Именно в этой тяжести проявляется Воля, но этому противится косность, т.е. объективация Воли: «Балка может давить на землю только посредством колонны, свод должен поддерживать сам себя и может удовлетворять

своему стремлению к массе земли только через посредство стен и т.д. Но именно на этих вынужденных окольных путях, именно посредством таких задержек раскрываются наиболее явно и многообразно те грубой каменной массе присущие силы: и далее чисто эстетическая цель зодчества идти не может» [2 с. 445]. Так же, как и Кант, Шопенгауэр красоту архитектуры видит, прежде всего, в целесообразности, отсюда он приходит к выводу, что «для понимания архитектурного произведения и эстетического им наслаждения неизбежно необходимо иметь непосредственное созерцательное познание его материи, относительно её веса, её косности и сцепления...» [2 с. 445]. Но особое значение в восприятии архитектуры Шопенгауэр придает свету. Это «самый крупный алмаз в короне красоты и оказывает на познание всякого прекрасного предмета решительное влияние: вообще присутствие его – необходимое условие; благоприятное его положение возвышает красоту даже наиболее прекрасного» [2 с. 433]. Когда зритель воспринимает архитектурное произведение, он должен обязательно принимать во внимание воздействие света, потому что при солнечном свете впечатление может быть одним, а при лунном – совершенно другим. И все-таки, хотя Шопенгауэр и отмечает архитектуру как нижайшую ступень активации воли, она остается для него прежде всего видом искусства, т.к. «эстетическое наслаждение при виде пре-

красного и благоприятно освещенного здания будет заключаться не столько в восприятии идеи, сколько в присущем такому восприятию субъективном его корреляте, следовательно, преимущественно состоять в том, что при этом виде зритель отрывается от индивидуального образа познания и подымается к роли чистого, безвольного субъекта познания, следовательно, в самом чистом, от всех страданий хотения и индивидуальности освобожденном, созерцании» [2 с. 447].

Позиция архитектуры как вида искусства меняется в концепциях философов второй половины 19 - начала 20 века. Это изменение связано с появлением авангарда, который значительно изменил всю эстетическую парадигму. Так, например, И.Н. Духан, раскрывая этот процесс в статье «Философия классического в искусстве и проектной культуре модернизма», приводит мысль о том, что в начале XX века «интеллектуализация авангарда в 1920-х сопровождалась более глубоким его соотношением как с классическим опытом, так и с идеями математики и естественных наук [Lissitzky 1925, 101-113]» [4, с. 57].

В начале XX века формируются новые архитектурные стили, как, например, конструктивизм, которые инженерные сооружения возводят в ранг эстетики.

Связь архитектуры с практической необходимостью людей, которая мешала её восприятию как вида искусства, становится главной. Именно такие направления искусства XX столетия, как кубизм, футуризм и подобные

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

им, сформировали ту эстетическую установку, которая крайне близка инженерному идеалу. Все это создало более чем благоприятную конъюнктуру для изменения позиции архитектуры в нашем представлении об искусстве. Особенно ярко это проявилось во второй половине XX века, когда начали развиваться идеи постмодернизма.

И.Н. Духан в своей статье «Философия классического в искусстве и проектной культуре модерна» замечает: «Мир вероятностей всегда богаче возможностями и сложнее, чем мир детерминистский. Архитектура и художественная композиция «собирается» из многообразных исторических прообразов, соответствующих идее и теме» [4, с. 58].

В XX веке философов занимают проблемы смысла и способов его включения в архитектуру. Важный момент в осмыслении характера новой архитектуры отмечает уже упоминавшийся ранее И.Н. Духан: «Сам характер новой движущейся реальности XX в. стимулировал видение архитектурных норм в развертывании и становлении, и ключевой категорией архитектурной перцепции и, соответственно, формообразования здесь становится скорость», и далее, «скоростное восприятие «ломает» оси фронтального неспешного созерцания, превращая архитектурное пространство в сгусток – калейдоскоп сменяющихся образов» [5, с. 65]

Такая позиция в отношении архитектуры весьма характерна для Г. Гадамера, одного из крупнейших разработчиков герменевтического метода в современ-

ной философии и эстетике.

Гадамер видит задачу герменевтики не столько в искусстве истолкования текста, сколько в исследовании условий возможности его понимания. Философ убежден, что смысл целого текста можно понять через понимание его отдельных частей. Но для понимания смысла отдельной части требуется понимать целое, т.е. должно быть определенное «предпонимание». Таким образом, весь процесс понимания – это диалог: чтобы понять текст, нужно, прежде всего, понять вопрос, который этот текст ставит. Для того, чтобы понять вопрос, мы должны уметь задаться им сами, отнести этот вопрос к себе, что ведет к критической проверке нашего «предпонимания». В этом случае понимание рассматривается как процесс «слияния горизонтов» интерпретатора и текста, причем смысловой горизонт интерпретатора тоже изменяется. «То, что было застывшим языком литературного произведения, – пишет Гадамер, – необходимо превратить в свой собственный язык. Только тогда литературный текст становится произведением искусства. То же касается изобразительного искусства, архитектуры» [3, с. 318]. Только в этом случае решится проблема соединения памятников архитектуры прошлого с настоящей жизнью, в которой формы общения, установки зрительного восприятия, особенности освещения в значительной степени отличаются от тех, которые были во времена создания этих архитектурных сооружений. Только тогда про-

изоидет объединение прошлого и настоящего: «Это не охрана памятников в смысле их консервации, а постоянное взаимодействие современности и ее целей с минувшими временами, которым мы также принадлежим». [3, с. 319]. Гадамер считает, что у каждого произведения искусства есть свое собственное время, которое выражается в его восприятии. Зритель для того, чтобы воспринять изобразительное искусство, «странствует» по картинам и архитектурным памятникам, по одним медленнее, по другим быстрее. «Одна из величайших фальсификаций, порожденных репродукциями, приводит к тому, что, увидев, наконец, в оригинале выдающееся произведение мировой архитектуры, мы нередко испытываем разочарование. Оно оказывается не столь живописным, как на фотографиях. Это разочарование свидетельствует о том, что в действительности мы не постигли это строение как архитектурную структуру, как искусство, застряв на внешней привлекательности. Для этого необходимо приблизиться к нему и войти внутрь, выйти из него, обойти снаружи и внутри, чтобы постепенно прочувствовать, что же может дать это здание для ощущения жизни, для развития этого ощущения» [3, с. 314].

Пытаясь понять эстетический смысл изобразительного искусства: живопись, пластика, архитектура, - он обращается к трем главным принципам классического понимания искусства: подражанию, выражению и обозначению в самых широ-

ких смыслах этих понятий. В этом случае развиваются идеи античных философов, в частности, идея мимезиса Аристотеля. Но, если Аристотель утверждал, что подражание – это узнавание вещи, когда открывается её сущностное и отпадает случайное, то Гадамер считает, что подражание – это ещё и узнавание реципиентом самого себя. Произведение искусства воспринимается им как своеобразная «игровая площадка», на которой «узнавание и понимание» совпадают. «Притязания современного художника обусловлены новой социальной ситуацией. Это своего рода оппозиция бюргерскому канону восприятия и религии культуры, побуждающая художника использовать нашу активность в своих собственных интересах. Так случается всякий раз, когда при построении кубистической или абстрактной картины шаг за шагом синтезируются отдельные грани образа, возникающие у зрителя при многократной смене точек зрения. Художник стремится выразить в произведении то новое художественное настроение, в соответствии с которым он творит и которое представляется ему новой формой всеобщего взаимопонимания, солидарности» [3, с. 274].

Гадамер выделяет в качестве общего принципа искусства наличие в произведении такой духовной энергии, которая может создать целостный художественный микрокосм. Отсюда возникает единство художественного произведения и окружающей среды.

«Вместе с тем я утверждаю, - пишет Гадамер, - что великие

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

художественные достижения самыми разными путями нисходят в потребительский мир и участвуют в эстетизации среды. И не только нисходят, но и распространяются, расхвываются, обеспечивая таким образом известное стилевое единство преобразуемого человеком мира. Так было всегда, и несомненно, что конструктивный подход, обнаруживаемый нами сегодня в живописи и архитектуре, глубоко проник и во все те технические приспособления, с которыми мы ежедневно имеем дело на кухне, дома, в общественном транспорте и общественной жизни. И далеко не

случайно, что в процессе создания произведения художник преодолевает напряжение, возникающее между ожиданиями, идущими от традиции, и новыми привычками, вводимыми им самим» [3, с. 274].

Исходя из вышеизложенных взглядов, мы видим, что образ и место архитектуры в немецкой философской мысли эволюционируют от понимания её как эстетической ценности до её понимания как самостоятельного языка со своей системой знаков, при помощи которых передается мысль.

Библиографический список

1. Кант И. Аналитика прекрасного// И. Кант Критика способности суждения [Электронный ресурс] – URL: <http://iakovlev.org/zip/kant3.pdf> (дата обращения 24.09.2015).
2. Шопенгауэр А. Основные идеи эстетики [Текст]// А. Шопенгауэр Избранные произведения. М.: Просвещение, 1992. 479 с.
3. Гадамер Г. Актуальность прекрасного [Текст]./ Г. Гадамер. Пер. с немецкого - М.: Искусство 1991г., 367 с.
4. Духан И.Н. Философия классического в искусстве и проектной культуре модерна// Вопросы философии – 2009. - № 6 – С.47 – 59.
5. Духан И.Н. «Держаться вплотную к видимому»: философия и искусство времени// Вопросы философии – 2012. - №7 – С. 64-74.

References

1. Kant I. Analitika prekrasnogo [Analytics beautiful], I. Kant. Kritika sposobnosti suzhdeniya [Critique of Judgment], URL <http://iakovlev.org/zip/kant3.pdf> (accessed 15.10.2015).
2. A. Shopengaujer. Osnovnye idei jestetiki [The basic ideas of aesthetics], A. Shopengaujer Izbrannye proizvedenija, M., Education, 1992, 479 p.
3. G. Gadamer Aktual'nost' prekrasnogo [Urgency wonderful], German-M., Arts, 1991, 367 p.
4. Duhan I.N. Filosofiya klassicheskogo v iskusstve i proektnoj kul'ture moderna [The philosophy of classical art and design culture of modernity], Voprosy filosofii, 2009, № 6, p. 47–59.
5. Duhan I.N. «Derzhat'sya vplotnuyu k vidimomu»: filosofiya i iskusstvo vremeni ["Stay close to the apparently"], philosophy and art of time], Voprosy filosofii, 2012, № 7, p. 64–74.

УДК 130.2 : 794 + 159.955

Гутенев М. Ю.

Творческий потенциал игры

Рассматриваются вопросы, связанные с творческими компонентами мышления личности во время игры в шахматы. Автор изучает влияние шахматной игры на развитие логического и творческого мышления. В шахматной игре присутствуют компоненты творческой деятельности, в которых индивид может проявлять и реализовывать свою потребность в творчестве. К таким компонентам относятся: логика, точный расчет вариантов, техника и знание шахматной игры, интуиция, фантазия. В шахматах творческая деятельность представлена целым спектром разнообразных идей, тактических и стратегических замыслов, кульминацией которых могут являться как простые и точные ходы, ведущие к успеху, так красивые и зрелищные комбинации. По сравнению с другими видами творческой деятельности человека в шахматной игре имеется более высокая насыщенность ситуаций такого характера, в которых игроку практически каждый ход приходится решать творческие задачи. В докладе делается вывод, что шахматная игра является творческой игрой, которая вносит весомый вклад в развитие творческого потенциала личности и общества.

Ключевые слова: мышление, творчество, шахматы, интуиция

Гутенев Максим Юрьевич
доцент кафедры политологии,
Южно-Уральский государственный университет, кандидат философских наук. E-mail: m.gutenev@mail.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Шахматная игра на сегодняшний день является объектом самого пристального внимания исследователей из различных областей знаний. «Они рассматривают шахматы как удобную модель изучения творческого мышления человека. В познании тайны шахмат они видят путь к постижению загадок творческой деятельности человека» [1]. В данной статье мы будем понимать под творческим мышлением «...способность самоорганизующейся системы решать такие задачи, результаты и способы решения которых не имелись в ее прошлом опыте, а выработаны путем новых, ранее не совершаемых взаимодействий с объектами внешнего мира или прошлого опыта» [2].

Творческая деятельность индивида в игре в шахматы представлена огромным количеством разнообразных идей, тактических и стратегических замыслов, венцом которых могут стать как грамотные позиционные ходы, ведущие к успеху, так и красивые и эффективные комбинационные удары. В отличие от других видов интеллектуального творчества человека в шахматной игре имеется более высокая концентрация ситуаций такого вида, в которых шахматисту практически каждый ход приходится проявлять свою креативность и решать творческие задачи. Интересно, что классификации задач на творческие и нетворческие (репродуктивные) довольно относительно, так как любая реальная задача всегда содержит творческие составляющие (при их решении всегда

существует нехватка информации).

Огромное количество исследований не раз подтверждали, что шахматы, помимо положительного влияния на интеллектуальные способности индивида, также способствуют развитию творческих умений и навыков человека: «Исследования психологов и педагогов показали, что основными элементами, характеризующими творческую деятельность человека, являются: способность самостоятельного переноса знаний и умений в новую ситуацию; определение новых проблем в знакомых стандартных условиях; видение новых функций знакомого объекта, его структуры; умение находить оригинальный способ решения при известных способах игры и т. д. Все эти качества формируются в процессе шахматного творчества и, как показывают исследования, весьма четко выражены у шахматистов высокой квалификации». Попробуем разобраться, что же лежит в основе шахматного творчества.

Известный советский гроссмейстер Д. И. Бронштейн, комментируя свою шахматную партию, выделил четыре составляющие творческого мышления шахматиста: «Предпосылками шахматного творчества обычно считают логику, точный расчет вариантов и технику, включая в последнее понятие и знание теории. Однако есть и четвертая составляющая, быть может наиболее привлекательная, хотя о ней часто забывают. Я имею в виду интуицию, или, если хотите,

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

шахматную фантазию» [3]. Однако мы полагаем, что шахматная фантазия и шахматная интуиция это не одно и то же. Фантазия (воображение) это пятая составная часть шахматного творчества. Считаем нужным более подробно рассмотреть состав творческих компонентов мышления в этой древней игре.

Логика. Довольно распространенным является мнение о том, что шахматы как игра имеют логическую природу и подчиняются логическим закономерностям, а итоги шахматной партии во многом зависят от творческих и логических задумок игроков. Следует также упомянуть, что известный ученый и чемпион мира по шахматам М. Эйве даже выпустил шахматный учебник под названием «Логический подход к шахматной игре» [4].

Сущностью шахмат как спортивной игры является активная интеллектуальная деятельность, которая включает такие когнитивные функции как способность конструировать мысленные образы и проектировать схемы дальнейшего течения вариантов. Абстрактно-логическое мышление, наблюдающееся в шахматах, предусматривает использование определенных свойств объекта и выделение последующих вариантов развития игры на основании причинно-следственных связей. Шахматная игра невозможна без использования логических понятий, умозаключений, анализа, синтеза, суждений и т.д. Руководствуясь логикой, шахматист подбирает для себя новый, наиболее математически верный способ

для достижения своих шахматных задач, тем самым осуществляя творческий поиск новых игровых возможностей.

Являясь логической игрой, шахматная игра, по мнению ряда ученых и специалистов, оказывает положительное влияние на развитие логического мышления. Так И.А. Сабельников полагает, что игра в шахматы является очень хорошим инструментом для развития у обучающихся логического мышления и памяти [5]. В работе Н.В. Крогиуса «Психология шахматного творчества» исследователь, рассказывая о полезном влиянии шахматной игры на развитие навыков аналитической деятельности индивида, приводит в пример высказывание академика Г. Клауса: «... точное логическое мышление легче тренировать посредством шахматной игры (я имею в виду серьезные партии), нежели использовать для этой цели учебник логики. Известно, что человек гораздо охотнее и продуктивнее обучается в процессе игры, чем при ином способе обучения» [6]. Безусловно, Г. Клаус немного завышает роль шахматной игры, но его идея о влиянии шахмат на развитие логического мышления вызывает согласие. Применяемые в шахматах методы логического анализа игроки часто используют и в других областях повседневной жизни. Сопутствующий интерес и эмоциональная подоплека в шахматной игре способствуют более быстрому и интересному процессу освоения принципов и правил логического мышления.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Точный расчет вариантов. В процессе шахматной игры перед соперниками постоянно встают задачи по точному расчету ходов и последствий этих ходов. Интеллектуальные цели, появляющиеся на игровом шахматном поле, заставляют принимать самостоятельные творческие интеллектуальные решения. Верность просчитанных вариантов становится ясной уже через нескольких ходов. Это доказывает, что в шахматах нет смысла делать бездумные и шаблонные ходы, которые очень скоро приведут партию к проигрышу. Шахматная игра приучает к самостоятельности мышления, точному просчету вариантов и правильному решению логических задач. Именно тот, кто правильнее оценивает позицию, точнее и правильней рассчитывает варианты и побеждает в шахматной игре.

В связи с тем, что в шахматной игре, в конце концов, побеждает верный расчет вариантов и правильно подобранная стратегия тактической борьбы, можно предположить, что благодаря шахматам также актуализируется философская составляющая проблемы истины. В шахматной партии таким критерием может являться как победа над противником, так и эстетическое («последкусие»).

Техника и знание шахматной теории. Творческий процесс всегда основывается уже на каком-то заданном теоретическом базисе, а не осуществляется из пустоты. Слабое знание основных принципов дебюта, миттельшпиля и эндшпиля, а

также базовых игровых схем приводит к скорому позиционному удушению, что приводит к вполне закономерному поражению в партии. Всесторонний анализ теоретических принципов делает возможным шахматистам определять типичные позиции в игре: теоретические позиции в дебюте, середине игры и ее окончании. Игрок, разбираясь в таких позициях и обладая определенной техникой шахматной игры, способен определять самые существенные черты и особенности конкретной шахматной позиции и реализовывать за доской те идеи, которые пришли к нему на ум на основе имеющихся у него базовых знаний шахматной теории.

Теоретическая информация, а также игровая техника квалифицированного шахматиста позволяют игроку легко разобраться во многих позициях, возникающих во время интеллектуальных сражений. На базе этих теоретических знаний шахматист выбирает четкий план реализации своих задумок, и как следствие реализует свои интеллектуальный потенциал во время шахматной партии, показывая хорошие результаты за доской.

Интуиция. Несмотря на то, что шахматы являются логической игрой, в которой все детерминировано и сведено к точным математическим алгоритмам, многие варианты, возникающие на шахматной доске, трудно, а зачастую и просто нельзя проанализировать. Все еще нет ответа на вечный вопрос: побеждают ли белые в

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

изначальной позиции при правильной игре или партия должна закончиться вничью?

Бывает, что в сложных позициях с большим количеством фигур появляется переизбыток информации, переработать который и придумать уникальный правильный ход в условиях ограниченного времени даже игрок высокого уровня не способен. Высококвалифицированный шахматист не рассматривает все возможные варианты, а ограничивает выбор ходов-кандидатов лишь небольшим количеством. В шахматной партии часто случается, что приняв решение, шахматист не может логически обосновать, что именно этот ход был единственно верным. Это свидетельствует о том, что игрок во время шахматной партии помимо логики опирается еще и на какие-то альтернативные механизмы принятия решений – приемы эвристики.

Интуиция является одним из таких эвристических приемов принятия решения. В самом широком смысле в философии под интуицией понимается «способность прямого, ничем не опосредованного постижения истины» [7]. Традиционно принято выделять два главных типа интуиции: чувственная и интеллектуальная. Под чувственной интуицией подразумевается постижение истины только с прямого внешнего чувства, например, зрения или слуха. Интеллектуальная интуиция понимается как постижение интеллектом некой истины, которая не исходит из других истин посредством доказательств и

не производна от прямых внешних чувств. Более того, в философии существует большое количество разнообразных трактовок интуиции, различающихся содержательным и смысловым многообразием.

Об интуиции как составном элементе шахматного творчества, написано немало количество работ и статей. Особенно теоретических работ о шахматной интуиции является то, что они написаны шахматистами и философскими или научными их назвать представляется невозможным. Однако многие шахматные мастера отмечают важное практическое значение интуиции в шахматной игре. Так, уже упоминавшийся нами известный шахматист и психолог Н. В. Крогиус считал, что интуиция и интуитивная ориентировка имеют важное практическое значение в шахматной игре: «Она как бы сигнализирует шахматисту о тех главных особенностях ситуации, тех непосредственных угрозах, без учета которых нельзя приниматься за более углубленный анализ позиции» [8].

Гроссмейстер Г. К. Каспаров посвятил интуиции целую главу в своей работе «Шахматы как модель жизни». В этой главе чемпион мира отмечает особое значение интуиции шахматиста: «Интуиция подсказывает нам не только что и как, но еще и когда. По мере своего развития она становится инструментом для экономии сил и времени, сокращая срок оценки и перехода к действиям. Мы можем вечно собирать и анализировать информацию, но так и

не принять ни одного решения. Что-то должно подсказать нам, что момент для решающих действий наступил. Если я могу размышлять над ходом десять секунд, десять минут, что я выберу? Хорошо развитая интуиция помогает нам сохранить прагматический курс и дает знать, когда наступает важный момент, требующий больше времени и внимания» [9].

Значительно подробнее об интуиции в сфере шахматной культуры пишет Е. А. Николаев. Он один из первых среди исследователей шахматной интуиции провел философский анализ этого явления. Он обобщил опыт предшествовавших шахматистов и исследователей интуиции в шахматном творчестве. Используя в качестве основной теории положения об интуиции Дж. Локка, Е. А. Николаев сделал следующий вывод: «... в основе интуиции лежит наш неосознанный опыт, переработанное на подсознательном уровне знание. Говоря другими словами, интуиция есть неосознанное знание, которое у великих шахматистов перерабатывается сознанием намного быстрее, чем у шахматистов среднего класса. Именно это неосознанное знание и лежит в основе самого первого толчка интуитивного познания в шахматном творчестве» [10].

Исследуя труды философов и шахматных игроков, посвященных интуиции, Е.А. Николаев предполагает, что интуиция в шахматном творчестве является результатом предшествующего длительного опосредствования. Все знания, которыми мы обла-

даем в настоящий момент, есть результат большого количества опосредствований. Под опосредствованием Е. А. Николаев подразумевает «не только обусловленность мысли мыслью, но также ряд практических действий, событий, изобретений и т. д., необходимых для того, чтобы известное восприятие или постижение представлялось сознанию как непосредственное» [11].

Из данного суждения Е. А. Николаев делает закономерный вывод, что для понимания непосредственного как такового, необходимо развитие и воспитание интеллекта: «Именно этот факт и наблюдается в шахматном творчестве, процесс познания в рамках которого начинается с чувственного созерцания. Затем одновременно включается чувственная и интеллектуальная интуиции, основанные на опосредствованном знании, полученном в результате предшествующего воспитания и развития интеллекта. И только в последнюю очередь начинает функционировать рациональное познание, основанное на неклассическом типе рациональности. Таковы характеристики интуитивного познания в шахматном творчестве» [12].

Будучи неким творческим озарением, интуиция позволяет шахматисту, сознательно не используя никакие логические операции и не рассчитывая сложные комбинации, реализовать свой творческий потенциал в реальности. Такая возможность реализовать свои интуитивные идеи на доске привлекает многих игроков в шахматы.

Особо интересна интуитивная составляющая в шахматах для людей из сферы творчества и искусства.

Фантазия. Если об интуиции как одной из главных составляющих шахматного творчества было напечатано достаточно оригинальных статей и исследований, то о шахматной фантазии почти ничего не сказано. Кроме того, следует заострить внимание на факте, что и в истории философии понятие «фантазия» используется нечасто, а во многих современных философских энциклопедиях и словарях о фантазии вообще даже нет упоминаний. Зачастую это понятие заменяется категориями «представление», «воображение».

Фантазия в шахматной игре углубляет представление игрока о своих возможностях во время игровой деятельности и становится необходимым элементом этой игры. Шахматная фантазия может помочь отыскать «истину», «освещая» всю доску, что позволяет сделать верный выбор и найти единственный точный ход в позиции. Представляя шахматные схемы и образы, фантазия позволяет игроку увидеть что-то интересное в позиции, что-то новое, что было до этого скрытым для него.

На ранних стадиях своего развития человеческое общество благодаря творческому исследованию окружающего мира и применению фантазии, позволило сделать разные предположения, которые в будущем часто сбывались. Также как когда-то фантазия позволила Левкиппу и Демокриту создать тео-

рию атомов, фантазия в шахматной игре наталкивает игрока на оригинальные и творческие решения, даже в самых простых позициях. Именно благодаря фантазии шахматист способен придумать интересные стратегические задумки, или тактическую идею. Фантазия позволяет не заниматься расчетом или оценкой какой-либо эффективной комбинации, а определить конкретный план дальнейшей игры и общие представления идеальной позиции.

В работе «Прекрасный и яростный мир» гроссмейстер Д. И. Бронштейн и философ Г. Л. Смолян полагают, что «высококультурное и творческое значение (шахмат – прим. М. Г.) как «возвышенной деятельности» должно получить отражение в социологических исследованиях» [13]. Проводя сравнение шахмат с музыкой, исследователи полагают, что определить компоненты шахматного творчества проблематично: «Шахматы – в высшей степени индивидуальная область творчества. Поэтому рассказать о его сущности, составляющих его компонентах, гармонии или технике так же трудно, как композитору о своей работе» [14]. Тем не менее, исследователи все же выразили свою точку зрения на шахматное творчество: «В шахматах замечательным образом объединены все три компонента, присущие любой творческой деятельности: идея, реализация и взаимодействие. Идея, как продукт деятельности интеллекта, реализуется, воплощается в конкретной осязаемой форме движе-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ния фигур, фиксируется в тексте партии, на демонстрационной доске и находит своего адресата, публику, зрителей и читателей, любителей шахмат во всем мире, общающихся, взаимодействующих с творцом идеи» [15].

В работе этих авторов также выделено четыре фактора, которые обуславливают творческий характер шахматной игры и наслаждение от них. Первый из них – шахматист сам творит художественные ценности; второй – процесс творчества совершается на глазах других, которым он также приносит радость и наслаждение; третий – внутреннее очарование шахмат, обладающих собственными, подчас трудно объяснимыми критериями красоты; четвертый – испытываемое удоволь-

ствие работать в своеобразной «фантастической сфере» мысли и воображения в ее тесном переплетении с реалиями жизни и деятельности шахматиста [16].

Проведенный анализ творческих составляющих мышления человека во время шахматной игры позволил определить, что в шахматной игре коренится огромный творческий потенциал. В этой древней игре присутствуют такие составляющие творческой деятельности, в которых человек способен реализовывать и проявлять свои творческие интенции. Все это свидетельствует о том, что шахматы являются творческой игрой, которая вносит существенный вклад в развитие творческого и интеллектуально потенциала личности и общества.

Библиографический список

1. Крогиус Н.В. О психологии шахматного творчества [Текст] / Н.В. Крогиус. – М.: Физкультура и спорт, 1969.
2. Орфеев Ю.В. Мышление человека и «искусственный интеллект» [Текст] / Ю.В. Орфеев, В.С. Тюхтин. – М.: Мысль, 1978.
3. Тарасова О.В. Педагогические условия формирования логической культуры младших школьников средствами шахматной деятельности [Текст]: дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / О.В. Тарасова ; Казанский гос. пед. университет. – Казань, 2005.
4. Бронштейн Д.И. Международный турнир гроссмейстеров: Нейгаузен – Цюрих, 29 августа – 24 октября 1953 г. [Текст] / Д.И. Бронштейн. – 3-е изд., доп. – М.: Физкультура и спорт, 1983.
5. Euve M. The Logical Approach to Chess [Текст] / M. Euve, M. Blaine, J. F. S. Rumble. – London : Pitman, 1958.
6. Сабельников И.А. Уроки шахмат [Текст] / И.А. Сабельников // Шахматы в СССР. – 1973. – №2.
7. Крогиус, Н.В. Психологии шахматного творчества [Текст] / Н.В. Крогиус. – М.: Физкультура и спорт, 1981.
8. Новиков, А.А. Интуиция [Текст] / А.А. Новиков // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2 / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд ; научно-ред. совет : предс. В.С. Степин, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2010.
9. Крогиус, Н.В. Психологии шахматного творчества [Текст] / Н.В. Крогиус. – М.: Физкультура и спорт. – 1981.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

10. Каспаров, Г.К. Шахматы как модель жизни [Текст] / Г.К. Каспаров. – М.: Эксмо, 2007.

11. Николаев, Е.А. Шахматная игра: философско-культурологическое исследование [Текст]: монография / Е.А. Николаев. – Челябинск, 2009.

12. Асмус, В.Ф. Проблема интуиции в философии и математике [Текст]: очерк истории XVII–начала XX в. / В.Ф. Асмус ; вступ. ст. В.В. Соколова. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

13. Бронштейн, Д.И. Прекрасный и яростный мир (Субъективные заметки о современных шахматах) [Текст] / Д.И. Бронштейн, Г.Л. Смолян. – М.: Знание, 1978.

References

1. Krogius N.V. O psihologii shahmatnogo tvorchestva [About psychology of chess creativity], M., Fizkul'tura i sport, 1969.

2. Orfeev Y.V. Myshlenie cheloveka i «iskusstvennyj intellekt» [Thinking of the person and "artificial intellect"], Tyuhtin, M., Mysl', 1978.

3. Tarasova O.V. Pedagogicheskie usloviya formirovaniya logicheskoy kultury mladshih shkol'nikov sredstvami shahmatnoj deyatel'nosti [Pedagogical conditions of logic culture of younger schoolboys means of chess activity], dis. ... kand. ped. Nauk, 13.00.01, O.V. Tarasova, Kazanskij gos. ped. Universitet, Kazan', 2005.

4. Bronshtejn D.I. Mezhdunarodnyj turnir grossmejstеров [The international tournament of grand masters], Neigauzen, Cyurih, 29 avgusta–24 oktyabrya 1953 g., D.I. Bronshtejn, 3-e izd., dop., M., Fizkul'tura i sport, 1983.

5. Euve M. The Logical Approach to Chess, M. Euve, M. Blaine, J. F.S. Rumble, London, Pitman, 1958.

6. Sabel'nikov I.A. Uroki shahmat [Lessons of a chess], I.A. Sabel'nikov. SHahmaty v SSSR, 1973, № 2.

7. Krogius N.V. Psihologii shahmatnogo tvorchestva [Psychologies of chess creativity], N.V. Krogius, M., Fizkul'tura i sport, 1981.

8. Novikov A.A. Intuiciya [Intuition], A.A. Novikov. Novaya filosofskaya ehnciklopediya v 4 t. Vol. 2, In-t filosofii RAN, Nac. obshch.-nauchn. fond ; nauchno-red. Sovet, preds. V.S. Stepin, zamestiteli preds. A.A. Gusejnov, G.YU. Semigin, uch. sekr. A.P. Ogurcov, M., Mysl', 2010.

9. Krogius N.V. Psihologii shahmatnogo tvorchestva [Psychologies of chess creativity], M., Fizkul'tura i sport, 1981.

10. Kasparov G.K. SHahmaty kak model' zhizni [Chess as model of life], M., EHksmo, 2007.

11. Nikolaev E.A. SHahmatnaya igra, filosofsko-kul'turologicheskoe issledovanie [Chess game, research of philosophy and cultural science], monografiya, CHelyabinsk, 2009.

12. Asmus V.F. Problema intuicii v filosofii i matematike [Problem of intuition in philosophy and mathematics], ocherk istorii XVII–nachala XX v. M., Editorial URSS, 2004, 320 p.

13. Bronshtejn D.I. Prekrasnyj i yarostnyj mir (Sub"ektivnye zametki o sovremennyh shahmatah) [The fine and furious world (subjective notes about a modern chess)], D.I. Bronshtejn, G.L. Smolyan, M., Znanie, 1978.

УДК 783(470.5)+94(470.5)

Парфентьев Н.П.

Текстологический структурно-формульный метод и его применение при исследовании авторских произведений древнерусской монодии

Автор раскрывает суть предлагаемого метода исследования произведений древнерусского церковно-певческого искусства, разработанного в процессе их непосредственного изучения. Этот метод предполагает: выявление формульной структуры распевов; реконструкцию недостающих начертаний или разводов формул по письменным источникам; синхронное поформульное сопоставление распевов разных списков; расшифровку и анализ формульно-интонационного содержания песнопения, выявление на этой основе образно-смысловых связей гимнографического текста и распева. Благодаря использованию структурно-формульного метода могут быть: выявлены творческие принципы древнерусских распевщиков, воплотившиеся в их произведениях; расшифрованы и проанализированы многочисленные песнопения, включая масштабные циклы, являющиеся вершиной творчества наиболее видных мастеров; разработаны приемы выявления сложных знамен и невмоформул в древних музыкальных произведениях, определения региональных и авторских особенностей их разводов и составления сводных информационных таблиц. Это дает возможность исследования произведений, созданных выдающимися мастерами, с точки зрения их информативности в области теории древнерусского музыкально-письменного искусства. В итоге метод позволяет получить наиболее точные результаты исследования этих произведений, поскольку в различных творческих школах обширной территории Руси сложилось разное интонационно-музыкальное содержание сложных знаков нотации и формул. Метод позволяет также решать и многих более частных проблемы.

Ключевые слова: произведения древнерусской музыки, авторское творчество, текстологический структурно-формульный метод анализа и расшифровки песнопений.

Парфентьев Николай Павлович,
заведующий кафедрой Южно-Уральского государственного университета, e-mail: parfentev np@susu.ac.ru

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

and drawing up of summary information tables are developed. It has enabled to research the chants, created by outstanding masters (Feodor Krestjanin, Varlaam Rogov, Ivan Lukoshkov, Login Shishelov, etc.), from the point of view of their information in the field of the ancient-Russian musi-

cal-written art theory. The method has allowed decision of the many more private problems also. Offered approaches in the field of comparative researches of diverse creative processes in art promote deeper understanding of the given processes and correspond to the modern level devel-

Библиографический список

1. Федор Крестьянин. Стихиры / Публ. и исслед. М.В. Бражникова // Памятники русского музыкального искусства. – М., 1974. – Вып.3.
2. Parfentjev N.P. Author's «Alphabets» in Systems of Record of Ancient-Russian Musical-Written Art Products // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2009. – V.2 (2). – P.163–168.
3. Parfentjev N.P. Reflection of the main directions didaskal Feodor Krest'ianin's creative activity in monuments of writing XVI–XVII centuries // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2013. – V.10. – P. 1423–1432.
4. Парфентьев, Н.П. Усольская школа в древнерусском певческом искусстве XVI–XVII вв. и произведения ее мастеров в памятниках письменности / Н.П. Парфентьев // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма: Сб. науч. ст. – Новосибирск: Наука, 1985. – С.52–69.
5. Парфентьева, Н.В. Методологические подходы в изучении теоретических основ творчества выдающегося московского распевщика Федора Крестьянина (ум.ок.1607 г.) / Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки, 2012. – Вып.18. – С.111–120.
6. Парфентьева, Н.В. Методы анализа структурного и образно-смыслового содержания произведений русских распевщиков XVI–XVII вв. / Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки, 2010. – Вып.14. – С.47–54.
7. Парфентьева, Н.В. Образно-смысловое содержание цикла «Тропари иорданские» мастера Федора Крестьянина (XVII в.) / Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. № 6 (106). Сер.: Социально-гуманитарные науки, 2008. – Вып.11. – С. 54–71.
8. Parfentjeva, N.V. Principles of Author's Art Creativity in Ancient-Russian Church Musical-Written Chanting of the XVI–XVII Centuries / N.V. Parfentjeva // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2009. – V.2 (2). – P. 184–199.

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

9. Парфентьева, Н.В. Принципы авторского художественного творчества мастеров древнерусского музыкально-письменного искусства XVI–XVII вв. / Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. № 6 (106). Сер.: Социально-гуманитарные науки, 2008. – Вып.10. – С. 63–73.

10. Parfentjeva, N.V. About Feodor Krestjanin's creative activity in the 1598–1607 years / N.V. Parfentjeva, N.P. Parfentjev // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2015. – Т.15. – №2. – С.60–70.

11. Парфентьева, Н.В. Авторство в произведениях распевщика Строгановской школы Ивана (Исайи) Лукошкова (ум. ок. 1621 г.) / Н.В. Парфентьева, Н.П. Парфентьев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки, 2008. – Вып.11. – С.43–53.

12. Parfentjeva, N.V. Basic principles of author's creativity in the works Feodor Krestjanin (d. ok. 1607) / N.V. Parfentjeva, N.P. Parfentjev // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2015. – Т.15. – №1.

13. Парфентьева, Н.В. Из истории авторского творчества в Троицкой обители преподобного Сергия Радонежского. Диакон Иона Зуй (XVI в.) / Н.В. Парфентьева, Н.П. Парфентьев // Наука ЮУрГУ [Электронный ресурс]: материалы 66-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук. – Электрон. текст (51,7 Мб). – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2014. – С. 1029– 1038.

14. Парфентьева, Н.В. «Ирмосы прибыльные» знаменитого московского распевщика Федора Крестьянина (1606 г.) / Н.В. Парфентьева, Н.П. Парфентьев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки, 2011. – Вып.17. – С. 78–84.

15. Парфентьева, Н.В. О деятельности мастеров Троице-Сергиевского монастыря в области древнерусского музыкального искусства (на примере творчества Логина Шишелова) / Н.В. Парфентьева, Н.П. Парфентьев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2013. – Вып.20. – С.92–103.

16. Parfentjeva, N.V. On the Structural-Formula Method of Researching Ancient Russian Chants as Musical-Written Art / N.V. Parfentjeva, N.P. Parfentjev // Journal of Siberian Federal University. Humanities & social sciences, 2008. – V.1 (3). – P. 384–389.

17. Парфентьева, Н.В. Освоение репертуара мастерами певческой школы Федора Крестьянина на рубеже XVI–XVII вв. / Н.В. Парфентьева, Н.П. Парфентьев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2012. – Вып.19. – С. 83–90.

18. Парфентьева, Н.В. Стихиры «на подобен» царя Ивана Грозного в честь святителя Петра, митрополита всея Руси / Н.В. Парфентьева, Н.П. Парфентьев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2014. – Т. 14. – № 1. – С. 60–73.

УДК 783(470.5)+94(470.5)

Парфентьева Н.В.

Расшифровка авторских распевов древнерусских мастеров на основе текстологического структурно- формульного метода (на примере песнопения «Да молчит всяка плоть»)

Изучение творческих процессов в развитии древнерусской музыки закономерно привело исследователей к выполнению расшифровки и анализа песнопений. Однако чаще всего такая работа проводилась без учета принадлежности произведений к той или иной региональной школе. Это не могло дать точных результатов исследования, поскольку в различных творческих школах обширной территории Руси сложилось разное интонационно-музыкальное содержание сложных знаков нотации и формул. Поэтому потребовалось дополнение общетекстологического метода приемами структурно-формульного анализа памятников древнерусской музыки, выработанными непосредственно при их изучении. Автор показывает последовательность применения данного усовершенствованного метода на примере одного произведения, выбор которого не был случайным. К песнопению «Да молчит» обращались мастера разных школ, поэтому оно имеет целый ряд авторских распевов. Благодаря самостоятельному обнаружению в рукописях этих распевов исследователь получила возможность ярко продемонстрировать успешное применение структурно-формульного метода анализа песнопений, показать значение метода для осмысленной и наиболее точной реконструкции музыкального содержания авторских произведений. Автор пришла к выводу, что опираясь на метод, можно получить наиболее точные результаты исследования.

Ключевые слова: произведения древнерусской музыки, авторское творчество, структурно-формульный метод анализа и расшифровки песнопений.

Парфентьева Наталья Владимировна, декан факультета Южно-Уральского государственного университета, e-mail: gum@susu.ac.ru

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

Obviously that on the basis of one chant it is difficult to show all possibilities of the structural formula-method for reconstruction five-lines notation. But it was clearly demonstrated that only a deep analysis of the formula structure

and identifying genetic links of archetype, prototype and authors' singsongs provide an opportunity for comprehended and more accurate reconstruction musical content chants of authorship.

Библиографический список

1. ГИМ. Единозв. № 37 (1584).
2. ГИМ. Синод. № 819.
3. Parfentjev N.P. Author's «Alphabets» in Systems of Record of Ancient-Russian Musical-Written Art Products // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2009. – V.2 (2). – P.163–168.
4. Parfentjev N.P. Reflection of the main directions didaskal Feodor Krest'ianin's creative activity in monuments of writing XVI–XVII centuries // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2013. – V.10. – P. 1423–1432.
5. Parfentjev N.P. About Feodor Krestjanin's creative activity in the 1598–1607 years / N.P. Parfentjev, N.V. Parfentjeva // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2015. – Т.15. – №2. – С. 60–70.
6. Парфентьев Н.П. Авторство в произведениях распевщика Строгановской школы Ивана (Исайи) Лукошкова (ум. ок. 1621 г.) / Н.П. Парфентьев, Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки, 2008. – Вып.11. – С. 43–53.
7. Parfentjev N.P. Basic principles of author's creativity in the works Feodor Krestjanin (d. ok. 1607) / N.P. Parfentjev, N.V. Parfentjeva // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2015. – Т.15 – №1. – С. 78–91.
8. Парфентьев Н.П. Из истории авторского творчества в Троицкой обители преподобного Сергия Радонежского. Диакон Иона Зуй (XVI в.) / Н.П. Парфентьев, Н.В. Парфентьева // Наука ЮУрГУ [Электронный ресурс]: материалы 66-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2014. – С. 1029–1038.
9. Парфентьев Н.П. «Ирмосы прибыльные» знаменитого московского распевщика Федора Крестьянина (1606 г.) / Н.П. Парфентьев, Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки, 2011. – Вып.17. – С.78–84.
10. Парфентьев Н.П. О деятельности мастеров Троице-Сергиевского монастыря в области древнерусского музыкального искусства (на примере творчества Логина Шишелова) / Н.П. Пар-

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

фентьев, Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2013. – Вып.20. – С.92–103.

11. Parfentjev N.P. On the Structural-Formula Method of Researching Ancient Russian Chants as Musical-Written Art / N.P. Parfentjev, N.V. Parfentjeva // Journal of Siberian Federal University. Humanities & social sciences, 2008. – V.1 (3). – P. 384–389.

12. Парфентьев Н.П. Освоение репертуара мастерами певческой школы Федора Крестьянина на рубеже XVI–XVII вв. / Н.П. Парфентьев, Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2012. – Вып.19. – С. 83–90.

13. Парфентьев Н.П. Стихиры «на подобен» царя Ивана Грозного в честь святителя Петра, митрополита всея Руси / Н.П. Парфентьев, Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2014. – Т.14. – №1. – С.60–73.

14. Парфентьева Н.В. Методологические подходы в изучении теоретических основ творчества выдающегося московского распевщика Федора Крестьянина (ум.ок.1607 г.) / Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки, 2012. – Вып.18. – С. 111–120.

15. Парфентьева Н.В. Методы анализа структурного и образно-смыслового содержания произведений русских распевщиков XVI–XVII вв. / Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки, 2010. – Вып.14. – С.47–54.

16. Парфентьева Н.В. Образно-смысловое содержание цикла «Тропари иорданские» мастера Федора Крестьянина (XVII в.) / Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. № 6 (106). Сер. : Социально-гуманитарные науки, 2008. – Вып.11. – С. 54–71.

17. Parfentjeva N.V. Principles of Author's Art Creativity in Ancient-Russian Church Musical-Written Chanting of the XVI–XVII Centuries / N.V. Parfentjeva // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2009. – V.2 (2). – P.184–199.

18. Парфентьева Н.В. Принципы авторского художественного творчества мастеров древнерусского музыкально-письменного искусства XVI–XVII вв. / Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки, 2008. – Вып.10. – С. 63–73.

19. РГАДА. Ф. 181. № 792.

20. РГАДА. Ф.188. № 937.

21. РГБ. Ф. 37. № 93.

22. РГБ. Ф. 113. № 245 (нач. XVI в.).

23. РГБ. Ф. 178. № 766.

24. РГБ. Ф. 292. № 45.

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

25. РГБ. Ф. 304. № 145.
26. РГБ. Ф. 304. № 146.
27. РГБ. Ф. 304. № 414 (1555 г.).
28. РГБ. Ф. 304. № 418.
29. РНБ. Кир.-Бел. № 569/826 (1570 г.).
30. РНБ. Кир.-Бел. № 581/838.
31. РНБ. Кир.-Бел. № 586/843.
32. РНБ. Кир.-Бел. № 606/863 (до 1547 г.).
33. РНБ. Кир.-Бел. № 652/909 (1558 г.).
34. РНБ. Соф. № 492.
35. РНБ. Сол. № 277/283 (перв. пол. XVI в.).
36. РНБ. Q.1. № 94.

References

1. GIM [State Historical Museum, Moscow], Edinov. № 37 (1584).
2. GIM, Sinod. № 819.
3. Parfentjev N.P. Author's «Alphabets» in Systems of Record of Ancient-Russian Musical-Written Art Products. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2009, vol.2 (2), p. 163–168.
4. Parfentjev N.P. Reflection of the main directions didaskal Feodor Krest'ianin's creative activity in monuments of writing XVI–XVII centuries. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2013, vol. 10, p. 1423–1432.
5. Parfentjev N.P., Parfentjeva N.V. About Feodor Krestjanin's creative activity in the 1598–1607 years. *Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities]*, 2015, vol. 15. № 2, p. 60–70.
6. Parfentjev N.P., Parfentjeva N.V. Avtorstvo v proizvedeniyakh raspevschika Stroganovskoy shkoly Ivana (Isayi) Lukoshkova (um. ok. 1621) [The authorship of the works of Stroganov School raspevschik Ivan (Isaya) Lukoshkov (d. c. 1621)]. *Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities]*, 2008, issue 11, p. 43–53.
7. Parfentjev N.P., Parfentjeva N.V. Basic principles of author's Creativity in the works Feodor Krestjanin (d. ok. 1607), *Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Sotsial'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series Social Sciences and the Humanities]*, 2015, vol. 15, №1, p. 78–91.
8. Parfentjev N.P., Parfentjeva N.V. Iz istorii avtorskogo tvorchestva v Troitskoy obiteli prepodobnogo Sergiya Radonezhskogo. Diakon Iona Zuy (XVI v.) [From the history of the creativity of authorship in the Trinity Monastery of St. Sergius of Radonezh. Deacon Iona Zuy (XVI century)]. *Nauka YuUrGU [Elektronnyi resurs]: materialy 66-y nauchnoy konferentsii. Sektsii sotsial'no-gumanitarnykh nauk [Science SUSU [electronic resource]: Proceedings of the 66th Scientific Conference. Sections of social sciences and humanities]*, Chelyabinsk, 2014, p. 1029–1038.

Российский вуз на распутье: между обществом дисциплины и обществом контроля

Объектом доклада являются высшие учебные заведения России, предметом – стратегия развития отечественных вузов. Утверждается, что с современной российской системой образования в последние два десятилетия произошли метаморфозы. С крушением Советского Союза принципиально изменилась политика российских вузов. Во-первых, многие крупные высшие учебные заведения борются за первенство, высокие рейтинги, популярность. Во-вторых, положение российского вуза прямо зависит от финансовой политики государства и частного сектора. В-третьих, образование стало долгосрочной коммерческой услугой. Цель данной статьи – философское осмысление положения российских высших учебных заведений в условиях современности вузов. Задачи статьи заключаются в обозначении пертурбаций в системе высшего образования (в терминах постструктурализма), в поиске основ политики вузов и путей выхода из кризиса. Утверждается, что российский вуз имеет черты, характерные для любой ячейки дисциплинарного общества (М. Фуко), например, семьи или тюрьмы, и черты, присущие корпорации – хозяйствующему субъекту общества контроля (Ж. Делез). Перемены, происходящие в современном вузе, влияют на отношения между участниками образовательного процесса. Преподаватель оказывает услугу, превратившись в менеджера низшего звена. Студент платит за долгосрочную услугу с негласным правом обязательного получения оценки и документа об окончании учебного заведения. Все обозначенное выше можно было бы маркировать как симуляцию, круговорот «пустых» знаков (симулякров). Автор доклада, осознавая пагубность пертурбаций, происходящих в российском образовании, все же не вполне согласен с такой маркировкой, делая итоговый вывод о том, что в образовании остается место подлинному. Три канала коммуникации, несмотря на сильные помехи, все же остаются эффективными: каналы «преподаватель – преподаватель», «преподаватель – студент» и «студент – студент». Эти каналы и организуют пространство, свободное от тотальности симуляции.

Ключевые слова: вуз, дисциплинарное общество, Интернет, капитализм, коммуникация, образование, общество контроля.

Дыдров Артур Александрович,
доцент Южно-Уральского государственного университета, e-mail: dydrovaa@susu.ac.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

В недавнем прошлом пользователи Интернета могли посмеяться над глупостью американских обывателей, не знающих ответов на простые вопросы (о числе сторон треугольника и т. п.). Чуть позднее многие россияне посмотрели видеорепортаж о «тупых русских», в котором высмеивался низкий уровень эрудированности сограждан. Более того, в Сеть проникли видеоролики, посвященные безграмотности студентов и выпускников российских вузов. Многие из этих видеоматериалов создавались под эгидой крупных телеканалов.

В частности, скандальную известность приобрел репортаж о Российском государственном торговко-экономическом университете, возглавляемом тогда доктором юридических наук, заслуженным деятелем науки Российской Федерации С.Н. Бабуриным. Выпускники торгово-экономического вуза не могли извлечь квадратный корень из ста, но зато мечтали о высоких заработных платах и престижных должностях. Выпускников и студентов ставили в тупик элементарными вопросами. Кадры с опозоренными учащимися перемежались с фрагментами выступлений С.Н. Бабурина, рассуждавшего о перспективности высшего образования, политике вуза, заботе о студентах и т. д. Репортер иронично назвал студентов «дарованиями», подчеркнул, что низкое качество образования является «серьезной социальной проблемой», что вузу необходи-

ма ревизия и переаттестация. В завершение репортажа было сказано, что вуз «вливается в состав госуниверситета» (в чем тогда, спрашивается, смысл «переаттестации»?), студентов переводят на «щадящий режим», а «господин Бабурин идет на все четыре стороны».

Эта видеозапись, вне сомнения, является прекрасным объектом для семиотического анализа, в результате которого текст был бы разобран на «детали» и обнажилась бы вторичная семиотическая система, скрадывающая буквальный смысл. Свою лепту могли бы внести социологи и политологи, размышляющие о пертурбациях в современном обществе и ищущие пути выхода из кризисных ситуаций. Философия тоже не должна пренебрегать такой «благодатной нивой», должна откликнуться на социальные процессы, участниками которых являются государственные структуры, корпорации и индивиды.

Некомпетентность студентов была прочно связана с некомпетентностью руководства вуза, безграмотностью преподавателей, плохой образовательной политикой частных учебных заведений. Это весомый повод для признания вуза неэффективным. Участниками разразившегося конфликта являются государство, ректор частного вуза, частное учебное заведение, студенты и преподаватели. Итогом возникшего конфликта дефакто являлось свертывание отношений государственной структуры с элементом частного сектора. Свертывание отно-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

шений «государственный – частный», выраженное поглощением коммерческого вуза, обнажило механизм государственной машины, стремящейся к унификации и упрощению связей между различными элементами. Унификация механизма государственной машины непосредственно связана с метаморфозами языка. В недавнем прошлом, как известно, возникло понятие эффективного вуза. Был составлен проскрипционный список учебных заведений, не отвечающих аморфным критериям эффективности. Уменьшение числа вузов и, следовательно, общей численности студентов вполне соотнобразуется с давней мечтой интеллектуалов ограничить доступ к высшему образованию, к кладезю культуры.

Еще в начале XX в. В.В. Розанов утверждал, что книга должна стоить дорого, ибо она не «дешевка» [5, с. 240]. Много позже челябинский философ, специалист по онтологии и теории познания В.А. Рыбин небезосновательно утверждал, что «массовизация» высшего образования существенно снижает его уровень. Высшее образование не может быть массовым [6, с. 42]. Некий Тимур Тимофеев написал в «Общественной электронной газете»: «Высшее образование, мне кажется, должно быть эксклюзивным, оно не должно быть нормой для всех». И далее: «... у нас будет меньше "случайных" людей в той или иной профессии» [8]. Напротив, В. Ковалевский и В. Кирко не столь оптимистичны в оценке высшего образования.

Они констатировали, что сырьевая экономика не нуждается в большом числе образованных людей. Следует признать, что кризисное состояние постсоветских университетов является неопределенно долгосрочным [14, с. 24]. Так или иначе, платное высшее образование действительно доступно не всем. По выражению Н. Мушкетовой и ее соавторов, руководители российских университетов должны разрабатывать маркетинговые стратегии, осваиваясь на рынке образовательных услуг [13, с. 395].

Что же произойдет, если эти мечты сбудутся? Борьба за высшее образование? Гонка за дипломом? Разделение общества на касты образованных (элиты) и необразованных (новых неприкасаемых)? Все эти вопросы возникают на фоне унификации разросшейся государственной машины. Мы все не склонны драматизировать, и принимаем обозначенные позиции. В действительности, причиной для беспокойства должна быть не «массовизация» высшего образования, а остановка образовательной машины на перепутье.

Очевидно, российское образование переживает перемены. Все отчетливее слышны отголоски пертурбаций, происходящих в образовательной системе. Эти пертурбации связаны и со снижением качества образования, и со снижением уровня жизни преподавателей, и с сокращением преподавательских ставок. Крепнет убеждение, что современное российское общество становится обществом

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

«жесткой дисциплины»). По выражению М. Фуко, у власти есть своя «техника», связанная с поиском («новых средств и возможностей») [10]. В деле удержания власти всегда требовалась дисциплина. По оценке М. Фуко, дисциплина «фабрикует» личность и является специфической техникой власти. Индивиды в этой связи являются и объектами власти, и орудиями ее отправления [11].

Опираясь на идеи М. Фуко, Д.В. Томбу писала, что в традиционных обществах дисциплинарные практики осуществлялись в виде изъятия произведенного продукта, захвата людей, вещей, земель. Особое значение имели телесные наказания и смертная казнь. Публичность данных процедур имела «профилактический» характер [9, с. 52]. Очевидно, с провозглашением равноправия властные структуры кардинально изменили свою политику. Однако нельзя забывать о том, что власть (и здесь мы еще опираемся на концепцию М. Фуко) – это не привилегия, не дар, а техника и технология, стратегия и тактика, манипуляция и стратагема. Вполне понятно, что «смягчение» режима прочно связано с изменением форм насилия, а вовсе не с исчезновением такового. Власть, какой бы она ни была, руководствуется принципом «надзирать и наказывать».

Кажется, то, что происходит в российском образовании, можно обозначить этой тривиальной формулой – формулой дисциплинарного общества. Государство, составившее про-

скрипционные списки, играет роль Отца, требующего повиновения от своих детей. Современный вуз, на первый взгляд, можно назвать «пространством заключения». Жизнь преподавателей и студентов четко регламентирована. Деятельность педагога, прежде всего, связана с четко определенными обязанностями.

На этом можно было бы завершить рассуждения, если бы не одно «но». Определение современного высшего учебного заведения как института дисциплинарного общества не представляется верным. Свою лепту в определение существа дела может внести постструктуралистский дискурс Ж. Делеза. В статье «Общество контроля» французский мыслитель назвал пространство заключения сосуществованием «отдельных матриц». Противовесом «матричному» обществу заключения с присущими ему четкими водоразделами между институтами, социальными статусами, социальными группами, правами и обязанностями людей становится общество контроля. Последнее уже не представляет собой сегментированное тело, а является суммой «модулирующей единой субстанции» [2].

Символом эпохи и результатом эманации «единой субстанции» стала корпорация. В пределах корпорации индивиды противостоят друг другу. Чтобы хоть как-то минимизировать возможные последствия такого противостояния, требуются методы кнута и пряника – премии и увольнения, проценты и корпо-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ративная этика.

Меняется и облик капитализма. Капиталист, по мнению Ж. Делеза, больше не покупает сырье и не продает произведенные продукты [2]. Современный бизнесмен покупает готовые товары, пользуясь услугами дешевой рабочей силы. Персонажем современного капитализма является маркетолог, озабоченный реализацией кем-то произведенного продукта. А.А. Ивин в книге «Философия истории» писал о «главной ошибке» К. Маркса. Период нестабильности в развитии капитализма и связанную с ней жестокость в эксплуатации человека человеком К. Маркс расценил как эпоху заката этой общественно-экономической формации и зарю пролетарской революции. Но капитализм, получивший смертельный диагноз, продемонстрировал свои «глубинные потенции», расцвел с новой силой [3, с. 145].

В конечном счете, мы полагаем, что в чистом виде ни та, ни другая несущие конструкции – фукианское «дисциплинарное общество» и делезовское «общество контроля» – не могут выдержать груза российской действительности. На деле оказывается, что система российского образования стоит на перепутье. Для современного отечественного университета характерно причудливое единство заводских и корпоративных порядков. Преподаватели помещены в зону заключения. Их жизнь строго регламентирована. Любой юрист-консульт со знанием дела скажет, что педагоги,

например, обязаны находиться на рабочем месте даже в отсутствие занятий. Преподаватель, написавший статью, должен заполнить договор о передаче исключительных прав на свое произведение. Опоздание на занятие может обернуться жалобой студентов и докладной запиской из деканата.

Высшее руководство вуза живет отнюдь не в «пространстве заключения». Политика глав российских вузов вполне соответствует духу западных корпораций. Управление высшим учебным заведением сегодня стало бизнесом, а вуз – стартовой площадкой для реализации личных проектов. Ничто не мешает сегодняшнему проректору владеть ресторанами, а ректору баллотироваться в депутаты, никто не препятствует регулярному повышению цен за обучение. Нет ничего удивительного в том, что в борьбе общества контроля с дисциплинарным обществом первое берет верх. Но победа одного строя над другим не сопровождается полной аннигиляцией существующих устоев. Например, проверки посещаемости учащихся, конечно, являются пережитком дисциплинарного общества. Однако де-факто эти проверки оборачиваются контролем деятельности преподавателя.

Коммерциализация образования – явление не новое. Она органично связана с современным капитализмом. Коммерциализация образовательных отношений, как известно, сопряжена с дифференциацией внутри образовательных структур. Речь, однако, идет вовсе не о студен-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

тах-бюджетниках и студентах-контрактниках, а о студентах и преподавателях, преподавателях и администрации. Дистанция между преподавателем и студентом уже не фундируется субординацией – пережитком дисциплинарных обществ. Преподаватель, прежде всего, является поставщиком образовательных услуг, а студенты – клиентами образовательного учреждения. Здесь можно провести параллель с тем, что писали Е.В. Гредновская и Р.В. Пеннер о человеке эпохи виртуальной реальности: «... пространственно-временная организованность человеческого бытия сегодня часто подменяется упрощенной топологией «посещения», «пользования» [1, с. 58]. Так и процесс воспитания всесторонне развитой личности, о котором в недавнем прошлом писал, в числе прочих, И.Л. Куличков [4], может стать мифом. На смену качественному советскому образованию приходят «образовательные услуги», купля-продажа оценок.

Клиент руководствуется тривиальным принципом «услуга за деньги». Отрицательная оценка, поставленная преподавателем, может спровоцировать возражение студента: «У меня же оплачено!». Преподаватель-ретроград, мечтающий о реставрации нравов дисциплинарного общества, относится к студенту как к «бракованному материалу», забывая о том, что «субординация» – понятие, которым отныне обозначаются отношения руководства и педагога. Коммерчески ориентированная

администрация вуза, в свою очередь, нуждается в деньгах студентов. Это непосредственным образом влияет на отношение руководства к преподавателю. Администрация может применять традиционные меры, обнажающие ржавеющий, но все еще функционирующий механизм дисциплинарного общества: изъятие (например, уменьшение нагрузки с последующим понижением заработной платы), надзор (контроль над рабочей деятельностью педагога), угроза и т. д. Одной из действенных мер администрации вуза в условиях «квази-информационного» общества (выражение И.Д. Тузовского [7, с. 186]) является ограничение доступа преподавателей к тем или иным образовательным ресурсам. В связи с ужесточением требований московской ВАК участились случаи остракизма преподавателей из вузовских «Вестников».

В условиях решительных перемен в российском образовании, в условиях коммерциализации, клиентоориентированности вузов, усиления административного давления, два канала коммуникации, несмотря на сильные помехи, обладают высокой пропускной способностью. Это каналы «преподаватель – преподаватель» и «преподаватель – студент». Борьба с периодически возникающими помехами, с «белым шумом», должен каждый педагог, для которого слова о гармонично развитой личности, о соразмерности коллективного и индивидуального опыта не являются пустыми звуками.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Библиографический список

1. Гредновская, Е.В., Пеннер, Р.В. Проблема подлинности существования человека в дискурсах экзистенциализма и постмодернизма / Е.В. Гредновская, Р.В. Пеннер // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2015. – Т. 15. – №3. – С. 56-60.
2. Делез, Ж. Общество контроля / Ж. Делез // URL: <http://my.arcto.ru/public/9deleuze.htm>
3. Ивин, А.А. Философия истории / А.А. Ивин. – М.: Гардарики, 2000. – 525с.
4. Куличков, И.Л. Всестороннее развитие личности: миф или реальность / И. Л. Куличков // Homo holistic: человек целостный: сборник научных статей преподавателей кафедры философии ЮУрГУ, студентов, магистрантов и аспирантов вузов. – Челябинск, Издательский центр ЮУрГУ, 2015. – Том 3. – С. 41-50.
5. Розанов, В.В. Опавшие листья / В.В. Розанов. – СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2012. – 448 с.
6. Рыбин, В.А. Онтоантропологический смысл новейшей реформы университета // В.А. Рыбин. – Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – №15(269). – С. 42-52.
7. Соколов, А.В. Верификация утопии-XXI и диагноз нашего общества: рецензия на монографию И.Д. Тузовского «Утопия-XXI: глобальный проект "Информационное общество"» / А.В. Соколов // Вестник Санкт-Петербургского университета культуры и искусств. – 2015. – 2 (23). – С. 186–189.
8. Тимофеев, Т. Высшее образование не для всех! / Т. Тимофеев // URL: Общественная электрогазета. рф <http://i-gazeta.com/news/region102/23621.html>
9. Томбу, Д.В. Дисциплинарные практики общества потребления / Д.В. Томбу // Власть. – 2013. – №4. – С. 52-54.
10. Фуко, М. Дисциплинарное общество в кризисе / М. Фуко // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_16.php
11. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Fuko_Tyrm/
12. Хайдеггер, М. Язык / М. Хайдеггер // URL: <http://www.lib.ru/HEIDEGGER/yazyk.txt>
13. Bydanova, E., Mushketova, N., Rouet, G. The Russian market of university services: Social and demographic aspects // International Journal of Educational Management. – 2015. – 29(4). – pp. 395–407.
14. Kovalevsky, V., Kirko, V. Strategic bases of regional university's modern economic model // Economic Annals-XXI. – 2015. – 1-2 (1). – pp. 24-27.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

УДК (UDC, CDU) 1.14

Оскар Хуарес Сарагоса
Автономный университет штата Мехико, профессор

Классическая философия: представление и признание с точки зрения Делёза

Доклад имеет своей целью раскрыть, исходя из концепции Делёза, импликации, присущие категории представление в классической философии в плане идентичности, аналогии, оппозиции и сходства, применив их к познанию, а также к телесной и территориальной организации.

Ключевые слова: представление, признание идентичность, аналогия, оппозиция, сходство

Óscar Juárez Zaragoza
Independent university of state of Mexico, profesor

Classic philosophy: representation and recognition. Deleuzian perspective

This report is intended to show, from the Deleuzian perspective, the implications of the status of representation in classical philosophy, from an analysis of the available quad identity, analogy, opposition and likeness, applying knowledge, organization and territorial body.

Keywords: representation, recognition, identity, opposition, similarity

Óscar Juárez Zaragoza
Autonoma del Estado de Mexico, profesor

Filosofía clásica: representación y reconocimiento. Un análisis deleuzeano

El presente artículo tiene como intención mostrar, desde la perspectiva deleuzeana, las implicaciones que tiene la categoría de representación en la filosofía clásica, desde un análisis de su cuádruple disposición: identidad, analogía, oposición y semejanza, aplicándolos al conocimiento, organización corporal y territorial.

Palabras-clave: Representación, reconocimiento, identidad, analogía, oposición y semejanza

Проблема свободы человека в дискурсе средневековой философии

Обращение к теме свободы в средневековый период не является принципиально новым в историческом разрезе философии. Однако, не смотря на то, что средневековый период является одним из наиболее изученных в историко-философском плане до сих пор остались темы, тщательно не проработанные. Одной из них является тема свободы человека, которая была освещена в дискурсе средневековой философии наряду с иными темами. Актуальность данной статьи обусловлена сравнительно малой изученностью важнейшей антропологической проблемы – проблемы свободы человека, прочно связанной с антроподиксией. Средневековый период представляет собой своеобразный пласт философской мысли, в котором явно обозначается обострение проблемы свободы человека. Это можно объяснить тем, что именно в средневековой философии впервые в истории философской мысли внимание человека концентрируется на внутреннем мире. Средневековый мыслитель стремится познать свою душу. Познание обусловлено влиянием на субъекта трансцендентного начала, выступающего в качестве творящего истока. У рефлексизирующего субъекта формируется своеобразное чувство собственного Я, происходит оформление самознания как особой реальности, которая, не смотря на свой субъективизм, в большей мере открыта познанию человека, нежели любой иной объект внешнего мира. Целью доклада выступает отображение проблемы свободы человека, которая раскрывается в произведениях ключевых представителей философской мысли средневекового периода. В докладе делаются выводы о том, что средневековая философия консолидировала с античной традицией. Продолжились попытки решения проблемы свободы человека, были найдены точки опоры в понимании сущности свободы человека. Средневековый человек по природе своей свободен, но эта слабая природа с самого рождения направляет его на путь греха. Греховность природы человека предопределяет его зависимость от различных сил. Подлинную свободу человек постигает только в познании Бога.

Ключевые слова: свобода человека, средневековая мысль, трансцендент, познание Бога, благодать, добродетель.

Пеннер Регина Владимировна,
доцент Южно-Уральского государственного университета, e-mail: penner.r.v@gmail.com

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Святой Августин Блаженный – один из первых средневековых мыслителей, кто обратился к проблеме самосознания, осознав при этом непосредственное влияние на человека трансцендентного начала. Это вызвало необходимость увязать философские постулаты со Священным писанием.

Проблема греха была поставлена Августином в центр его философских интересов. Под грехом средневековый философ, в первую очередь, понимал убежденность людей в своем превосходстве. Евреи стали первыми, кому приписывали зачатки величия. Впоследствии о величии стали говорить как о грехе отдельных христиан. При делении людей на впавших в грех и спасенных Августин не видел никакой дисгармонии. Согласно его учению, обе категории людей сосуществуют в равновесии, а подобное разделение объяснимо посредством того, что Бог изначально выделил из людей ту группу, что будет спасена.

В наиболее значительном своем произведении «О граде Божьем» Августин обосновал идею о разделении церкви и государства, соответственно града Божьего и града Земного. Он подчеркивал мысль о том, что государство может стать частью града Божьего только в том случае, если оно абсолютно подчинится церкви во всех религиозных вопросах.

В своем богословском учении Августин обосновывал критику пелагианской ереси. Согласно учению Пелагия, человек

по своей природе является добрым и обладает свободной волей. Пелагий выступал против концепции первородного греха. Прославленный ересиарх настаивал на том, что большинство людей склонно поступать добродетельно, а добродетель можно полагать за результат нравственных потуг «ищущих и страдающих» [14].

В споре с Пелагием Августин выступил как фаталист с позиции, базирующейся «на существующих в философской, религиозной и научной мысли аргументах, направленных против утверждения действительности свободы» [10] и провозглашающей «логику событий как нечто внешнее по отношению к человеку, обусловленное различными объективными факторами: действием сверхъестественных сил, естественных изменений и взаимодействий, проявлением общественных закономерностей, предопределяющих любую деятельность человека и ее непосредственные результаты» [10]. В своем учении Августин настаивал на том, что Адам обладал свободной волей только в период до своего грехопадения. Причем эта воля и могла удерживать его от впадения во грех. Однако когда произошло вкушение запретного плода, в них с Евой вошла порча, которая впоследствии передалась и их потомкам. Таким образом, Августин обосновал греховную натуру человека, утвердил немощь человека в борьбе с грехом. Однако удержаться от падения во грех человеку помогает Божья благодать [1]. Лишь

избранные получают право вознестись на небо. Обосновать деление людей на спасенных и проклятых невозможно – это решение, принятое и понятое одним лишь Спасителем. Иными словами, кара божья есть правосудие, спасение избранных – милосердие. Причем, по Августину, и в том, и в другом случае проявляется благодать Божья.

Далее намотелось бы подробнее остановиться на проблеме свободы воли. Эту проблему Августин исследовал в своем одноименном трактате. Уже в самом начале «О свободе воли» средневековый философ обращается к Священному писанию, в котором содержится указание на то, что истина, заключенная в Божественном слове, сделает человека свободным [2]. Августин, следуя за Священным писанием, обозначает весьма четкие границы свободы – свобода человека ограничена постижением Божественной истины.

Интересно определение свободы воли, предложенное в трактате, в котором Августин сопоставил свободу человека с грехопадением. Адам и Ева изначально были наделены свободной волей. Это и стало определяющей предпосылкой того, что они осмелились ослушаться своего Создателя, вкусив плод с Древа Познания Добра и Зла. По Августину, Господь предоставил первым людям свободу не для впадения во грех, а для возможности этого падения избежать. Ту ситуацию, при которой Бог создал людей, способных согрешить, мысли-

тель определил как диалектическую противоположность свободы – зависимость. Поэтому люди были созданы Богом и изначально наделены свободой выбора.

Солидарен с позицией Августина и теолог Л. Брюнсвик [11]. По Л. Брюнсвику, свобода составляет смысловое ядро теологии – это творческий исток, способствующий единению человека с трансцендентным началом.

Иным средневековым мыслителем, затронувшим в своих размышлениях проблему свободы человека, был Боэций. В «Утешении философией» мыслитель, как и Августин, указывал на связь между свободой и творческим началом: при постижении, приближении к познанию Бога, человек обретает свободу. Боэций указывал и на органичную связь между Богом и блаженством как высшими человеческими благами. Постигая Божественную сущность, человек обретает свободу; это и является основой блаженства, счастья каждого [4]. По Боэцию, «рецепт» достижения божественной благодати, выхода за рамки греха и обретения свободы кроется в добродетели [4].

Наиболее ярким представителем схоластического периода средневековой философии стал святой Фома Аквинский. Видные западные философы, к примеру, К. Хьюджес и Р.Р. Герреро полагают Фому одной из ключевых фигур из истории философии и теологии [12, 13].

Следуя за Августином, Фома увязывал свободу человека с

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

мудростью. В «Сумме против язычников» он обозначил то, что мудрость человеческая раскрывается в конкретном человеческом акте, например, в строительстве домов. Иными словами, человек может поставить перед собой четкую цель, обладая знаниями о средствах ее достижения. Фома обратил внимание читателей на то, что, в конечном счете, все небольшие конкретные цели можно свести к единой цели, которую философ назвал «целью Вселенной» [9]. Цель Вселенной есть не что иное, как превосходство разума, посредством достижения истины. Таким образом, по Фоме, достижение мудрости представляет собой полезнейшее занятие человека. И не случайно схоласт сослался в «Сумме» на Аристотеля как на «великого прославителя мудрости» [9].

Фома утверждал, что источник мудрости бесспорно кроется в Боге. Обратившись к авторитету Аристотеля, Фома обосновывал существование Бога при помощи аргумента о неподвижном двигателе [3]. Все объекты живой природы он делит на движимые и источники движения. При этом то, что приходит в движение благодаря чему-то, может породить новое движение. Пытаясь установить источник движения всего, Фома пришел к выводу о том, что в бесконечной точке регресса человеческая мысль приходит к тому, что движет, но движимым чем-либо не является. Бог и есть тот искомым недвижимый двигатель.

Святой Фома Аквинский достойно завершил плеяду сред-

невековых мыслителей. Следует обратить внимание на то, что проблематика свободы человека в историческом контексте присутствует в исследованиях и отечественных, и зарубежных мыслителей [5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14]. Более того, «в современных дискуссиях проблема соотношения предопределения и свободы воли человека занимает значительное место. Она обсуждается вместе с другими теологическими проблемами, среди которых можно выделить вопросы о Божественном избрании (для спасения) и осуждении, о соотношении Божественных атрибутов всемогущества и всеведения со свободой воли человека, о причине зла. Этот контекст во многом был определен средневековыми дискуссиями, и современные авторы часто используют концепции схоластов для разработки своей аргументации» [6, с. 7].

Если говорить уже о понятии индивида в контексте заявленной темы, то оно «начинает формироваться в рамках космоцентризма античной философии и свою определенность получает в теоцентризме Средневековья, сущность свободы определяется здесь понятием индивида, т. е. как индивидуальный феномен» [8, с. 5]. Ядро средневековых граждан составляли крестьяне и ремесленники, жизнь которых текла однообразно, по однажды определившемуся и закрепившемуся порядку. Развитие и раскрытие своей духовной сущности они находили в церкви, которая обещала им лучшую жизнь после смерти.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

И здесь, с одной стороны, раскрывается дихотомия свободы – греха. Средневековый человек свободен, но слабая природа с самого рождения направляет его на путь греха, что определяет его зависимость. С другой же стороны, свободу и счастье человек достигает только в позна-

нии Бога.

Таким образом, в средневековой философии, консервирующей с античной традицией, продолжилось формирование проблематики свободы человека, выявились точки опоры и основные пути исторического развития этой проблемы.

Библиографический список

1. Августин Аврелий. О граде божьем / Аврелий Августин. – М.: Харвест, АСТ, 2000. – 1296 с.
2. Августин Аврелий. О свободе воли / Аврелий Августин // URL: <http://www.lib.ru/%3E%3C/HRISTIAN/AWRELIJ/swoboda.txt>
3. Аристотель. Метафизика / Аристотель. – М.: Эксмо, 2006. – 608 с.
4. Боэций Утешении философией / Боэций // URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/boethius/phil01-f.htm>
5. Дыдров А.А., Пеннер, Р.В. Новое о свободе в немецкой философской традиции: И. Кант – Г. Гегель – К. Маркс / А.А. Дыдров, Р.В. Пеннер // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 25 (354). – С. 25–28.
6. Карпов К.В. Проблема предопределения и свободы воли в культуре позднего средневековья / К.В. Карпов // диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – М. – 2009. – 155 с.
7. Рассел, Б. История западной философии / Б. Рассел. – М.: АСТ, 2010. – 832 с.
8. Троян В.Г. Проблема индивидуальной свободы в философии Э. Фромма: критический анализ / В.Г. Троян // диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Краснодар. – 2001. – 127 с.
9. Аквинский Фома. Сумма против язычников / Фома. Аквинский // URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000791/>
10. Шумилкина О.Г. О феномене свободы в философско-исторической традиции фатализма / О.Г. Шумилкина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 74-1. – С. 558–562.
11. Brunschvicg L. La raison et la religion // Presses universitaires de France, Paris. – 1964. – 212 p.
12. Guerrero R.R. Avempace en las obras de santo Tomás de Aquino // Anuario Filosófico. – 2015. – V. 48, I. 1. – p. 55–78.
13. Hughes C. Aquinas on being, goodness, and God // Routledge Publisher. – 2015. – 370 p.
14. Rees B.R. Pelagius: A Reluctant Heretic // Boydell Press. – 1988. – 552 p.

УДК 323.2

Хвощев В.Е.

Так ли страшен чёрт, как его малюют (не традиционно о коррупции)

Отношение к коррупции во все времена формировалось преимущественно с нравственно-правовых позиций. В контексте общественной морали коррупция – абсолютное зло, с которым необходимо вести постоянную и непримиримую борьбу. Коррупционеров следует выявлять и строго наказывать. Это общепринятое правило, казалось бы, не подлежащее сомнению, служит удобным лозунгом в борьбе за власть – малообязывающим и безотказным. Малообязывающим потому, что в обществе сложилось и поддерживается мнение о неумолимости коррупции, и безотказным по той причине, что позволяет демонстрировать благородство намерений претендента на публичную должность, не требующее определенного его подтверждения. При всеобщем негодовании по поводу этого явления коррупция вряд ли может быть причислена к серьезнейшим социально-политическим и экономическим проблемам, способным заметно навредить обществу. В конечном счёте, «что с мира взято, в мир вернётся». Другое дело, что для государства важно в какое место «вернётся» взятое. И если, к примеру, взято здесь (в стране), а вернётся там (зарубежом), то для государства и общества этот факт выражается в оттоке средств и ресурсов. Это исключительно важная, однако, совсем другая проблема. Научный разговор о коррупции предполагает уточнение понятия и всестороннее комплексное осмысление соответствующего явления. Между тем, фундаментальное исследование этого, бесспорно, актуального феномена подменяется поверхностным нравственным восприятием, что характерно для современной науки, с последующей скрупулёзной правовой проработкой технологии противодействия отдельным негативным его проявлениям. Современные Конвенции, Стратегии, Программы и Планы борьбы с коррупцией построены по типовой схеме «однозначная оценка–меры борьбы с проявлениями». В статье предпринята попытка представить коррупцию как разновидность политико-экономической активности субъектов с её издержками и позитивными качествами, нуждающуюся в исследовании и осторожном регулировании.

Ключевые слова: коррупция, коррупционная деятельность, антикоррупционная политика, активность, политико-экономическая активность, коррупционная активность, активная коррупция, пассивная коррупция

Хвощев Владимир Ефимович,
Россия, ЮУрГУ, заведующий
кафедрой политологии,
vek@susu.ac.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Политико-экономическое развитие общества неизбежно сопровождается периодическими откатами, застоями и постоянными «побочными» для прогресса явлениями, связанными с материальными и духовно-нравственными потерями. Иногда эти потери бывают настолько чувствительными, что создают угрозу существования государства.

Причины негативных проявлений политической и экономической активности социальных субъектов чрезвычайно разнообразны, а последствия одинаковы – ухудшение общественной морали, ослабление государства.

Наука оперирует преимущественно причинами, практику интересуют следствия. Близкие по результатам явления практик объединяет в общее понятие нередко вопреки различиям в причинах, порождающих само явление. Нечто подобное происходит в детерминации коррупции, как деятельности вредной для общества и государства. Действия субъектов, наносящие вред нравственности людей, идущие вразрез с государственными правовыми нормами принято считать коррупционными.

В настоящее время феномен коррупции представляет собой миф, эмоционально окрашенный индивидуальным и коллективным сознанием. Любое мифическое образо-

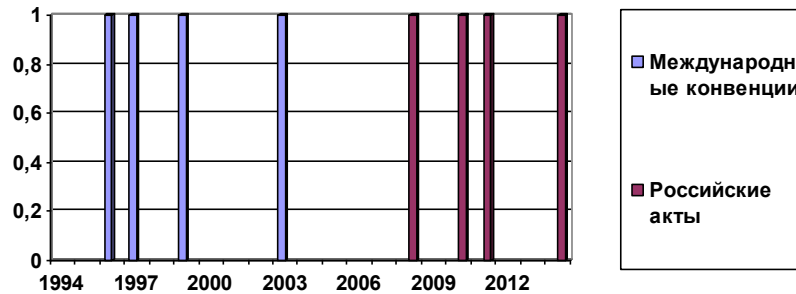
вание не имеет точного определения и существует во мнении людей в качестве метафоры с относительно произвольным содержанием.

Очевидно, что метафора «коррупция» и стоящий за ней столь же неопределённый миф, малопригодны как для научного анализа, так и для практического применения. Однако практика требует разработки технологических решений по снижению коррупции, которые могут проектироваться лишь на основе точных и ясных формулировок, предложить которые может только наука. Но именно наука игнорирует феномен коррупции, а государственный запрос на серьёзные исследования в этом направлении никак не созреет. Иначе чем объяснить, что сначала принимается Федеральный закон РФ о противодействии коррупции (2008 г.) и только после – научно не обеспеченная национальная стратегия противодействия коррупции (2010 г.), которая должна быть фундаментальной основой закона и не наоборот.

Следует заметить, что коррупция является глобальной проблемой и её масштабы тревожат не только российскую власть, но и мировую общественность. Эта тревога отражена в ряде Конвенций, направленных против коррупции (рис. 1).

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Рис.1. Правовые решения по проблемам коррупции

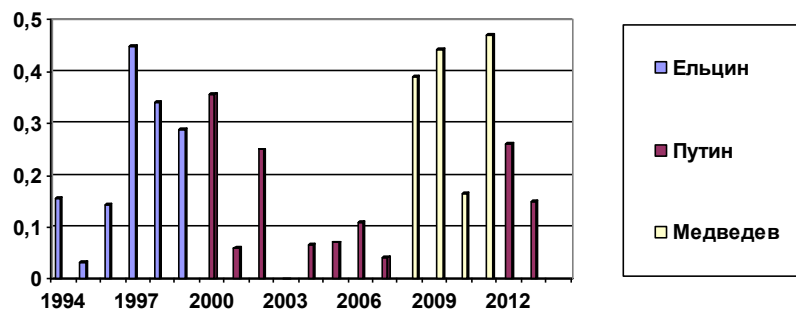
- 1996 г. – Конвенция ОЭСР [1]
- 1997 г. – Конвенция ЕС [2]
- 1999 г. – Конвенции о правовой и уголовной ответственности [3]
- 2003 г. – Конвенция ООН [4]
- 2008 г. – ФЗ РФ о коррупции [5]
- 2010 г. – национальная стратегия против коррупции [6]
- 2011 г. – план против коррупции 2012-2013 гг. [7]
- 2014 г. – план против коррупции 2014-2015 гг. [8]

На рис. 1 представлены и наиболее значительные российские антикоррупционные акты. Наши решения, безусловно, вызванные внутренними коррупционными проблемами, отчасти являются и реакцией руководства страны на международное антикоррупционное

движение. В законодательном плане Россия реагирует на международные Конвенции с отставанием в 12 лет.

Не удивительно, что серия антикоррупционных актов в России 2008–2014 гг. (рис. 1) нашла отражение в соответствующих ежегодных посланиях Президен-

Рис.2. Частота упоминания коррупции в посланиях Президента РФ

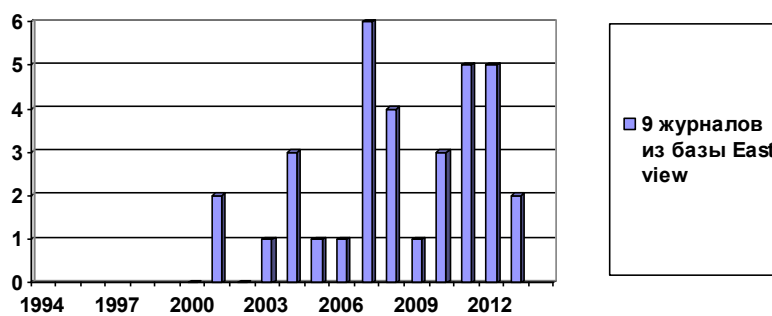
Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Вполне естественно, что в этих Посланиях прослеживается и сравнительно быстрая реакция на международные Конвенции против коррупции. Заслуживает внимания и снижение интереса Президента к коррупции в период 2003–2008 гг., как и

рост этого интереса в последующий период.

Призывы Президента РФ к борьбе с коррупцией после 2008 года получили отклик и в российских социально-гуманитарных журналах (рис. 3).

Рис.3. Количество статей о коррупции в социально-гуманитарных журналах России

Рассматривались журналы: Азия и Африка сегодня, Вопросы философии, Вопросы экономики, Латинская Америка, Международная жизнь, Мировая экономика и международные отношения, Общество и экономика, Политические исследования, Социологические исследования

Правда, это были отклики преимущественно экономической направленности, а большая часть статей пришлась на журналы «Вопросы экономики» и «Общество и экономика».

Напрашивается вывод о корреляции международных и внутророссийских правовых актов, президентской риторикой и содержанием социально-гуманитарных журналов России.

Не умаляя значения экономических и нравственных издержек от коррупции, следует заметить, что все они не вполне адекватны

действительности из-за непроработанности соответствующего понятия. Косвенно на это указывает тот факт, что для проблем коррупции не нашлось места в журнале «Вопросы философии», по крайней мере, в последние 15 лет.

Нет сомнения, что борьба с коррупцией предполагает уточнение определения этого понятия. Оставим в стороне многословные определения коррупции в энциклопедиях, словарях, научно-публицистической литературе: все они многозначны и

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

метафористичны. Казалось бы, что точные формулировки явления следует искать в законодательных актах. Но и в Федеральном законе РФ о противодействии коррупции (2008 г.) точная составляющая содержит краткое «дача взятки, получение взятки». Все остальные компоненты дефиниции выдержаны в мифическом духе и завязаны на туманное и субъективное понятие «злоупотребление» или включают различные юридические выверты, предоставляющие возможность принимать правовые решения без строгого фактологического обоснования.

Иначе говоря, взяточничество – основной элемент коррупции, но коррупция несравненно шире взяточничества, поскольку несёт в себе причины и следствия дачи и получения взятки, а не только её фактическое наличие. И если борьба с мздоимством – задача правового регулирования, то антикоррупционная политика – одна из важных целей социально-политического управления.

Нельзя не отметить некоторые особенности природы коррупции.

Во-первых, коррупция не является имманентно присущим человеку качеством, как это может казаться из разговоров о её неизбежности. Коррупция – это форма взаимодействия людей и потому она несёт в себе особенности социальных отношений в обществе. При одной системе общественных отношений она может быть минимальной, при другой достигать значительных масштабов.

Во-вторых, коррупционная деятельность всегда активна – основана на заинтересованности, добровольности, самостоятельности сторон. По этой причине более корректным выглядит понятие «коррупционная активность сообщества», нуждающееся, впрочем, в обстоятельной научной разработке.

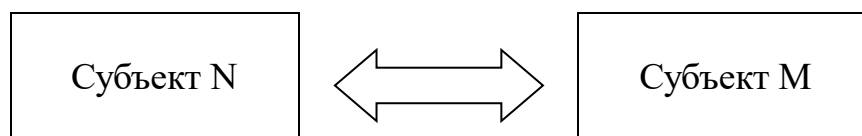
В-третьих, коррупционная активность субъектов не однозначна в ценностном измерении. В зависимости от условий и обстоятельств коррупционная активность субъектов имеет для личности, общества и государства и отрицательное и положительное значение. Отсюда возникают сложные научно-исследовательские задачи определения меры позитивного и негативного в коррупции и поиска её оптимального содержания и формы.

Коррупция как качественный показатель состояния общества или его части, отражающий его важное свойство, проявляется в коррупционной активности субъектов. В свою очередь коррупционная активность субъектов нуждается для начала хотя бы в самой общей типологии явления.

Очевидно, что не всякое взаимодействие субъектов несёт в себе потенциально коррупционную составляющую. Более того, прямое взаимодействие субъектов (рис. 4) может иметь любую нравственно-правовую окраску и при этом не быть ни в малейшей степени коррупционным.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

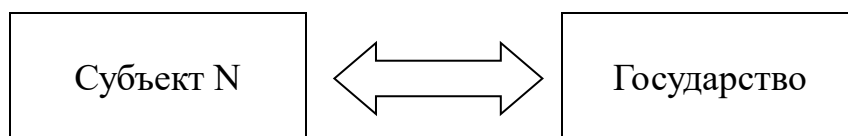
Рис. 4. **Прямое взаимодействие субъектов**

Коррупционные возможности взаимодействия приобретает лишь тогда, когда одним из субъектов взаимодействия становится государство (рис. 5, 6, 7). Причём государственное

участие в подобных взаимодействиях может иметь различные типы. Одним из подобных типов является прямое взаимодействие государства и субъекта (рис. 5).

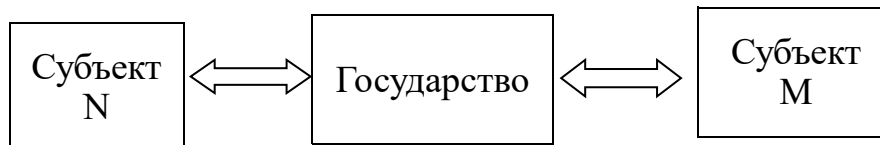
Рис. 5. **Прямое взаимодействие государства и субъекта**

По сути, речь идёт об использовании совместной частной и государственной собственности. Но государство может и не

быть собственником во взаимодействии субъектов, а играть роль посредника, управляющим взаимодействием (рис. 6).

Рис. 6. **Опосредованное государством взаимодействие субъектов**

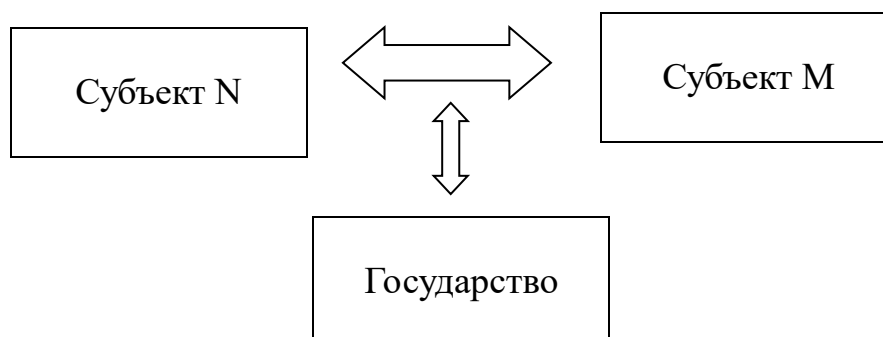

Но чаще государство играет не управляющую, не регулирующую роли во взаимодействии

субъектов, а исполняет контролирующую функцию (рис. 7).

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Рис. 7. Контролирующее участие государства во взаимодействии

Во всех типах взаимодействия, хотя и в разной мере (этот вопрос требует обстоятельного исследования), чиновник, представляющий государство, проявляет высокую активность.

Государство многолико и полифункционально, но в социально-экономических отношениях с субъектами взаимодействия оно, обычно, выступает как орган власти. Следовательно, отношения эти являются политическими, как и процветающая на базе этих отношений коррупция.

Возникают вопросы: каковы возможности влияния на политический процесс (коррупцию) с помощью политического инструмента (государства), находящегося в руках политических деятелей – участников этого процесса? Какова социальная база борцов с коррупцией?

Ответы, казалось бы, просты: гражданское общество (при условии развитой демократии), средства массовой информации (при условии свободы слова), правосудие (при условии независимости суда). Но про-

стота, нередко, бывает обманчивой. В обществе, искусственно и грубо разделённом на классы, демократия, свобода и независимость относительны. Их классовая сущность быстро усваивается общественным сознанием, а вместе с этим растёт пессимизм относительно опоры в борьбе с коррупцией на существующие государственные и гражданские институты.

Ставка в российских антикоррупционных планах вновь делается на бюрократию: одна часть чиновников собирается в поход против другой её части. В них – планах – не нашлось места ни научным исследованиям, ни гражданским инициативам. Можно не сомневаться, что в запланированных 70 докладах преимущественно «силовых» ведомств появится обширная статистика борьбы с коррупцией – впечатляющая по размаху и ничтожная по результатам с привычными для подобных кампаний перегибами. Так бывает всегда, когда борьба идёт с врагом не видимым и не понятным.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Библиографический список

1. Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок. 21.11.1997 (рекомендации 11.04.1996). Доступно в <http://base.consultant.ru>. (Дата обращения 11.07.2014).
2. Конвенция Европейского союза о борьбе против коррупции должностных лиц Европейского сообщества и должностных лиц государств – членов Европейского союза. 26 05. 1997. Доступно в <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения 11.07.2014).
3. Конвенция от 27 января 1999 года об уголовной ответственности за коррупцию. Доступно в http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121544. (Дата обращения 11.07.2014).
4. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН). Доступно в <http://base.consultant.ru>. (Дата обращения 11.07.2014).
5. Федеральный закон О противодействии коррупции. Принят Государственной Думой 19 декабря 2008 года. Одобрен Советом Федерации 22 декабря 2008 года. Доступно в <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102126779>. (Дата обращения 11.07.2014).
6. Национальная стратегия противодействия коррупции (утверждена Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 года №460). 13 апреля 2010 года Доступно в http://news.kremlin.ru/ref_notes/565. (Дата обращения 11.07.2014).
7. Национальный план противодействия коррупции на 2012–2013 годы. 13.03 2012. Доступно в http://kremlin.ru/ref_notes/1172. (Дата обращения 11.07.2014).
8. Национальный план противодействия коррупции на 2014-2015 годы. Утвержден Указом Президента Российской Федерации от 11 апреля 2014 г. № 226. Доступно в <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102352684>. (Дата обращения 11.07.2014).

References

1. Konvencija po bor'be s podkupom inostrannyh dolzhnostnyh lic pri osushhestvlenii mezhdunarodnyh kommercheskih sdelok. 21.11.1997 (rekomendacii 11.04.1996). Available at <http://base.consultant.ru> (accessed 11.07.2014).
2. Konvencija Evropejskogo sojuza o bor'be protiv korrupcii dolzhnostnyh lic Evropejskogo soobshhestva i dolzhnostnyh lic gosudarstv-chlenov Evropejskogo sojuza. 26 05. 1997. Available at <http://base.consultant.ru> (accessed 11.07.2014).
3. Konvencija ot 27 janvarja 1999 goda ob ugovornoj otvetstvennosti za korrupciju. Available at http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121544 (accessed 11.07.2014).

УДК 328.185 + 342.951:328.185 + 321.01:328.185

Манола Сепульведа Гарса

Коррупционные процессы в региональной власти

Эмпирический анализ отдельных случаев высвечивает многообразие явлений сложно-организованного общества; в данном случае я описываю социальную динамику «эхидо» (сельскохозяйственного производственного коллектива, аналогичного колхозу в России) и анализирую причины его упадка. Краткий исторический очерк дает мне возможность определить модель формирования аграрного коллектива (с 1960 по 2014 годы). Опыт Монтелонго вписывается в сложный процесс перехода на рельсы товарных отношений, коррупции, изъятия земель у рядовых членов «эхидо» и выкачивания его ресурсов. И как результат – уменьшение количества населения, упадок сельскохозяйственного производства, безработица, неполная занятость и эмиграция в США. Проведенный анализ приглашает к размышлению по поводу последствий коррупции, в которой погрязла региональная власть и которая, под прикрытием католического дискурса, осуществляла безудержное обогащение без всякой оглядки на «моральное ведение хозяйства».

Ключевые слова: лидерство, коррупция, «эхидо», бедность, социальное разложение

Манола Сепульведа Гарса,
Мексика, национальная
школа антропологии, про-
фессор-исследователь,
mijailmalychev@yahoo.com.mx

При поддержке академического корпуса «Современное мышление: бытие, познание, действие» АУ штата Мехико

УДК 32.001 + 321.7

Роберт Стингл

Движущие силы политики

С эволюционной точки зрения страх всегда выступал в качестве двигателя действия. Как эмоциональная реакция, страх помогает нам обращать внимание на опасные ситуации и наступает еще до того как возникает установка к бегству или к предосторожности. Существует несомненная связь между страхом и действием, ибо страх – это также и форма мобилизации. С античных времен риторика связывает страх с политикой, а современная эпоха доводит эту корреляцию до полного совершенства. Еще Макиавелли указывал, что гораздо лучше, чтобы народ боялся своего правителя, чем любил его. В наше время мы сталкиваемся с механизмом страха не только в сфере политики, но в средствах массовых коммуникаций; стратегия страха находит свое применение и в экономике, которая оттачивает этот инструмент манипуляции. Иррациональный страх сознательно нагнетается по поводу несуществующих опасностей с целью получить голоса избирателей и удержаться у власти.

Ключевые слова. Страх, разногласие, политика, демократия, политическое средство

Роберт Стингл, Мексика, Автономный университет штата Мехико, профессор-исследователь

При поддержке академического корпуса «Современное мышление: бытие, познание, действие» АУ штата Мехико

УДК 321.74(72)

Фернандо Диас Ортега
Франсиско Хавьер Дуарте Хове

Мексика XIX столетия: симуляционная демократия

Нормативный анализ является первым шагом к анализу реальности и в этом ракурсе изучение электоральных процессов в Мексике обнажает отсутствие демократичности с позиции критериев нормативности. Это исследование изучает нормы, которые определяли процесс выбора главы нации с 1824 по 1917 год, анализирует мнимо-демократическую нормативность, стремившуюся, тем не менее, дать стабильность стране, в которой последняя крайне нуждалась.

Ключевые слова: Мексика, демократия, электоральный процесс, нормативность, симуляция

Фернандо Диас Ортега, Мексика, Автономный университет штата Мехико, профессор

Франсиско Хавьер Дуарте Хове, Мексика, Автономный университет штата Мехико, профессор

При поддержке академического корпуса «Современное мышление: бытие, познание, действие» АУ штата Мехико

УДК 321.015 + 321.01

Эрминьо Нуньес Вильявисенсио

Современные оттенки власти

В этом тексте мы пытаемся разъяснить происхождение и границы возникших не столь давно выражений: «мягкая, жесткая и невидимая власть», полагая, что человеческая деятельность, во всей ее разнообразии и новизне, иногда нуждается в концептуализации, хотя некоторые понятия, которые мы формируем, не всегда обладают ясностью, обоснованностью, на которые они претендуют; а другие понятия могут нам указывать на запреты, налагаемые практикой. Излагая словосочетания «мягкая власть», «жесткая власть» и «невидимая власть», мы исходим из того, что определение способа видения реальности и ее обоснованность не совпадают с другими способами ее осмысления. Понятие «невидимой власти» достаточно ясно и вполне приемлемо, оно указывает на широко распространенную практику, которая, тем не менее, не должна фигурировать в демократическом государстве.

Ключевые слова: мягкая власть, жесткая власть, невидимая власть, значение

Эрминьо Нуньес Вильявисенсио,
Мексика, Автономный университет штата Мехико, профессор

При поддержке академического корпуса «Современное мышление: бытие, познание, действие» АУ штата Мехико

УДК 327.82

Батурин Л.М.

Экономическая дипломатия в мировой политике: история и современность

Экономика играла и играет большую роль в межгосударственных отношениях, её состояние учитывается при оценках силы государства и его возможностей. Влияние экономического фактора на мировую политику усилилось во второй половине XX века, когда активизировалась деятельность ТНК и обострилась сырьевая проблема, прежде всего касающаяся энергоресурсов. В результате этого выросла роль международных экономических организаций и их влияние на межгосударственные отношения, а экономические проблемы стали выходить на первое место в деятельности дипломатических представительств. Усилилась связь между внутренней и внешней политикой, в рамках традиционной дипломатии стала активно проявлять себя – экономическая, которая рассматривает в качестве важнейшей задачу обеспечения экономической безопасности. Она осуществляется как на двустороннем, так и на многостороннем уровнях, в её задачи входит обеспечение условий для развития взаимовыгодного сотрудничества, а также защита национальных экономических интересов. Это, в свою очередь, предъявляет высокие требования к экономической подготовке дипломатических работников и совершенствованию методов работы. Статья посвящена причинам повышения роли экономической дипломатии, в ней показаны её основные виды, задачи и методы.

Ключевые слова: глобализация, международные отношения, мировая политика, экономическая дипломатия, энергетическая дипломатия, международная экономика, международная политическая экономия, геоэкономика, ТНК, «мягкая сила».

Батурин Леонид Михайлович,
доцент кафедры политологии
Южно-Уральского государственного университета

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Человеческая деятельность во всех ее проявлениях в большей или меньшей степени связана с экономической проблематикой: цены, налоги, заработная плата, пенсии. Не меньшую роль экономика играет и в межгосударственных отношениях, одной из главных форм которых является торгово-экономическое сотрудничество, обусловленное международным разделением труда. Для субъектов мировой политики большое значение имеют такие категории как : международные обязательства, требования к другим странам, доходы от экспорта, расходы на импорт и др.

Роль экономического фактора в современных международных отношениях и дипломатии значительно повысилась в начале XX века, в период формирования мировой экономики, а особенно после окончания второй мировой войны, когда активизировалась деятельность транснациональных компаний. ТНК резко увеличили масштабы производственной деятельности, способствовали активному перемещению факторов производства, организовали широкую сеть филиалов и дочерних предприятий, расположенных в различных странах.

В рамках обострения конкурентной борьбы, ТНК стремились к уменьшению издержек производства, среди которых важное место занимала оплата труда. Интернационализация хозяйственной жизни, развитие международных финансов, либерализация мировой торговли, открытость национальных рынков для перемещения не только

товаров, но и факторов производства, устранили многие барьеры, которые разделяли государства и привели к усилению экономической взаимозависимости. Эти процессы также привели к снижению влияния национальных правительств за развитием своих экономик, которые в большей степени регулировались международными правилами.

В результате этого, резко возросла роль и влияние международных экономических организаций системы ООН таких как: Всемирная торговая организация, Международный валютный фонд, Всемирный банк и других институтов, которые разрабатывали и внедряли единые стандарты хозяйственной деятельности. В этих условиях ТНК, обладая разветвленной сетью филиалов и дочерних фирм, получили дополнительные возможности для влияния на политические и экономические элиты принимающих стран, поскольку их деятельность приводила к сохранению рабочих мест и пополнению бюджета за счет уплаты налогов.

Оно приводило к обеспечению более благоприятных условия для ведения бизнеса в странах пребывания, для чего ТНК все активнее привлекало дипломатические представительства своих стран. В результате этого роль экономического фактора в межгосударственных отношениях начала постепенно повышаться, ослабляя внимание к другим вопросам двусторонних и многосторонних отношений.

Очередным фактором для выдвижения экономической

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

проблематики на одно из первых мест в мировой политике и дипломатии стала глобализация, важными элементами которой были информационно-коммуникативная революция, развитие сети международного производства, которое развивалось быстрее, чем национальное, активное функционирование мировых валютно-финансовых и кредитных рынков, либерализация торгово-политических режимов, переход от закрытых экономик к открытым, к развитию свободного предпринимательства, что в конечном итоге привело к стиранию границ между национальными экономиками и глобальным мировым хозяйством.

Еще одним фактором, повлиявшим на многие аспекты межгосударственных отношений и усиления позиций экономической дипломатии, явилась сырьевая проблема и связанная с ней экономическая безопасность государств, которая включает в себя такие аспекты как : энергетическую, продовольственную и другие. Деятельность ТНК, широко используемые ими торговые войны, борьба за рынки сбыта, за энергоресурсы привели к появлению понятия «геоэкономика» [1].

Кроме этого, в концепции «мягкая сила» основным элементом влияния является экономика и экономические санкции [2]. В рамках геоэкономики отчетливо проявляются меркантильные намерения представителей политических и экономических элит получать личные выгоды, используя внешнюю политику и дипломатию. Например,

клан Бушей отстаивает интересы нефтегазового бизнеса, а резкие колебания цен на энергоресурсы в интересах стран импортеров, прежде всего США, являются результатом спекулятивной деятельности нефтяных фирм посредников США и Великобритании. Для контроля над месторождениями нередко используется военная сила, примером этого может служить оккупация Ирака [3].

Экономическое влияние оказывает в ряде случаев более эффективное воздействие, чем военная сила, особенно в условиях глобализации. В ряде стран стали меняться потребности, возможности, геополитическое и геоэкономическое положение. Кроме этого с возникновением мировой экономики, ускорением научно-технического прогресса, углублением международного разделения труда, развитием внешнеторговых отношений резко выросли взаимосвязь и взаимозависимость стран.

К числу главных тенденций мирового развития относят формирование новой мировой экономической инфраструктуры, которая характеризуется либерализацией национальных рынков. Степень открытия рынков регулируется путем многосторонних торговых переговоров в рамках специализированных международных организаций, роль которых достаточно велика. Решение глобальных проблем также зависит от состояния мировой экономики. Растущая экономическая взаимозависимость может выступать главной гарантией безопасно-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

сти и оказывать влияние на политическое развитие стран.

С окончанием «холодной войны» и появлением международной системы, в которой отношения между странами во многом определяются показателями торговли и инвестиций, важность экономических отношений в мировой политике снова выросла.

В этих условиях, вместо традиционной силы все чаще стали использовать политико-экономические методы. Захват рынков, устранение любыми способами конкурентов сегодня гораздо важнее, чем просто захват территорий, если только речь не идет о захвате сырьевых районов. Экономические санкции могут заменять военную силу и применяться самостоятельно или в сочетании с ней. Однако, нельзя не заметить, что от применения санкций больше страдает население, а не правительство.

Очередной всплеск интереса к экономическим факторам в мировой политике приходится на начало 70-х годов XX века, когда резко повысились цены на нефть. В этот период появились первые признаки экономической зависимости стран. Нефтяной кризис показал власть и влияние экономических инструментов в международных отношениях. После этих событий ни одно государство не осмеливалось принимать политические решения без учета экономических реальностей. Он продемонстрировал связь между внутренней и внешней политикой, между внешней экономикой и внутренней. Кризис

дал толчок к появлению глобальной финансовой системы и глобализации в целом. С этого момента экономические и политические процессы стали не международными, а глобальными и не подконтрольными отдельным государствам.

1970-е годы также можно считать периодом возрождения политэкономической традиции изучения международных отношений, в которой сформировалась часть общей политической науки, позволяющая определять взаимодействие экономики и политики на мировой арене – международная политическая экономия [4]. На ее возникновение повлияли следующие факторы: методологическая экспансия экономической науки в политологию, эволюция экономической методологии исследований процессов взаимодействия на международной арене, возрождение политэкономии как отдельной общественно-научной дисциплины [5].

Современная дипломатия возникла в эпоху Возрождения, одной из важных ее задач являлась защита экономических интересов стран и правителей. Основной формой сотрудничества была торговля, и в задачу дипломатии входило продвижение товаров, обеспечение безопасности торговых путей, контроль над колониями. Торговая дипломатия считалась важным средством предотвращения конфликтов.

Однако, с учетом повышения роли экономического фактора в мировой политике происходит неизбежная трансформация

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

традиционной дипломатии, повышение в ней роли экономической функции, наряду с термином «экономическая дипломатия», появляется и другие ее разновидности, например - «энергетическая». Китай, являющийся вторым в мире потребителем нефти после США, в своей внешней политике считает энергетический фактор одним из важнейших [6]. В России при МГИМО(у) МИД РФ работает Международный институт энергетической политики и дипломатии (МИЭП), который ведет подготовку специалистов по таким направлениям как: энергетическая дипломатия, мировая экономика, экономика в области энергетики и энергетических ресурсов [7].

В ряде стран, таких как, например Германия и Франция, карьерные дипломаты проходят обязательные стажировки в крупных финансовых, торговых и производственных компаниях по всем областям и направлениям международных экономических отношений, принимают активное участие в международных переговорах [8]. Такой подход к экономической подготовке дипломатических работников объясняется, помимо прочего еще и тем обстоятельством, что, по мнению ряда политологов, основными причинами обострения межгосударственных отношений являются экономические проблемы.

События на Украине инициированные и поддерживаемые США имеют, кроме прочего, цель ослабления позиций Евросоюза, а также вытеснения Газпрома с европейского рынка.

Похожие попытки предпринимались и по отношению к организации ОПЕК, с тем, чтобы ограничить ее влияние на определение мировых цен на нефть. Об этом также свидетельствуют войны США и их союзников против богатых нефтью стран на Ближнем Востоке. Нефть стала геостратегическим сырьем, активно начала развиваться «нефтяная дипломатия»

Кроме указанных стран, новым регионом мировой политики стала Арктика, во многом благодаря огромным запасам разведанных энергоресурсов, что предопределяет острое соперничество между странами [9]. В Центральной Азии водные ресурсы стали причиной обострения между странами. Исходя из этого, можно отметить, что на дипломатию ложится в современных условиях задача не только реализации внешнеполитического курса страны, но и защита экономических интересов на мировой арене.

Экономическая дипломатия сегодня выполняет несколько важных функций, среди которых наиболее существенными являются обеспечение условий для взаимовыгодного международного экономического сотрудничества, содействие расширению его форм, защита экономических интересов государства, предприятий и предпринимателей. Она осуществляется как на двустороннем, так и на многостороннем уровнях. Первый вариант предпочтительнее, поскольку он обладает определенными преимуществами перед вторым. Двусторонняя экономическая дипломатия более

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

результативна, поскольку она не нуждается в многочисленных согласованиях процедурных вопросов, наряду с конкретными сферами она решает задачу развития стратегического торгово-экономического сотрудничества, позволяет более оперативно решать вопросы, которые не были урегулированы на других уровнях, выходить за рамки двустороннего сотрудничества [10].

Нисколько не идеализируя двустороннюю экономическую дипломатию, следует отметить, что многосторонний уровень является столь же распространенным и дополняет усилия по реализации экономических интересов государства на двустороннем уровне. Для него в современных условиях характерен ряд особенностей, определяющих его эффективность: широкий круг обсуждаемых вопросов, расширение числа участников, регулярность проведения встреч, прозрачность принимаемых решений и широкое освещение их в средствах массовой информации и на официальных сайтах международных организации, активное сотрудничество с различными экономическими организациями и специальными структурами ООН.

Однако многосторонняя экономическая дипломатия сталкивается с рядом сложностей, которые оказывают влияние на оперативность решения актуальных проблем. Среди них можно выделить административно-технические проблемы, многие страны не могут в силу финансовых и кадровых трудностей полноценно участвовать в переговорном процессе, им-

плементационные проблемы, сущность которых сводится к трудностям институциональной и правовой адаптации к международным требованиям, различные подходы к международным переговорам [11].

В условиях глобализации появились такие формы экономической дипломатии как «тройки», «четверки», «Большая семерка», которые объединяют страны с совпадающими экономическими интересами. На своих заседаниях они не только решают совместные проблемы, но и во многом определяют параметры развития мировой экономики. Эти решения не носят обязательного характера, но в условиях взаимозависимости стран они оказывают определенное воздействие на многие государства. Тем самым образуется достаточно эффективный механизм для решения актуальных экономических проблем не только в интересах отдельных стран, но и всей мировой экономики в целом, хотя и не следует забывать о проблеме отношений «Север-Юг».

Российская экономическая дипломатия, опираясь на национальную внешнеэкономическую стратегию, наличие институтов и инструментов отстаивания национальных интересов, а также на достаточные финансовые ресурсы активизировала усилия по продвижению и защите внешнеэкономических интересов России. Помимо Министерства иностранных дел, в котором функционируют департаменты экономического сотрудничества, международных организаций, важными

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

субъектами экономической дипломатии являются межведомственные комиссии по вопросам внешнеэкономической деятельности при Президенте и Правительстве Российской Федерации, а также деловые круги и неправительственные организации.

В основе их деятельности лежат мероприятия, направленные на поддержку российского экспорта, привлечение иностранных инвестиций и продвижение экономической политики России на международной арене. Постоянным партнером экономической дипломатии также являются институты экономического и международного направления Российской Академии Наук. Важную роль в системе экономической дипломатии традиционно играют торговые представительства России за рубежом.

Таким образом, оценивая роль экономической дипломатии в современной мировой политике, можно отметить, что ее повышение и оптимизация были определены следующими факторами:

- во второй половине XX века сформировалась глобальная мировая экономика, ведущие позиции в которой заняли США и подконтрольные им международные организации;

- после нефтяного кризиса 70-х годов энергетическая безопасность стала играть в мировой политике роль не меньшую, чем военный фактор;

- доступ к сырьевым ресурсам и защита торговли являются основными причинами современных конфликтов между государствами;

- благодаря международной деятельности ТНК и их филиалов сформировалась геоэкономика, которая оказывает влияние на многие политические процессы, делает страны уязвимыми, ограничивает их независимость;

- экономическая мощь может являться ресурсом «мягкой силы»;

- политическое влияние США во многом базируется на экономических возможностях;

- экономическая дипломатия стала одним из важных инструментов в мировой политике.

Библиографический список

1. См. Дергачев В. Геоэкономика//Киев,Вира-Р. 2002; Кочетов Э. Геоэкономика. Освоение мирового экономического пространства. – М.: Норма, 2006.
2. Радиков И, Лексютина Я. Мягкая сила как атрибут великой державы // МЭиМО. 2012. – № 2, с. 19.
3. Писарев В. Энергетическая политика США и нефтегазовые ресурсы континентального шельфа// МЭиМО. – 2007, – № 5. – С 17.
4. Байков Н, Безмельница Г, Гринкевич Р. Перспективы развития мировой энергетики до 2030// МЭиМО. 2007, – № 5. – С. 19–20.
5. Симония Н. Нефть в политике США// Международная жизнь. 2008. – № 3. – С. 55.
6. Олейнов А.Г Экономика международных отношений// МЭиМО. – 2011. – № 5. – С. 28.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

7. Фан Тин Тин Энергетический фактор во внешней политике КНР // МЭиМО. – 2011. – № 8. – С. 87.
8. Мировая энергетика – новые уравнения геополитики // Международная жизнь. – 2012. – № 10. – С. 115.
9. Дегтярев Д., Мусаев Д. Дипломат, а также « экономист, коммивояжер и рекламный агент» // Международная жизнь. – 2009. – № 2. – С. 92.
10. Коньшев В. Сергунин А. Арктика на перекрестье геополитических интересов // МЭиМО. 2010. – № 9. – С. 28.
11. Щетинин В.Д. Экономическая дипломатия: учеб пособие. – М.: Международные отношения, 2001. – С. 63.
12. Лихачев А. Е. Экономическая дипломатия России. Новые вызовы и возможности в условиях глобализации. – М.: Экономика. 2006. – С.135.

References

1. Dergachev V. Geoeconomics, Kiev, Vira-R, 2002, Kochetov E. Geoeconomics. Overtaking the world economic space, Norma, 2006.
2. Radikhov I., Lexitina Y. Soft power as an attribute of a powerful state // IE and IR, 2012, № 2, p/ 19.
3. Pisarev V. Energy policy. USA and oil and gas resources of the continental shelf, IE and IR, 2012, № 2, p. 19.
4. Baykov N., Bezmeknistina G., Grinkevich R. Prospects of the world power engineering development up to 2030. IE and IR, 2007, № 5, p. 17.
5. Simonya N. Oil in the USA policy. International life. 2008, № 3, p. 55
6. Oleynov A.G. Economica mezhdunarodnich otnosheniy [Economy of international relations] IE and IR, 2011, № 5, p. 28.
7. Fan Tin Tin Energeticheskiy factor vo vneshney politike KNR [Economic factor in foreign policy of CHPR]. IE and IR, 2011, № 8, p. 87.
8. Mirovaya energetika- noviye uravneniya geopolitiki [World power engineering-new geopolitical equations], International Life, 2012, № 10, p.15.
9. Degtyarev D, Musayev D. Diplomat a takzhe " economist, komivoyazher i reklamniy agent" [Diplomat as well as "economist, sales representative and advertising agent"], International Life, 2009, № 2, p. 92.
10. Konishev V. Sergunin A. Arktika na perekrestke strategicheskikh interesov [The Arctic is at the crossing point of strategic interests]. IE and IR, 2010, № 9, p.28.
11. Schetinin V.D. Ekonomicheskaya diplomatiya: uchebnoye posobiye [Economic diplomacy, teaching aid], Moscow, International Relations, 2001, p, 135.
12. Likhachev A.E. Ekonomicheskaya diplomatiya Rossyi. Novye vizovi i vozmozhnosti v usloviyach globalizatsii [Economic diplomacy of Russia. New challenges and possibilities during globalization], Moscow, Economics, 2006, p. 135.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

УДК 94(470+510) "1960/1980"

Балакин В.С., Сяоин Л.

Советско-китайские отношения 1960-х–1980-х гг. в ракурсе дискурсологии

В докладе рассматривается проблема разных дискурсов руководителей СССР и КНР применительно к «пограничному вопросу», «шарским договорам с Китаем» и «равноправия». Анализируется дискурс о «спорных территориях». Раскрывается дискурс китайских и советских руководителей о «мирном сосуществовании». Показан процесс нарастания военно-политической конфронтации между СССР и КНР. Подробно освещается метафора о «трех препятствиях» для нормализации советско-китайских отношений. Освещается политический механизм рассмотрения руководителями спорных вопросов взаимоотношений между СССР и КНР. Идеологический дискурс о эпохи Н.С.Хрущева сравнивается с нормативными высказываниями эпохи Л.И.Брежнева. Анализируются события середины-конца 1970-х гг., когда обострение советско-китайских отношений достигло пика. Рассматриваются конкретные требования КНР, например, отвод советских войск из Монголии и отказ от поддержки «агрессии» Вьетнама в Кампучии, которые и обозначались в политическом дискурсе КНР как «препятствия» для нормализации отношений с СССР. Также освещается политический дискурс о «социалистическом характере» общественного строя в КНР и СССР. Обосновывается положение о том, что точкой отсчёта в формировании новой позиции Советского Союза по вопросам восточной политики явились заявления М.С. Горбачева о новом политическом мышлении для СССР и для всего мира. Показано, что ключевым событием для улучшения советско-китайских отношений стал вывод советских войск из Афганистана. Сделан вывод, что только дискурс «нового политического мышления» позволил преодолеть препятствия для нормализации советско-китайских отношений.

Ключевые слова: дискурс, советско-китайские отношения, «пограничный вопрос», равноправие, «гегемонизм», «три препятствия».

Сяоин Лу, аспирантка, Южно-Уральский университет, yingema@126.com

Балакин Виктор Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, ЮУрГУ (Челябинск), 2679101@mail.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Во второй половине 1950-х годов советско-китайские отношения начали ухудшаться, сначала только в идеологической сфере. Между Коммунистической партией Советского Союза (КПСС) и Коммунистической партией Китая (КПК) возникла острая дискуссия по вопросам построения социализма и коммунизма. Дискурс о «проблеме границ» на официальном уровне в этот период отсутствовал. В соответствии с договором о дружбе, союзе, и взаимной помощи (1950 г.) советско-китайская граница трактовалась как граница добрососедства, где между населением пограничных районов поддерживались активные связи, велась оживленная торговля, был налажен культурный обмен. Однако с начала 1960-х годов дискурс о пограничном вопросе у советских и китайских лидеров превращается в основную тему.

В некоторых китайских публикациях утверждалось, что «китайско-советская война» началась с событий 1962 года, когда из Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая в Советский Союз бежали несколько десятков тысяч человек. Однако специальная комиссия во главе с начальником генерального штаба НОАК Ло Жуйцином в том же 1962 году пришла к выводу, что исход людей в СССР был стихийным и никакие советские учреждения не имели к этому никакого отношения [7, с. 242]. В марте 1963 года в статье, опубликованной в газете «Женьминь Жибао» уже утверждалось, что так называемые «царские договоры» (Айгунский 1858 г. и Пекинский 1860 г.) являются неравноправными. Такие сло-

ва на взгляд Москвы были основой для претензий КНР на территории Советского Союза. Этот дискурс вел не только к обострению идеологических споров, но и к территориальным конфликтам.

Переговоры по урегулированию пограничных вопросов были начаты в феврале 1964 года. Н.С. Хрущев поддержал предложение Лю Шаоци и согласился в ходе переговоров, по-новому разграничить острова, сделав границей главный фарватер судоходной или середину несудоходной реки. Ранее по договорам XIX века все острова, расположенные на реках, принадлежали России.

Однако, в ходе пограничных переговоров выявились более глубокие противоречия. Точка зрения советской стороны заключалась в том, что между двумя странами нет пограничных проблем, так как советско-китайская граница оформлялась еще в XIX веке. Китайская сторона доказывала, что все договоры между императорской Россией и Китаем были неравноправными. Советская сторона определяла эти требования как «абсурдные» [1, с. 434]. Руководство КНР не требовало немедленно вернуть спорную территорию, но оно настаивало на обсуждении этой проблемы. Эти переговоры затянулись почти на 30 лет.

Северным соседом КНР является Монголия. Монголия в эти годы была союзником СССР, и принимала военную защиту от Советского Союза. С начала китайско-советского раскола, Монголия поддержала Советский Союз и разрешила развертывание советских войск на своей

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

территории, что привело к негативной реакции со стороны Китая. Китайские руководители говорили об объединении Внешней и Внутренней Монголии в составе КНР. Из Москвы отвечали, что судьба монгольского народа должна определяться не в Пекине и не в Москве, а в Улан-Баторе. С 1963 года Москва не только усилила военное присутствие на советско-китайской границе, но оказывала еще большую военную помощь Монголии. В июле этого же года Советский Союз заключил с Монголией специальное соглашение о помощи в укреплении южной границы. Эти события усилили опасения Китая, и привели к так называемому «препятствию» для улучшения взаимоотношений с СССР.

Кульминацией противодействия двух стран были кровопролитные военные стычки на острове Даманском (китайское название Чженьбаодао) на реке Уссур и у озера Жаланашколь (в Китае конфликт известен как инцидент у реки Теректы) в 1969 году. После этого СССР по мнению КНР развернул на советско-китайской и монгольской границе «многомиллионную армию». Это в свою очередь еще больше осложнило отношения с КНР. Китайская сторона переходит к новой дипломатической стратегии создания «единого широкого фронта», то есть блокирования с США против СССР.

11 сентября 1969 года идея «нормализации советско-китайских отношений» обсуждалась между советским и китайским премьер-министрами в пекинском аэропорту. Премьер-

министр СССР А.Н. Косыгин сказал, что руководство СССР считает необходимым, принять все меры для улучшения советско-китайских отношений. Премьер-министр КНР Чжоу Эньлай подчеркнул, что спор о марксизме-ленинизме между КНР и СССР не должен препятствовать нормализации китайско-советских отношений [2, с. 320–321]. После этой встречи были восстановлены пограничные переговоры и торговые связи. Позже премьер-министры также обменялись письмами. В ответном письме Чжоу Эньлай Н.А. Косыгин предложил меры по нормализации ситуации на границе. В октябре 1969 г. возобновились переговоры по пограничным вопросам. Однако китайская сторона доказывала существование серьезной военной угрозы со стороны СССР и готовилась к возможному «масштабному вторжению СССР» [4, с. 453].

В начале 1970-х годов китайское руководство сформировало дискурс о «спорных территориях» и предложило заключить промежуточное соглашение, в котором были бы зафиксированы положения о статус-кво на границе. Однако, советское руководство считало, что предлагаемая линия границы проведена произвольно, и не подтверждена какими-либо документами. 26 ноября 1974 года, характеризуя позицию китайской стороны Л.И. Брежнев заявил о том, что «мы не претендуем ни на какие чужие территории, и в этом смысле для нас никаких «спорных территорий» не существует [12, с.807]. В ответ на это последовало ряд заявлений Хуа Гофэна, общий смысл которых сводился к опре-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

делению Советского Союза «главным очагом новой мировой войны» [8]. 3 апреля 1979 года постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей принял решение не продлевать Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Китаем и Советским Союзом заключённый в 1950 году. Министр иностранных дел КНР Хуанхуа на встрече с посолом СССР в КНР И.С. Шербаковым сообщил об этом решении советской стороне, и вновь подтвердил неуклонную позицию китайского правительства развивать китайско-советские нормальные отношения на основе пяти принцип мирного сосуществования [9]. Однако в СССР дискурс о «пяти принципах» содержал метафору о том, что они основа для взаимоотношений между СССР и капиталистическими странами. С социалистическими странами, по мнению СССР отношения должны строиться на основе «братской помощи и сотрудничества».

7 апреля в газете Правда была опубликована статья И. Александра «Вопреки интересам мира и социализма». В статье утверждалось, что договор, выражал волю народов обеих стран крепить и развивать единство действий в интересах социализма и мира, давал отпор империалистической агрессии, был ярким символом союза победившего социализма с революционным движением угнетённых народов Востока. Автор не соглашался с мнением, пекинских руководителей о том, что договор является устаревшим, не отвечает реальной действительности. Гипербо-

лами также были обвинения китайского руководства в том, что они предали социализм, и установили тесную связь с капиталистическими странами и реализуют военное блокирование, на основе антисоветизма, с империализмом, сторонниками реакции и войны. Советская сторона заявляла, что вся ответственность за прекращение действия Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР ложится на китайскую сторону, и разумеется СССР, сделает соответствующие выводы из указанных действий китайской стороны [4]. 17 апреля 1979 года китайская сторона свой ответ опубликовала в статье под названием «Почему Москва метала громы и молнии?» В статье утверждалось, что в первой половине 1950-х годов, договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР способствовал безопасности КНР и СССР их дружбе, защищал мир на Дальнем Востоке, способствовал прогрессу человечества. Но после того как «мирная обстановка сильно изменилась из-за нарушения советской стороной его смысла и содержания», этот договор существовал только на словах, и Китайская сторона решила не продлевать договор по истечении срока. По мнению китайского, правительства, договор заключили суверенные государства, и не продлевать договор внутреннее дело КНР, а Москва не имеет права угрожать КНР. Кроме этого китайское руководство формирует новый дискурс о «гегемонизме» СССР [10].

29 августа 1979 года политбюро ЦК КПК созвало специальное собрание, на котором обсужда-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

лась проблема переговоров между КНР и СССР. На собрании Дэн Сяопин сказал, что главной целью на переговорах является задача снизить уровень военной угрозы со стороны СССР. Он впервые сконструировал дискурс «препятствий» на пути к улучшению взаимоотношений между СССР. Конкретными требованиями по устранению препятствий были отвод войск из Монголии и отказ от поддержки агрессии Вьетнама в Кампучии [11, с. 8].

3 ноября 1978 года, после завершения советско-вьетнамских переговоров, СССР и Вьетнам заключили договор о дружбе и сотрудничестве. Но по мнению китайской стороны, этот договор носил характер военного союза. Вооружённый кампучийско-вьетнамский конфликт продолжался с 1975 по 1989 год. Конфликт состоял из двух этапов — пограничной войны между странами (1975–1978) и гражданской войны в Кампучии при активном участии вьетнамской армии (1979–1989). 25 декабря 1978 года, Вьетнамская армия вошла на территорию Кампучии, 7 января 1979 года эти войска захватывала столицу Кампучии Пномпень. Эта военная деятельность вызвала противодействие с китайской стороны. Между СССР и Вьетнам были союзнические отношения и военное сотрудничество. Поэтому Советский Союз оказал Вьетнаму помощь снаряжением, оружием и стратегическими ресурсами. Китайское руководство считало, что армии враждующих стран могут перенести вооруженные столкновения на их границу. В конце концов, китайское правительство решило осуще-

ствить «войну самозащиты и отпора». Цель этой войны заключалась в «сдерживание расширения» Советского Союза.

Таким образом, враждебная атмосфера между двумя странами вновь усилилась. Однако в июне 1979 года обе стороны договорились провести переговоры на уровне зам. министров иностранных дел по нерешённым между СССР КНР вопросам. Такие переговоры состоялись 17 октября 1979 года в Москве. На переговорах советская сторона предложила проект Советско-китайской декларации по взаимоотношениям. Китайская сторона также предложила документ об улучшении китайско-советских отношений. Китайская сторона требовала снизить военную угрозу, уменьшить «военную силу» в пограничном районе до уровня 1964 года, отвести войска и военное оборудование из Монголии, прекратить поддержку Вьетнама в Кампучии. Китайская сторона в официальном порядке впервые сформулировала принцип «препятствий» на пути к улучшению советско-китайских отношений.

По мнению советской стороны, все вопросы, которые китайская сторона предложила к обсуждению касались третьих стран и поэтому «они должны с ними и обсуждаться». Также отмечалось, что у Советского Союза нет намерения угрожать Китаю вооружёнными силами. Таким образом, у КНР и СССР выявились большие разногласия и переговоры закончились безрезультатно.

27 декабря 1979 года в Афганистан был введен ограниченный контингент вооружённых сил

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

СССР. 20 января 1980 года представитель пресс-службы МИД КНР официально сообщил о том, что порицает вторжения СССР в Афганистан, так как создается новое «препятствие» для нормализации отношений между СССР и КНР. Китайское руководство посчитало, что оформляется военное окружение Китая на Юге и Западе. Одновременно появилась формулировка о «трех» препятствиях на пути улучшения советско-китайских отношений.

В начале 1980-х годов советское руководство предприняло попытку активизировать отношения с Китаем. 24 марта 1982 года Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев во время визита в Ташкент заявил о том, что СССР не ставит под сомнение социалистический характер Китая и хотел бы развивать отношения с ним без предварительных условий и не в ущерб третьим странам. Дэн Сяопин выразил мнение китайской стороны. Он сказал о том, что если СССР хочет серьезного улучшения отношений с КНР, то должен добиваться это делами, а не словами. Под делами китайское руководство подразумевало решение вопроса о трёх препятствиях. После обмена мнениями пограничные переговоры на уровне зам. министров иностранных дел снова начались в октябре 1982 года.

С октября 1982 года до июня 1988 года, переговоры продолжались 12 раундов. Положение о трех препятствиях на пути улучшения советско-китайских отношений, предложенные китайской стороной, являлись ключевым вопросом. При этом Китай считал, что СССР продолжает наращи-

вать в Восточной Азии свое военное присутствие.

В марте 1985 года Генеральным секретарём ЦК КПСС становится М.С. Горбачёв. Точкой отсчёта в формировании новой позиции Советского Союза по вопросам восточной политики явились заявления М.С. Горбачева о новом политическом мышлении для СССР и для всего мира. В соответствии с этой концепцией он предложил до конца нынешнего столетия выполнить программу мероприятий, направленную на полную и повсеместную ликвидацию ядерного и других видов оружия массового поражения и рассмотреть вопрос о поэтапном выводе советских войск, находящихся в Афганистане. На наш взгляд принципиальную важность имело и другое утверждение М.С. Горбачева. В своей книге он писал, о том, что «Нельзя переносить идеологические разногласия в сферу межгосударственных отношений, подчинять им внешнюю политику, ибо идеологии могут быть полярными, а интерес выживания, предотвращения войны является всеобщим и высшим» [5, с.146.] Вряд ли можно согласиться с утверждением о том, что по существу, в предложенном Горбачёвым дискурсе о новом политическом мышлении было мало нового. В этой связи отметим, что в книге М.С. Горбачева, в разделе, посвященном странам социализма, впервые содержалась весомая критика внешней политики СССР. Он подчеркивал, что «Мы откровенно и самокритично оценили прошлое развитие и взяли на себя свою долю ответственности за то, что не по-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

лучилось в социалистическом мире» [6, с. 175].

28 июля 1988 года М.С. Горбачёв в речи во Владивостоке сказал, что в настоящее время СССР с руководством Монгольской народной республикой рассматривает вопрос о выводе значительной части советских войск из Монголии. По отношению к КНР, он сказал, что советское правительство хотело бы совместно разработать межправительственное соглашение о границах по р. Амур, которая могла бы проходить по его главному фарватеру. По вопросу Афганистана, он подчеркнул, что Советский Союз готов вернуть домой советские войска, находящиеся в Афганистане по просьбе его правительства. По вопросу о Кампучии, он заявил, что эта ситуация зависит от нормализации китайско-вьетнамских отношений. Эти идеи М.С. Горбачева отвечали почти все вопросы, которые заботили китайское правительство. Затем Советский Союз начал постепенно отводить войска из Монголии и Афганистана. Безусловно, слова и поступки советских руководителей благоприятствовали построению взаимного стратегического доверия между СССР и КНР. Это доверие было важной причиной и основанием быстрого улучшения и развития советско-китайских отношений.

В начале декабря 1988 года СССР посетил Министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь. Это был первый визит китайского министра иностранных дел в СССР с 1957 года. Цянь Цичэнь заявил о том, что надо форсировать вывод войск Вьетнама из Кампучии. Советская сторона

выразила своё согласие о необходимости решения проблемы Кампучии. Когда Цянь Цичэнь закончил свой визит, он заявил, что нормализация советско-китайских отношений началась. В феврале 1989 года Э.А. Шеварднадзе (министр иностранных дел СССР) прибыл с визитом в Пекин. Итоги визита позволили конкретизировать многие важные аспекты предстоящих советско-китайских переговоров на высшем уровне, определилась и дата визита М.С. Горбачёва в Китай – 15-18 мая 1989 года

14 мая 1989 г. М.С. Горбачёв отбыл из Москвы в Пекин с официальным визитом по приглашению Председателя КНР Ян Шанкуня. 16 мая 1989 г. в здании Всекитайского собрания народных представителей состоялась беседа М.С. Горбачёва с Дэн Сяопином. Это был социокультурный дискурс нового типа.

Дэн Сяопин и М.С. Горбачёв отметили, что отношения между двумя государствами и партиями нормализованы. Дэн Сяопин сказал, «что в течение долгого времени существовало обострение международного положения и центральной проблемой мира были советско-американские отношения. Но путь решения – переход советско-американских отношений от конфронтации к диалогу. Это надежда всего человечества. Он также подчеркнул, что китайский народ тоже хотел улучшить отношения с СССР. Решающим фактором этого процесса является равноправие между странами» [3, с. 453].

М.С. Горбачёв и Дэн Сяопин обменивались мнениями о судь-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

бе социализма, о его теоретических основах, необходимости учёта национальной специфики каждой страны. Они согласились с тем, что не может быть единой модели, единого стандарта нового общества. Советско-китайская встреча на высшем уровне знаменовала преодоление дискурса «трех препятствий» на пути к улучшению отношений между Советским Союзом и Китаем.

Таким образом, советско-китайский дискурс в XX веке содержал разные метафоры, гиперболы и сравнения. Эти отно-

шения не были только борьбой за установление «равноправия» в условиях конфронтации и непонимания. Больше это была история взаимоотношений, двух дискурсов, поиск диалога в рамках современной картины мира. Сегодня между Россией и КНР отсутствуют взаимные территориальные претензии и к этому удалось прийти на основе единого понимания глобальных проблем и национальных интересов. Для этого пришлось принять дискурс М.С. Горбачева об отделении межгосударственных отношений

Библиографический список

1. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. 1945–1977. Изд. 2-е, доп. – М.: Мысль, 1977. – 582 с.
2. Биография Чжоу Эньлая в хронологической последовательности 1949–1976. – Пекин: Документальное исследование кабинета ЦК КПК, 2010. – С. 320–2153 с.
3. Визит Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР М.С. Горбачёва в Китайскую Народную Республику, 15–18 мая 1989 г.: Документы и материалы. – М.: Политиздат, 1989. – 61 с.
4. Александров И. Вопреки интересам мира и социализма // Правда. – 1979, – 7 апреля.
5. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. – М.: Политиздат, 1987. – 271 с.
6. Горбачев М.С. Указ. Соч.
7. Галенович Ю.М. Взгляд на Россию из Китая. Прошлое и настоящее России и наших отношений с Китаем в трактовке китайских ученых. – М.: Время, 2010. – 304 с.
8. Жэньминь жибао. – 1976. – 21 апреля.
9. Жэньминь Жибао. – 1979. – 4 апреля.
10. Жэньминь Жибао. – 1979. – 17 апреля.
11. Ма Сюйшен. Мое участие в процессе нормализации китайско-советских отношений // Столетняя волна, 1999. – № 4. – С. 8–14.
12. О внешней политике КПСС и Советского государства [Текст]: Речи и статьи / Л. И. Брежнев. – 2-е изд., доп. – Москва: Политиздат, 1975. – 879 с.
13. Шень Чжихуа, История китайско-советских отношений. – Пекин: Шэхуйкэсюе издательство, 2014. – 489 с.

УДК 94(470) «1941/1945»

Сибиряков И.В.

Героическая оборона советского Севастополя: некоторые особенности официального дискурса в условиях войны

В докладе проанализированы материалы двух сборников документов, посвященных обороне Севастополя в 1941–1942 гг., изданных в СССР в ходе Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. С помощью дискурс-анализа, сравнительно-исторического и ретроспективного методов выявлены основные образы, которые использовались в рамках официального дискурса в условиях войны. К числу системообразующих для официального дискурса образов отнесены: образ И.В. Сталина, образ мужественных защитников города, самостоятельный образ Севастополя, выступающего в качестве примера для других городов страны. Особое внимание в статье уделено проблеме трансформации официального дискурса, которая произошла в рамках исследуемого периода, выявлены некоторые факторы, которые могут объяснить механизм этой трансформации и ее основные направления. Автору удалось доказать, что совершенно особую роль в официальном дискурсе «героической обороны советского Севастополя» играла историческая составляющая, которая проявилась в первую очередь через сопоставление военных действий в Севастополе в 1854–1855 и 1941–1942 гг.

Ключевые слова: дискурс, героическая оборона, культурно-историческая память, Севастополь.

Сибиряков Игорь Вячеславович,
Россия, Южно-Уральский государственный университет, профессор

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №15-01-00219

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Проблемы анализа официального дискурса в условиях войны в начале XXI в. неожиданно для многих обрели в России особую актуальность. Политологи, социологи, культурологи, специалисты в области других гуманитарных наук вынуждены признать, что «старые» = «новые» («военные»)

устойчивые языковые конструкции входят в социальную ткань повседневной жизни российского общества «всерьез и надолго». Они уже не только отражают очень важные изменения, которые происходят во внутренней и внешней политики российского государства, в общественном сознании и психологии, но и во многом формируют траектории этих изменений.

В XX в. Россия неоднократно участвовала в различных военных конфликтах. Дискурсивные практики, которые формировались в годы войны, уже были предметом лингвистических, культурологических, исторических исследований [1]. Тем не менее, специфика официального дискурса в условиях войны по-прежнему остается недостаточно изученной профессиональными историками проблемой.

Ее дальнейшее исследование способно углубить научные представления о механизме формирования и роли такого дискурса, особенностях его восприятия в различных группах населения и направлениях эволюции. Решение этих задач в свою очередь позволит лучше анализировать многие конкретно-исторические процессы и явления, связанные с политиче-

ской, интеллектуальной, культурной историей страны XX в.

Выбор в качестве предмета исследования сюжетов, связанных с героической обороной Севастополя в 1941–1942 гг. объясняется целым комплексом факторов. Во-первых, оборона Севастополя стала очень важной военной компанией, повлиявшей на ход боевых действий не только на юге страны и не только в 1941г. Масштабы этого сражения позволяют поставить его в ряд крупнейших сражений Великой Отечественной войны. Именно такие сражения оказывали наиболее существенное воздействие на процессы восприятия войны широкими слоями населения, на формирование культурной памяти о войне. Во-вторых, события, происходившие в Севастополе в 1941–1942 гг. неоднократно привлекали внимание со стороны высшего политического руководства страны, которое давало оценки этих событий, формируя ключевые элементы официального дискурса и наиболее значимые линии восприятия таких событий в общественном сознании. В-третьих, оборона Севастополя стала важным элементом не только военно-политического, но и идеологического, духовного противостояния Советского Союза и Германии, жесточечность которого позволила выявить некоторые дискурсивные практики, носившие прежде латентный скрытый характер. В-четвертых, в ходе первого этапа Великой Отечественной войны многие дискурсивные практики проявлялись наиболее ярко, как

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

в силу кризисного характера развития ситуации, так и в силу неустойчивости нового официального дискурса.

Главными источниками для изучения особенностей официального дискурса в период обороны Севастополя стали два сборника документов и материалов, изданных соответственно в 1942 и в 1946 годах. Первый сборник получил название «Героический Севастополь» и включал в себя материалы, напечатанные в центральных и региональных газетах, в 1941–1942 гг. [2]. Второй сборник назывался «Героическая оборона Севастополя» и представлял собой собрание документов и материалов, составленное Крымской комиссией по истории Великой Отечественной войны [3].

Среди основных материалов сборников можно выделить 7 главных типов представленных документов. Это: высказывания И.В. Сталина, сводки советского информационного бюро, статьи некоторых руководителей обороны Севастополя, материалы, подготовленные главным политуправлением РК ВМФ, публикации корреспондентов газет «Правда», «Красный Флот», «Красный Крым» и др., рассказы профессиональных советских литераторов и непосредственных участников обороны. Каждый из этих документов играл свою роль в формировании официального дискурса, они находились между собой в особых, не всегда очевидных взаимоотношениях, оказывали друг на друга прямое или опосредованное воздействие.

Первые бомбардировки Севастополя начались уже 22 июня 1941 г. Осенью 1941 г. боевые действия проходили в непосредственной близости от города. Важную роль в организации обороны Севастополя сыграл городской комитет обороны. 30 октября 1941 г. комитет выпустил специальное обращение, в тексте которого появились некоторые сюжеты и устойчивые языковые конструкции, ставшие ключевыми элементами нового официального дискурса. «За нашу родную землю, за нашу республику, наш любимый город, мы будем драться так же, как сражались славные патриоты, герои исторической Севастопольской обороны, драться упорно и ожесточенно до последней капли крови», – говорилось в обращении. Его авторы, безусловно, пытались продемонстрировать историческую взаимосвязь первой и второй обороны Севастополя, настроить жителей города на ожесточенное и длительное противостояние, в котором им предстояло защитить «родную землю» и «любимый город». В текст обращения была включена цитата из выступления И.В. Сталина 3 июля 1941 г., где утверждалась необходимость того, что бы в наших рядах «не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, что бы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу отечественную освободительную войну против фашистских поработителей». Примечательно, что обращение заканчивалось призывом городского комитета

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

обороны «еще теснее сплотиться вокруг большевистской партии, вокруг своего любимого вождя и учителя товарища Сталина!» В обращении выражалась уверенность в том, что под знаменем «ленинско-сталинской партии, под руководством великого Сталина мы отстоим нашу родину, наш родной Крым, наш любимый город от немецко-фашистских захватчиков» [3, с. 12–13].

3 ноября 1941 г. в газете «Красный Крым» было опубликовано обращение военного совета Черноморского флота, подписанное командующим Черноморским флотом, вице-адмиралом Ф.С.Октябрьским и рядом других членов военного совета. Обращение открывалось признанием того факта, что «Врагу удалось прорваться в Крым. Озверевшая фашистская свора гитлеровских бандитов, напрягая все свои силы, стремится захватить с суши наш родной Севастополь – главную базу Черноморского флота». В качестве основной задачи для черноморцев авторы обращения назвали сплочение своих рядов «для разгрома врага на подступах к Севастополю!» В обращении был включен призыв: «Не допустим врага к родному городу!» В обращении были названы фамилии моряков, летчиков, разведчиков, прославившихся в ходе боевых действий. Авторы обращения подчеркивали, что «их подвиги зовут нас на новые победы, на новые героические дела во славу Родины» [3, с. 13–14].

Как показывают материалы сборника «Героический Севастополь» на страницах газет, издававшихся тогда в Москве и в Крыму, было приведено много примеров реального героизма и мужества, проявленных защитниками Севастополя в первые месяцы обороны. О таких подвигах писали ст.политрук М. Когут, интендант третьего ранга Л.В.Соловьев, фронтовой кинооператор В.В. Микоша и др. Публикации этих авторов отличались ярким образным языком, особым эмоциональным настроением. Например, В.В. Микоша в статье «Севастопольцы» писал: «Разве могут понять тупые пьяные фашистские скоты психологию бойца-защитника Севастополя, героически жертвующего собственной жизнью во славу Родины? Разве могут они понять краснофлотца, опоясанного минными коробками и бросающегося под тяжелый танк, чтобы, взрывая себя, уничтожить прорвавшуюся к городу вражескую машину? Нет! Подобных подвигов не знал мир, таких сынов не знала ни одна страна» [2, с. 33].

Речь официальных руководителей обороны Севастополя была в этот период более сдержанной и рациональной. Так 30 апреля 1942 г. один из руководителей обороны Севастополя генерал-майор И.Е.Петров в статье «Шесть месяцев обороны Севастополя» так объяснял успех этой обороны: «Она строится на удачном сочетании сухопутной обороны с береговой, на тесном взаимодействии наземных войск с полевой, бе-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

реговой и корабельной артиллерией, с авиацией Черноморского флота. В своих боевых действиях наши части опираются на существовавшие раньше и возникшие в ходе войны различные инженерные сооружения. Сумма усилий всех родов войск и делает оборону города неприступной!»

Но постепенно ситуация на линии фронта стала меняться. Гитлеровские войска подходили все ближе к городу, и возможность его потери стала очевидной уже для многих. Постепенно стал меняться и официальный дискурс. В материале «Героический Севастополь», подготовленном главным управлением РК ВМФ, после 8 месяцев обороны Севастополя говорилось: «Черноморцы воздвигли железную нерушимую стену, о которую разбился первый натиск врага Последующие отчаянные попытки немецких фашистов и их румынских прихвостней сломить защитников Севастополя так же оканчиваются позорным провалом». Показательно, что среди главных причин этого успеха фигурировали: исторические традиции («короткая память у немецких наглецов, забыли они о том, что наши войны – это потомки матросов Нахимова, правнуки Суворова и Кутузова, и в обороне они знают лишь одно правило: «Стоять на смерть...») и беззаветная преданность «непобедимому делу Ленина-Сталина», (которая с точки зрения авторов материала воодушевляла «людей на легендарные подвиги»). Авторы данного

текста подчеркивали и особое значение обороны Севастополя для судьбы страны в целом. «Самоотверженная борьба севастопольцев служит примером для всей Красной Армии, для всего советского народа» [2, с. 3].

Автор текста «Славная черноморская крепость» вице-адмирал Ф.С.Октябрьский, отвечая на вопрос о роли севастопольской обороны в истории войны, подчеркивал, что немцы «не могли, оставляя у себя в тылу такую сильную морскую базу, как Севастополь, уверенно организовывать бросок с Керчи на Тамань», не могли рассчитывать на возможность «значительных операций на Черном море». Однако обращает на себя внимание ироничный тон некоторых сюжетов данной публикации, которая увидела свет в апреле 1942 г. Как писал вице-адмирал Ф.С. Октябрьский: «Конечно, можно потопить Черноморский флот пером какого-нибудь геббельсовского дурачка, но, как известно, наши корабли по-прежнему надежно охраняют наши черноморские границы» [2, с. 7].

Следует подчеркнуть, что многие материалы лета 1942 г., посвященные обороне Севастополя, то же имели очень важную историческую составляющую. Так И.Е. Петров в своей статье «Севастополь сражается» писал: «86 лет назад каждый месяц обороны Севастополя был приравнен к году. Теперь к году должен быть приравнен каждый день. Сила и густота огня, который обрушивается на город неприятель, превосходит

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

все, что знала до сих пор военная история Города почти нет. ...Он разрушен. Но есть другой, главный Севастополь, ... город адмирала Нахимова и матроса Кошки, хирурга Пирогова и матроской дочери Даши. Сейчас это город моряков и красноармейцев, из которых просто невозможно кого-нибудь выделить, поскольку все они герои...» [2, с.63]. Появление образа «другого», «главного» Севастополя в статье И.Е. Петрова представляется нам очень важным показателем того, что в официальном дискурсе появились конструкции, призванные в дальнейшем объяснить возможную утрату города.

Об особой роли именно простых защитников Севастополя писал в своем материале «Севастополь в эти дни» Б.Войтехов. «Конечно, надо знать имена и фамилии всех людей, которые через несколько часов или минут после сварки снова дают городу свет, пищу и связь и т.д. Пока же именами и фамилиями этих людей служат их дела...» [2, с. 67].

Еще более ярко исторические параллели и взаимосвязи двух военных компаний показал в своем материале «На Малаховом кургане» старший политрук М.Когут. Он писал: «... Здесь погиб славный организатор севастопольской обороны вице-адмирал ... Корнилов. Бойцы остановились у памятника герою. Перед ними встал образ Корнилова, патриота своей родины, который умирая, приказал: «Отстаивайте Севастополь!» Как живые, встают забываемые

образы героев Севастопольской обороны. И хотя краснофлотцы молчали, но лица их выражали уверенность и твердость. «Мы отстоим Севастополь», - сказал один из краснофлотцев. – «Не бывать фашистам в нашем Севастополе», – подтвердил лейтенант Матюхин» [2, с. 69].

Наиболее совершенным с литературной точки зрения из материалов, включенных в сборник «Героический Севастополь», на наш взгляд, был очерк И.Эренбурга «Севастополь». Именно в нем наиболее ярко с художественной точки зрения была выражена основная мысль сборника, которая интегрировала почти все его материалы в некую общую единую идеологически-духовную конструкцию. «Севастополь – не просто город. Севастополь – это слава России и это гордость Советского Союза». Не отвергая рациональные военные аргументы, объясняющие «Севастопольское чудо» И. Эренбург обращал особое внимание на отвагу советских воинов. Он писал: «есть одно объяснение чуду под Севастополем» – это мужество.

В тексте И. Эренбурга оборот «чудо» использовался неоднократно, порой в очень показательном контексте. «Чудом уцелевший памятник Ленина смотрит на пожарище, - писал И. Эренбург. – Статуя выстояла, как душа нашей Родины».

Вместе с тем И. Эренбург уже понимал, что соотношение военных сил было не в пользу защитников города. Не случайно в его рассказе прозвучала

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

парадоксальная на первый взгляд мысль: «Чем бы ни кончилась неравная борьба за развалины города, – это победа советского оружия».

И. Эренбург. Затронул тему взаимосвязи событий, происходивших в Севастополе, и боевых действий на других фронтах войны. «Героизм севастопольцев придает силы Красной Армии, – писал И. Эренбург, – которая теперь на полях Центральной России и Украины отбивает атаки ненавистного врага. «Будем драться как севастопольцы», – говорят бойцы на Харьковском и Курском направлениях». «Будем драться, как севастопольцы», – скажут завтра солдаты второго фронта», – считал И. Эренбург [2, с. 87].

Обращает на себя внимание и то, какими словами авторы материалов, помещенных в сборниках, описывали противника, рвущегося к городу. «Умалишенные немцы», «гитлеровские авантюристы», «полчища немецко-румынских захватчиков» – это далеко не полный перечень тех дискурсивных конструкций, которые использовались для создания образа врага.

В обращении «К героическим защитникам Севастополя», которое 9 июня 1942 г. подписали: военный совет Черноморского Флота, командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский и член военного совета Черноморского флота, дивизионный командир Н.М. Кулаков было сказано: «Тупоголовое гитлеровское зверье хочет деморализо-

вать нас бессмысленным, методическим разрушением нашего города-героя и убийством наших детей, жен и стариков». Авторы обращения были вынуждены признать, что врагу удалось потеснить советские войска «на ограниченном участке фронта». Но тут же подчеркивали, что «у нас есть все необходимое для разгрома третьего натиска фашистских полчищ, достаточно сил и техники, чтобы заставить врага захлебнуться в его собственной поганой крови и в этом наступлении». Объясняя природу мужества и героизма защитников Севастополя, авторы обращения писали: «Севастопольцы не знают страха перед врагом, потому что они борются за честь своей родины, за право свободно жить на своей земле, за освобождение от фашистского рабства своих отцов, матерей, своих жен и детей». Обращаясь к героям Севастополя, авторы обращения подчеркивали важность происходящих в Севастополе событий для всей страны, для всего мира. «За нашей борьбой следит Родина, следит весь мир.... Ни шагу назад! Не пропустим врага к городу! Не опозорим славы защитников Севастополя». Показательно, что обращение заканчивалось словами: «Да здравствует наша Родина! Да здравствует наш родной товарищ Сталин!» [2, с. 88–89].

Через несколько дней И.В. Сталин сам обратился к защитникам Севастополя. Он, в частности, писал: «Горячо приветствую доблестных защитников Севастополя – красноармей-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

цев, краснофлотцев, командиров и комиссаров, мужественно отстаивающих каждую пядь советской земли и наносящих удары немецким захватчикам и их румынским прихвостням. Самоотверженная борьба севастопольцев служит примером героизма для всей Красной Армии и советского народа. Уверен, что славные защитники Севастополя с достоинством и честью выполнят свой долг перед Родиной» [3, с. 6–7].

Телеграмма И.В. Сталина стала одним из последних документов, посвященных героической обороне Севастополя, получивших широкое распространение в стране летом 1942 г., и отразивших некоторые важные особенности официального дискурса. Формально обращенная к вице-адмиралу Октябрьскому и генерал-майору Петрову, реально она, безусловно, имела гораздо более широкий круг адресатов. К лету 1942 г. сформировалась уже определенная традиция создания такого рода текстов, которую данное обращение не нарушило. Если проанализировать этот сталинский текст сегодня с учетом дальнейших событий, произошедших в стране и в мире, то, на наш взгляд, есть возможность увидеть несколько значимых, для понимания официального дискурса эпохи войны, сюжетов. Во-первых, в тексте обращения нет прямого упоминания о коммунистах, которые бы могли сыграть особую роль в организации обороны Севастополя. Комиссары, упомянуты в обращении лишь после крас-

ноармейцев, краснофлотцев и командиров, что может свидетельствовать о снижении статуса этого института в условиях ожесточенных боев лета 1942 г. Во-вторых, упоминание о «румынских прихвостнях», по нашему мнению, совершенно не случайно. Такого рода конструкция позволяла объяснить существенное преимущество врага в живой силе, которое особенно ярко проявилось под Севастополем летом 1942 г. В-третьих, И.В. Сталин подчеркивал, что помимо военных задач под Севастополем решаются и задачи политические, воспитательные, которые имеют не меньшее, а при определенных обстоятельствах и большее значение. Именно поэтому севастопольцы – это «пример героизма для всей Красной Армии и советского народа». В-четвертых, завершая свое обращение к защитникам Севастополя выражением уверенности, что они выполнят «свой долг перед Родиной» И.В. Сталин не конкретизировал, в чем этот долг реально должен был состоять в июне 1942 г. В обращении нет ответа на вопрос: должны ли защитники города стоять до последнего солдата и матроса или они должны нанести врагу максимальный урон и покинуть осажденный Севастополь? Очевидно, что такая конструкция текста была избрана не случайно. Наполнение категории «долг перед Родиной» реальным практическим содержанием должно было произойти в ходе боевых действий, любой исход которых мог быть соответствующим.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

щим образом трансформирован в ту или иную формулу практической реализации этого долга. Именно неопределенность официального политического дискурса является главным условием его политической эффективности. Возможность в дальнейшем выгодно для себя интерпретировать собственные высказывания, сделанные в очень трудной запутанной социально-политической или военной обстановке, является обязательным компонентом политических и социальных практик великих государственных деятелей. Так как, в СССР именно взгляды, оценки и суждения, публично высказанные И.В. Сталиным, приобретали характер идеологическо-пропагандистской матрицы, то следует признать, что в основу официального дискурса героической обороны Севастополя в 1941–1942 гг., который просуществовал еще много лет, легло именно его обращение, высказанные в нем идеи и легитимизированные образы наши свое отражение и в неофициальном дискурсе, одним из проявлений которого стали музыкальные произведения, посвященные «севастопольской теме», и созданные в годы Великой Отечественной войны [5].

Последним материалом, посвященным обороне Севастополя, и размещенным в сборнике «Героический Севастополь» стал материал «250 дней героической обороны Севастополя». Он представлял собой сообщение Совинформбюро и имел подзаголо-

вок «Наши войска оставили Севастополь».

Сообщение открывалось очень важной констатацией: «По приказу Верховного командования Красной Армии 3 июля советские войска оставили город Севастополь. В течение 250 дней героический советский город отбивал бесчисленные атаки немецких войск.... Основная задача защитников Севастополя сводилась к тому, чтобы как можно больше уничтожить живой силы и техники противника За все 8 месяцев обороны Севастополя враг потерял до 300 000 своих солдат убитыми и ранеными. В боях за Севастополь немецкие войска понесли огромные потери, приобрели же – руины» [2, с. 1].

Итоговый характер сообщения заставляет обратить особое внимание на три важных момента. Во-первых, текст сообщения выстроен таким образом, чтобы у слушателя и читателя возникло четкое понимание того, что главная задача обороны Севастополя сводилась к максимальному уничтожению «живой силы и техники врага» и была успешно выполнена. Во-вторых, текст сообщения лишен эмоционального драматизма в оценке произошедшего и более того позволяет читателю или слушателю, воспринимать утрату Севастополя, как утрату уже ничего не значивших с военной точки зрения «руин». И, наконец, в-третьих, для читателя или слушателя совершенно не очевидно, кто из представителей политической и военной элиты страны принимал решение об от-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ступлении от Севастополя. Формулировка «приказ Верховного командования» носит подчеркнуто деперсонифицированный характер.

Неизбежным в условиях военного времени являлся сюжет о судьбе тех, кто защищал Севастополь. В рамках сообщения Совинформбюро он был решен фактически одним предложением. «Бойцы, командиры и раненные из Севастополя эвакуированы». Из текста сообщения остались непонятны ни масштаб эвакуации, ни степень успешности данной операции.

Возвращаясь к ключевому вопросу о военно-политическом значении обороны Севастополя, авторы сообщения обратили внимание на еще один аспект этой проблемы. «Сковывая большое количество немецко-румынских войск, защитники города спутали и расстроили планы немецкого командования. Железная стойкость севастопольцев явилась одной из важнейших причин, сорвавших пресловутое «весеннее наступление» немцев». Выявление и подчеркивание взаимосвязи между событиями, происходившими на разных фронтах Великой Отечественной войны, позволяло создать у читателя или слушателя ощущение единства страны, отражающей нападения врага и было важнейшим элементом нового официального дискурса, который формировался в условиях войны. Следует отметить еще одну особенность этого дискурса, которая проявилась именно в данном тексте сообщения Со-

винформбюро. Среди главных организаторов героической обороны Севастополя авторы сообщения назвали лишь высокопоставленных военных: вице-адмирала Ф.С. Октябрьского, 6 генерал-майоров, одного полковника и двух комиссаров. Офицеры более низких воинских званий в сообщении упомянуты не были. В официальном дискурсе этого времени доминировали высшие военнo-начальники и политические руководители.

Первичный анализ различных исторических документов и материалов, опубликованных в сборниках «Героический Севастополь» и «Героическая оборона Севастополя», позволяет нам сделать ряд выводов о некоторых особенностях официального дискурса, проявившихся в ходе боевых действий в Севастополе в 1941–1942 гг.

Во-первых, официальный дискурс эпохи героической обороны Севастополя 1941–1942 гг. имел сложную внутреннюю конструкцию, он формировался через различные каналы и институты, главными из которых были: выступления И.В. Сталина, обращения военного совета Черноморского флота и городского комитета обороны, публикации в газетах.

Во-вторых, если на первом этапе обороны Севастополя официальной базовой установкой, получившей наиболее полное воплощение в выступлениях различных военнo-начальников, журналистов, в материалах партийных и государственных органов была установка на за-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

щиту города от врага, то по мере того, как менялся характер боевых действий, менялось и восприятие главной цели севастопольской обороны. Решающим для формирования новой официальной дискурсионной практики стало обращение И.В. Сталина и одно из сообщений Совинформбюро. В этих текстах, как и в ряде других, более поздних официальных документов главной задачей обороны Севастополя ставилось уничтожение живой силы и техники противника. Масштабы потерь, понесенных войсками гитлеровской Германии под Севастополем, позволяли считать эту задачу выполненной. И.В. Сталин, который, по словам А. Юрчака выполнял «роль господствующей фигуры советского идеологического дискурса» позволил в этой ситуации минимизировать хорошо известный политологам «парадокс Лефора» и хотя бы временно преодолеть разрыв между практическими приложениями государственной идеологии и ее дискурсом [4].

Во-третьих, в официальном дискурсе «героической оборо-

ны Севастополя» особое место занимали три элемента: образ И.В. Сталина, образ мужественных защитников города, самостоятельный образ Севастополя, выступающего в качестве примера для других городов страны. В целом арсенал тропов, использованных в этом случае в официальном дискурсе, был традиционным для советского дискурса: эпитеты, метафоры, гиперболы и др.

В-четвертых, свое особое место для формирования официального дискурса «героической обороны Севастополя» занимал образ врага.

В-пятых, в официальном дискурсе «героической обороны советского Севастополя» огромную роль играла историческая составляющая. Именно связь между трагическими событиями XIX в. и героическими событиями XX в., которая осуществлялась через сопоставление масштабов военных действий, подвигов участников обороны, биографий героев создавала основную системообразующую конструкцию официального дискурса.

Библиографический список

1. Аксенов, В.Б. Первая мировая война в крестьянском мифологическом дискурсе 1914–1916 гг. / В.Б. Аксенов [Электронный ресурс]. – URL: http://www.inion.ru/index.php?page_id=531 (дата обращения 10 октября 2015 г.); Ворожбитова, А.А. «Официальный советский язык» периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация / А.А. Ворожбитова [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/vorozhbitova-00.htm> (дата обращения 10 октября 2015 г.); Оболонкова, М.А. Дискурс войны и человек мира / М.А. Оболонкова [Электронный ресурс]. – URL: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/pamyatniki-geroyam-pervoy-mirovoy/100-let/diskurs-voiny-i-cheloviek-mira> (дата обращения 10 октября 2015 г.); Хачецукова З.К. Лингвориторические параметры советского официального дискур-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

са периода Великой Отечественной войны: на материале передовых статей газеты «Правда». Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Сочи, 2007. – 213 с.

2. Героический Севастополь. Сборник материалов, напечатанных в центральных газетах. – М., 1942. – 96 с.

3. Героическая оборона Севастополя. 1941–1942 гг. Сборник документов и материалов под ред. П.А. Чурсина. – Крымиздат, 1946. – 292 с.

4. Львовский, С. Бывшее навсегда / С. Львовский [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.colta.ru/articles/literature/6026> (дата обращения 10 октября 2015 г.).

5. Сибиряков, И.В. Образы Севастополя в музыкальных произведениях советских авторов / И.В. Сибиряков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Социально-гуманитарные науки. – 2015. – № 3. – с. 25–26.

References

1. Aksenov V.B. Pervaja mirovaja vojna v krest'janskom mifologicheskom diskurse 1914–1916 gg., V.B. Aksenov [Jelektronnyj resurs], URL http://shhshhshh.inion.ru/indeh.php?page_id=531 (data obrashhenija 10 oktjabrja 2015 g.); Vorozhbitova A.A. «Oficial'nyj sovetskij jazyk» perioda Velikoj Otechestvennoj vojny: lingvoritoricheskaja interpretacija, [Jelektronnyj resurs], URL <http://shhshhshh.philology.ru/linguistics2/vorozhbitova-00.htm> (data obrashhenija 10 oktjabrja 2015g.); Obolonkova M.A. Diskurs vojny i chelovek mira, M.A. Obolonkova [Jelektronnyj resurs], URL <http://histrf.ru/ru/biblioteka/pamjatniki-gerojam-pervoy-mirovoy/100-let/diskurs-voiny-i-cheloviek-mira> (data obrashhenija 10 oktjabrja 2015 g.); Hachecukova, Z.K. Lingvoritoricheskie parametry sovetskogo oficial'nogo diskursa perioda Velikoj Otechestvennoj vojny: na materiale peredovyh statej gazety «Pravda». Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk, Sochi, 2007, 213 p.

2. Geroicheskij Sevastopol'. Sbornik materialov, napechatannyh v central'nyh gazetah, M., 1942, 96 p.

3. Geroicheskaja oborona Sevastopolja. 1941–1942 gg. Sbornik dokumentov i materialov pod red. P.A.Chursina, Krymizdat, 1946, 292 p.

4. L'vovskij S. Byvshee navsegda, [Jelektronnyj resurs], URL <http://shhshhshh.colta.ru/articles/literature/6026> (data obrashhenija 10 oktjabrja 2015 g.).

5. Sibirjakov I.V. Obrazy Sevastopolja v muzykal'nyh proizvedenijah sovetskih avtorov, Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Social'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities], 2015, № 3, p. 25–26.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

**ТРЕБОВАНИЯ
К ПУБЛИКАЦИЯМ**

Требования к сопроводительным документам:

* экспертное заключение для открытой печати

* рекомендация к публикации

***Требования к срокам подачи докладов:**

* 20.11

Требования к содержанию докладов:

* социально-политическая и гуманитарная направленность

* комплексный и междисциплинарный характер

Требования к форме докладов:

Редактор Ms Word, формат А4, шрифт Times New Roman, интервал 1 пт, красная строка 1 см, поля 2х2х2х2 см,

Требования к структуре докладов:

УДК, название, список авторов, аннотация (150–200 слов), ключевые слова, текст доклада (примерно 10 страниц), библиографический список (5–15 названий)

Требования к языку докладов:

* доклад может быть представлен на любом языке

* название, список авторов, аннотация (150–200 слов), ключевые слова повторяются на русском, английском языках и языке оригинала статьи

При оформлении докладов рекомендуется пользоваться требованиями БД SCOPUS

REQUIREMENTS CONCERNING THE PUBLICATION

Requirements concerning the enclosed information:

*experts' decision on public print

*recommendation for publication

***Requirements concerning the deadline for submitting the report:**

* 20.11

Requirements concerning the content of the report:

*social and political focus

*complex and interdisciplinary character

Requirements concerning the report' form:

Microsoft Word, A4, font of Times New Roman, interval of 1 pt., paragraph break of 1 cm, margins of 2x2x2x2 cm

Requirements concerning the report' structure:

Universal Decimal Classification, title, authors, annotation (of 150 to 200 words), key words, the report's text (comprising of approximately 10 pages), bibliography (of 5 to 15 items)

Requirements concerning the report' language:

*The report can be presented in any language

*The title, the authors, the annotation (of 150 to 200 words), key words are repeated in Russian, English as well as in the language of an original article

While writing the reports the recommendations of bibliographic database SCOPUS are advised to follow